

Жизнь и борьба
Джавахарлала
Неру

„Пусть
не обманет
надежда!“

А. Володин
П. Шаститко

А. Володин, П. Шаститко

Политиздат

„Пусть не обманет надежда!..“

Жизнь и борьба
Джавахарлала
Неру

НЕРУ

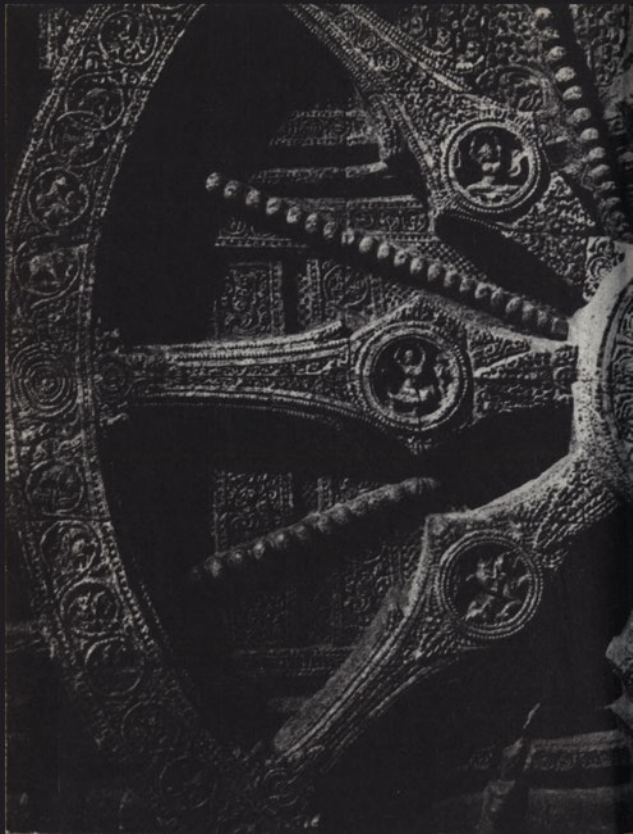

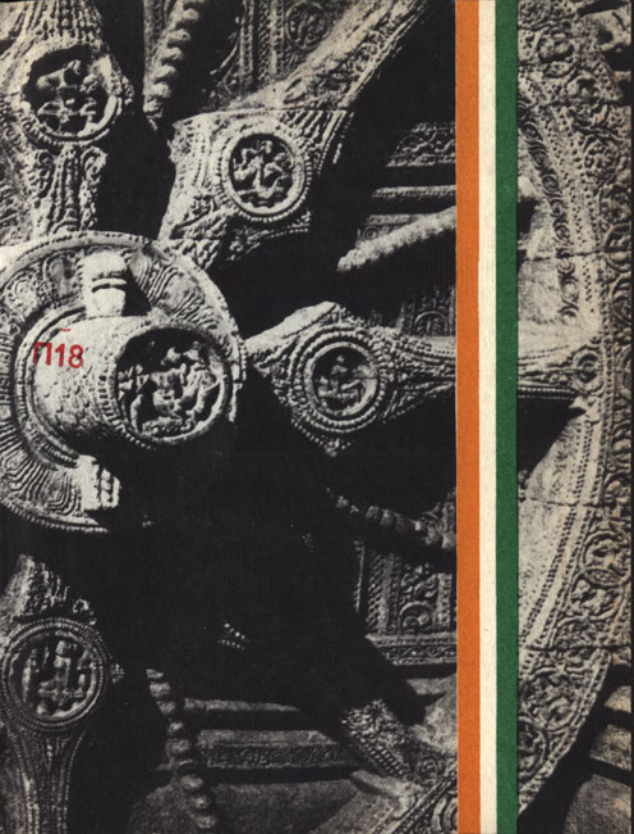
„Пусть
не обманет
надежда!“

Я не мудрец. Я всего лишь человек, который почти полвека подвизается на поприще общественной деятельности и кое-что усвоил за это время, а прежде всего то, что мудрые люди зачастую ведут себя очень глупо. Это наблюдение нередко заставляет меня усомниться в собственной мудрости. Я спрашиваю себя: «Прав ли ты?»

ДЖАВАХАРЛАЛ НЕРУ

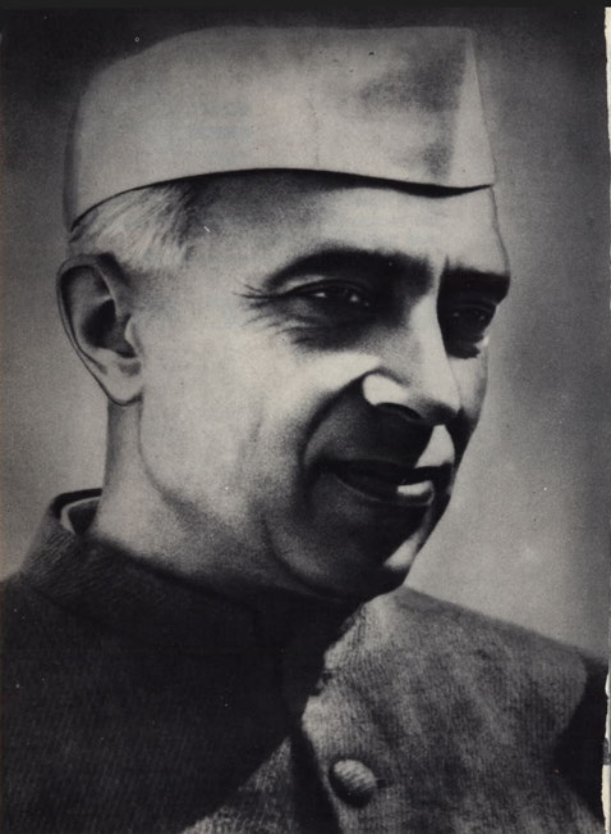

Я не исповедую никаких догм и религий,
но твердо верю — называйте это религией
или как-нибудь иначе —
во врожденную духовность людей.

Jawaharlal Nehru

А. Володин
П. Шаститко

„Пусть не обманет надежда!..“

Жизнь и борьба
Джавахарлала
Неру

Москва
Издательство
политической
литературы
1990

ББК 66.3(5Ид)
В68

Володин А. Г., Шаститко П. М.
В68 «Пусть не обманет надежда!..» Жизнь и борьба
Джавахарлала Неру.— М.: Политиздат, 1990.—
351 с.: ил.
ISBN 5—250—00445—8

В книге ученых-востоковедов Володина А. Г. и Шаститко П. М. рассказывается о жизненном пути Джавахарлала Неру, об эволюции его политических взглядов. Будучи лидером партии Индийский национальный конгресс и первым главой правительства независимой Индии, он внес выдающийся вклад в борьбу за освобождение родины, становление суверенного индийского государства. Крупнейший политический деятель, философ и историк, убежденный противник социальной несправедливости и национального угнетения, искренний друг Советского Союза — таким запечатлелся в памяти современников и вошел в историю Джавахарлал Неру.

Расчитана на широкий круг читателей.

В 0503030000—049 153—91
079(02)—90

ББК 66.3(5Ид)

ISBN 5—250—00445—8

© Володин А. Г., Шаститко П. М., 1990

● ПРЕДИСЛОВИЕ ●

14 ноября 1989 года исполнилось 100 лет со дня рождения Джавахарлала Неру. Это — памятная дата современного индийского политического и исторического календаря. Джавахарлал Неру, выдающийся политический деятель современности, стоял у истоков рождения независимого индийского государства.

Суверенная Индия занимает особое место среди освободившихся государств афро-азиатского мира. В этой стране существует достаточно устойчивая система представительной демократии, причем эта система живет и действует на фоне распространенного кризиса парламентаризма в развивающихся странах. Уникальность Индии состоит также в том, что в ней наличествует продолжительная демократическая традиция. Эта традиция проявляется, в частности, в образовании и деятельности левых прогрессивных правительств при активном участии коммунистов в таких штатах, как Западная Бенгалия, Керала, Трипура. В последнее время широкие слои индийского населения начинают активнее и действеннее участво-

вать в политической жизни, и это все больше отражается на общей ситуации в стране.

Вместе с тем на общественно-политическую жизнь Индии по-прежнему активно влияют традиционные институты — религия, община, кастовая система и т. п. Индийское общество отличается наличие множества каст, наций и народов, население в этой стране исповедует несколько религий — индуизм, ислам, сикхизм, буддизм, христианство, джайнизм и др. Все эти факторы взаимодействуют с современными экономическими и политическими условиями, образуя широкую амальгаму политических партий и общественных движений, культурных течений и религиозных групп.

Основы современной индийской политической жизни восходят к последней четверти прошлого века, когда начали возникать политические, правовые, идеологические и культурные предпосылки, впоследствии способствовавшие развитию национально-освободительного движения, которое в 1947 году увенчалось завоеванием независимости. В развитии этого процесса исключительно важная роль принадлежит партии Индийский национальный конгресс (ИНК) и его лидерам, среди которых одной из наиболее ярких и значительных личностей был первый премьер-министр суверенного индийского государства Джавахарлал Неру.

В его жизни было все — благодарность соотечественников и ненависть врагов, колониальные тюрьмы и фешенебельные резиденции, любовь нежной и преданной женщины и горечь безвременной ее утраты. Ему сопутствовали мудрость великих сподвижников и интриги бездарных чиновников. Все свои силы, волю и талант он поставил на службу заветной цели — освобождению родины от чужеземного владычества. Звездным часом его стало 15 августа 1947 года, когда в вечернее небо Дели взвилось трехцветное знамя — Джавахарлал Неру поднял над Красным фортам флаг независимой Индии.

Личность Неру наложила отпечаток на целые десятилетия истории суверенной Индии. Ему принадлежит выдающаяся роль в выработке общей стратегии социально-экономического развития страны, которую принято называть «курсом Неру». Этот курс предполагал скорейшее преодоление феодально-колониального наследия, обеспечение ускоренного роста народного хозяйства, достижение подлинной экономической самостоятельности. Не будет преувеличением утверждать, что эти задачи поистине эпохальны и грандиозны, а от их решения зависело в полном смысле будущее страны. Невозможно переоценить роль Дж. Неру в разработке философии развития страны в период завоевания независимости.

С полным основанием также Дж. Неру считают «архитектором» внешней политики Индии, основные черты которой — мирное сосуществование стран с различным общественным строем, отказ от войн и от угрозы силы и ее применения как средства решения международных споров, признание суверенного права народов на самоопределение, активное неприятие колониализма во всех его формах и проявлениях. Внешняя политика независимой Индии, у истоков которой стоял Дж. Неру, стала важным фактором мощного движения за мир и международную безопасность, которое охватило и освободившиеся от колониальной и полуколониальной зависимости страны и народы.

Логическим продолжением такой внешней политики явилось подписание в ноябре 1986 года советско-индийской Делийской декларации, в которой провозглашались — приоритет общечеловеческих гуманистических ценностей в отношениях между государствами, прекращение гонки вооружений и концепция безъядерного мира, обуздание сил милитаризма и войны, обеспечение прочного мира и надежной безопасности, защита среды обитания ради жизни будущих поколений.

Свобода и демократия были для Неру наиважнейшими, непреходящими ценностями, ибо они суть главные гаран-

тии превращения человека из подданного в гражданина, способного защищать социальную справедливость и другие принципы, без которых немисливо существование гражданского общества. Вспомним Сократа: «Свобода — прекрасное и величественное достояние как для человека, так и для государства». Джавахарлалу Неру принадлежит выдающаяся роль в разработке индийской концепции демократии, отвечающей традициям и духу индийской цивилизации и национальной политической культуры. Благодаря усилиям Неру и его соратников индийская демократия обрела плоть и кровь.

На страницах этой книги читатель не раз встретит такие важные для Джавахарлала Неру понятия *, как «национализм» и «социализм». Нетрудно заметить: содержание этих понятий не во всем соответствует нашим представлениям о национализме и социализме. Поэтому авторы считают своим долгом ввести читателя в круг идей, которые определяли жизненную позицию Неру. Под национализмом он, в частности, понимал «коллективную память народа», хранящую достижения, традиции и исторический опыт индийской цивилизации. Национализм был для Дж. Неру синонимом патриотизма и национального самосознания, силой созидания новой, свободной Индии. Национализм для Неру был неотделим от социализма, как он его понимал.

Если попытаться дать общую оценку социалистических воззрений Неру, то в целом можно сказать, что они были социал-реформистскими: концепция «общества социалистического образца», которую предложил Индии Дж. Неру в середине 50-х годов, включала в себя смешанную экономику, в которой взаимодействуют различные формы собственности; парламентскую демократию, при которой ни одна партия не обладает монополией на истину; национальное согласие (консенсус) — умение решать сложнейшие проб-

* Авторы предлагают читателю обратиться к словарю, расположенному в конце книги, если ему встретятся незнакомые имена и термины.

лемы страны на основе разумного компромисса между различными классами, слоями и группами; неприятие концепции классовой борьбы, подтачивающей и разрушающей, как полагал Дж. Неру, сами основы общества и государства. Разумеется, можно не соглашаться с подобной позицией, однако она была положена в основу государственного строительства Индии. Следует при этом подчеркнуть, что Неру с неизменным интересом и симпатией следил за историческим прогрессом в Советской России.

Наследие Джавахарлала Неру, его идеи и дела неизменно привлекают к себе внимание не только в Индии, но и далеко за ее пределами. Какова роль Неру в истории Индии, в становлении национальной идейно-политической традиции? Очевидно, ответ на этот вопрос требует весьма деликатного синтеза прошлого и настоящего, выяснения отношения по крайней мере к двум оценкам: значение деятельности Дж. Неру для своего времени, сутью которого было сокрушение колониального миропорядка и создание независимого индийского государства, и новое общественно-политическое звучание его наследия спустя четверть века после ухода Неру из политики и жизни.

Сегодня мы стремимся лучше понять сложные явления, столь характерные для современного быстро развивающегося, взаимосвязанного и взаимозависимого мира. Эти явления в подавляющем большинстве имеют свою предысторию, свою историческую основу. Многие этапные и переломные события политической истории современной Индии как бы сфокусировались на незаурядной личности Джавахарлала Неру, поэтому авторы приглашают читателей попутешествовать в прошлое в исторической «машине времени», благо столетний юбилей выдающегося лидера Индии предоставляет такую возможность.

Авторы выражают признательность директору Мемориальной библиотеки Джавахарлала Неру профессору Равиндеру Кумару за предоставленные материалы, что оказало большую помощь в работе.

● ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС ●

15 августа 1947 года в Дели на огромной площади у суровых стен старинного Красного форта гроыхало, бушевало, кипело и переливалось многоцветьем ярких красок безбрежное людское море. Светлые одежды индусов, темные шервани мусульман, яркие тюрбаны сикхов, белые дхоти мужчин и цветные сари женщин — все это сливалось в пеструю гигантскую подвижную толпу.

Впрочем, нет. Это была не толпа. Толпа — нечто неуправляемое, поведение ее непредсказуемо. Она бывает молитвеннопокорной и коленопреклоненной. Но в ней есть и что-то взрывоопасное, и тогда, закипев, она может нести в себе страшную силу разрушения. Она способна на массовый фанатичный, героический порыв. Но она может впасть и в дикую, безотчетную панику — бежать, бежать, все сметая на своем пути. Толпа с великой легкостью, не задумываясь, сотворяет себе кумиров и с такой же легкостью ниспровергает их. Толпа — стихия. Но когда большая масса людей объединена идеей осознанного политического действия, она — народ.

Площадь у Красного форта заполнял народ. Народ многоликой, многонациональной Индии, весь ее калейдоскопически пестрый социальный спектр — бедные и богатые, рабочие и крестьяне из соседних деревень, интеллигенты и чиновники, торговцы и владельцы фабрик и земли, — народ, объединенный общей древней историей и трагической судьбой унижительного иноземного гнета.

Красный форт, у которого бушевало это людское море, — крепость в Старом Дели, олицетворявшая давно утраченное могущество исповедовавших ислам индийских императоров из династии Великих Моголов. Здесь особенно сильно чувствуется влияние мусульманской архитектуры. С красивыми садами, изысканными фонтанами, он являл собой образец величественной красоты. Мощные резные столбы поддерживают изящные балконы, нависающие карнизы отбрасывают спасительную от жары тень. Резьба по мрамору кажется рукотворным чудом. За крепкими стенами высятся чудесные, словно сошедшие со страниц средневековых сказок дворцы. На стенах одного из них причудливой арабской вязью начертано: «Если есть рай на земле — он здесь, он здесь, он здесь!»

На протяжении многих веков в Красном форте находилась резиденция правителей Индии, она же была и утешением недовольных. Во время великого восстания 1857—1859 годов у стен Красного форта английские каратели расстреливали повстанцев. Долгие десятилетия на флагштоке крепости высокомерно развевался британский флаг — «Юнион Джек».

15 августа 1947 года английского флага не было — его заранее, без лишнего шума спустили. Колонизаторы хотели спасти свое лицо — передать власть индийским лидерам негласно, без народа. Не вышло.

Но вот на высоком крепостном валу появилась группа людей. Впереди шел человек среднего роста, хрупкий на вид, в светлой, застегнутой до подбородка длинной куртке из домотканой материи, с красным цветком в петлице и белой

шапочке члена партии Индийский национальный конгресс. Это был Джавахарлал Неру. Огромная людская масса взорвалась восторгом и ликованием.

Ветер треплет его седые волосы. Усталые карие глаза, окруженные густой сетью преждевременных морщин, излучают радость и гордость. Неру не мог, да и не хотел скрывать своего волнения.

Вдруг раздался гром артиллерийского салюта. Под залп тридцати одного орудия Неру подошел к флагштоку и в небо медленно стал подниматься трехцветный флаг новой, независимой Индии. «Джай Хинд! Джай Хинд!» («Да здравствует Индия!») — громко и разноголосо разнеслось над площадью.

Без риска впасть в преувеличение можно сказать: Индия тогда переживала переломные дни, начиналась новая историческая эпоха.

Накануне, 14 августа, Неру обратился по радио к индийскому народу. Эту речь, которая была, пожалуй, самой важной и самой ответственной за всю его политическую жизнь, он заранее подготовить не успел. Весь день он безуспешно пытался сначала предотвратить, а затем прекратить начавшиеся кровавые столкновения между мусульманами и индусами в Пенджабе, сообщения о которых, одно тревожнее другого, непрерывно поступали к нему¹. На студию Неру приехал уставший и до предела взвинченный. Но сумел собраться, прекрасно понимая ответственность момента, и речь произнес экспромтом, на озарении. «Это важный момент для нас в Индии, для всей Азии и для

¹ Английские колониальные власти предусмотрели после ухода из Индии разделение ее на два государства: Индию и Пакистан. В основу разделения был положен религиозный принцип. Исповедовавшие индуизм становились гражданами Индии, исповедовавшие ислам — Пакистана. В штатах Пенджаб и Бенгалия проживали как индусы, так и мусульмане, и эти административные единицы подлежали расчленению. Появились сотни тысяч депортированных и беженцев. Вспыхнули массовые погромы. Число убитых достигло полумиллиона человек.

всего мира», — эти слова, затаив дыхание, слушала вся страна. — Восходит новая звезда, звезда свободы на Востоке. В нашей жизни начинается новая эра и осуществляется давнишняя мечта. Пусть никогда не зайдет эта звезда и никогда не обманет надежда!»

Вечером того же дня состоялось заседание Учредительного собрания Индии. Зал заседаний выглядел необычно и торжественно: его стены были обтянуты оранжевой, белой и зеленой тканью, образуя цвета национального флага. Делегаты напряженно и взволнованно ожидали торжественной минуты. Приближалась полночь, но никто не обращал внимания на время. И вот на трибуне появился председатель собрания, видный деятель партии Индийский национальный конгресс Раджендра Прасад. Он открыл собрание и предложил делегатам и гостям почтить вставанием память борцов, принесших свои жизни на алтарь свободы. Выдержав долгую паузу, он громко и торжественно провозгласил создание нового доминиона Великобритании — Индийского Союза. Вице-король Индии лорду Маунтбэттену сообщили, что Учредительное собрание принимает на себя полноту власти над страной.

Председательствовавший Раджендра Прасад предоставил слово Джавахарлалу Неру. Все встали. Раздались возгласы приветствий. Неру оглядел зал. В нем сидели его товарищи по совместной многолетней борьбе. Они ободряюще и доброжелательно смотрели на него. Он глубоко вздохнул и начал выступление: «Сегодня мы — свободный и суверенный народ. Мы освободились от бремени прошлого. Мы с дружкой во взоре смотрим на мир и с верой и уверенностью глядим в будущее. Мы покончили с бременем иностранного владычества, но свобода несет с собой обязанности и ответственность. Мы должны создать страну, не знающую голода, печали и болезней». Неру выдержал паузу, он понимал, что Индия лишь только в начале пути, на котором ее ожидает немало трудностей и преград. «Много лет назад мы избрали свою судьбу, — продолжал он. — Теперь настал мо-

мент, когда мы выполним свою клятву, если не целиком и в полной мере, то, во всяком случае, в значительной части. Когда часы пробьют полночь и весь мир будет погружен в сон, Индия проснется к жизни и свободе... В этот торжественный момент мы должны поклясться посвятить себя служению Индии и ее народу...»

На следующее утро Маунтбэттену было предложено остаться в Индии в качестве генерал-губернатора и он, в свою очередь, привел к присяге Джавахарлала Неру как первого премьер-министра свободной Индии. Факт передачи власти Маунтбэттену был знамением нового времени — адмирал лорд Луис Фрэнсис Альберт Виктор Николас Маунтбэттен являлся правнуком королевы Виктории, с именем которой связан расцвет Британской колониальной империи. Именно она в 1876 году была помпезно провозглашена императрицей Индии. Через 70 лет ее правнук оказался одним из главных действующих лиц при распаде той самой империи, в которой «никогда не заходит солнце».

На первом заседании Конституционной ассамблеи доминиона Индийский Союз генерал-губернатор лорд Маунтбэттен признал: «Примерно шесть месяцев тому назад господин Эттли (премьер-министр лейбористского правительства Англии — Авт.) предложил мне принять назначение в качестве последнего вице-короля (Индии — Авт.). Он не скрывал, что задача будет нелегкой, поскольку правительство Его Величества уже решило передать власть в руки индийцев не позднее июня 1948 года. В то время многим казалось, что правительство Его Величества установило слишком раннюю дату: как можно было завершить эту сложную акцию в течение пятнадцати месяцев?

Однако, пробыв в Индии не более недели, я понял, что этот срок для передачи власти был скорее поздним, чем ранним; напряженность отношений между религиозными общинами и мятежи приняли такие размеры, о которых я не имел представления, когда выезжал из Англии. Мне казалось, что решение должно быть выполнено к самому по воз-

возможности раннему сроку, так как был риск огромного общего пожара, способного охватить весь субконтинент».

Что ж, Маунтбэттену нельзя было отказать в трезвой оценке. В Индии нарастал революционный подъем.

Дата 15 августа стала водоразделом истории Индии — страна вступила в новую эпоху, эпоху суверенного развития.

Завершился почти двухсотлетний период британского колониального владычества в Индии. Индия обрела независимость и распахнула окно в новый мир, полный надежд. Первым премьер-министром нового независимого государства стал Джавахарлал Неру. Он возглавлял правительство вплоть до своей кончины 27 мая 1964 года. С именем Неру связан целый период в политической истории Индии. Неру — создатель государственно-политической системы Индии и ее внешнеполитического курса, сыгравшего столь значительную роль в международных отношениях середины XX века. Именно поэтому он, великий сын Индии, принадлежит всему человечеству.

В блестящем созвездии политических деятелей, рожденных в период революционного обновления Азии, имя великого сына Индии Джавахарлала Неру освещает не только ее славное прошлое, но и отбрасывает свет в будущее. Народ Индии запомнил слова своего первого премьер-министра, сказанные в знаменательный день истории их родины в августе 1947 года: «Пусть не обманет надежда!»

Ракхи Джавахарлала Неру
(ракхи — амулет в виде шнурка,
который дарят сестры
своим братьям
во время праздника
Ракша Бандхан)

● ДЕТСТВО ●

Говорят, что родословную имеют только именитые люди. У Джавахарлала Неру она была. О ней он рассказал в своей «Автобиографии».

В начале XVIII века в Дели царствовал представитель могущественной династии Великих Моголов император Фаррук Сияр (1713—1719 годы), внук удачливого воителя Бахадур-шаха. Однако, в отличие от своих воинственных предков, Фаррук Сияр вошел в историю не столько как покоритель новых территорий, сколько как меценат, знающий толк в науках и искусстве. Как-то до него донеслось, что в горном Кашмире живет большой эрудит — знаток санскрита и изящной персидской литературы брахман и пандит Радж Каул. Император призвал Раджа Каула к своему двору и щедро пожертвовал ученому кашмирцу большой надел земли — джагир, удачно расположенный на самом берегу оросительного канала. Тогда-то к имени Каула и стали добавлять «Неру», от слова «канал». Впоследствии это слово-приставка окончательно закрепилось за его потомками как фамилия, вытеснив первоначальное Каул.

Долгие годы потомки этого кашмирского пандита были связаны с Дели, занимая высокие должности при дворе дряхлевшей империи Великих Моголов. В середине XIX века один из них — Гангадхар Неру — был назначен начальником полиции (котвалом) Дели.

Вспыхнувшее в мае 1857 года мощное народное восстание против английских колонизаторов почти два года сотрясало Северную Индию. Особенно яростный и ожесточенный характер носили бои между повстанцами и колонизаторами в самом Дели. Многие жители бежали из города, где шли сражения и свирепствовали пожары. Среди беженцев была и семья Гангадхара Неру. После долгих мытарств она оказалась в городе Агра, что в двухстах километрах к югу от Дели.

После безжалостного подавления народного восстания Гангадхар Неру не возвратился из Агры в Дели. Он чувствовал себя плохо, много болел и в начале 1861 года скончался. Через три месяца после его смерти 6 мая 1861 года его жена родила сына, которому дали имя Мотилал. Заботы о мальчике легли на плечи волевой и решительной матери и ее старших сыновей. Вскоре семья покойного Гангадхара Неру переехала из Агры в Аллахабад.

Аллахабад — древний город (его старинное название Праяга), с которым связаны многие исторические события Индии. В его окрестностях проходили сотни великих сражений древности. Тяжелые слоны с трубным ревом топтали мертвых и умирающих, носились обезумевшие кони, грохотали боевые колесницы, свистели смертоносные стрелы и звенели удары мечей. Часто именно здесь решались судьбы могущественных империй и полыхал огонь бесчисленных крестьянских восстаний. Легенды и рассказы из славной истории края передавались из поколения в поколение, превращались в часть духовного опыта современников.

Аллахабад, большой и шумный город, расположен в долине, где желтоватые воды могучего Ганга сливаются с зеленовато-голубыми струями его притока Джамны и, как

гласит легенда, с мифической подземной рекой Сарасвати. Это место — «Тривени-Сангам» («Тройственное слияние») почитается у индусов священным. Аллахабад стал близким и родным для новых поколений семьи Неру.

Учеба для Мотилала началась дома: он изучал арабский и персидский языки и литературу с учителями-мунши. Затем, окончив английскую правительственную школу в Канпуре, поступил в аллахабадский английский колледж. Способный мальчик делал быстрые успехи. За два-три года он выучился хорошо говорить по-английски, усвоил западные манеры и стал носить европейское платье, чем шокировал многих ортодоксальных индусов, еще не привыкших к этой моде, распространенной в то время в европеизированных кругах Калькутты и Бомбея. Мотилал жаждал преуспеть в жизни и, выбирая профессию, остановился на юриспруденции, обещавшей удачливому быстрый успех. Юрист, успешно проводивший процесс богатого клиента, получал внушительные гонорары. Он выдержал экзамен на должность адвоката и начал юридическую практику в городе Канпуре. Спустя три года М. Неру возвратился в Аллахабад и поступил на службу в Верховный суд. Казалось, фортуна благоволила Мотилалу... Неожиданно на семью Неру обрушился новый удар: скоропостижно умер Нанд Лал, средний из братьев, воспитавший Мотилала. С тех пор бремя содержания большой семьи легло в основном на его молодые плечи. Полный решимости добиться успеха, он ушел с головой в работу. К Мотилалу перешли неоконченные адвокатские дела и клиентура брата. Мотилал справился с ними быстро и искусно. Он был умен, деятелен и хорошо знал свое ремесло. С профессиональным успехом пришел и материальный достаток. Мотилал Неру стал одним из самых состоятельных и авторитетных адвокатов провинции. Карьера его была стремительной. Обеспечив себе прочное место в обществе, Мотилал Неру женился. Однако после свадьбы его жена заболела и умерла, и он женился вторично.

Сначала семья Неру жила в небольшом доме в центральной части Аллахабада, недалеко от пестрого и шумного базара. Позднее успешная адвокатская деятельность главы семьи дала возможность Неру изменить не только стиль жизни в доме, но и сменить сам дом. Поводом для этого послужило радостное событие — 14 ноября 1889 года друга Мотилала, которому было тогда двадцать восемь лет (по индийским меркам — солидный возраст), поздравили его с рождением первенца, которому дали многозначительное имя — Джавахарлал («Драгоценный»).

В 1900 году Мотилал купил богатое, окруженное тенистым садом здание, которое получило название «Ананд Бхаван» («Обитель радости»).

Дом Неру отличался от многих домов богатых индийцев: здесь не было аляповатых излишеств, назойливо демонстрирующих достаток хозяина. Зато в нем была хорошая библиотека индийской, английской и персидской литературы. Дом освещался электричеством, что было невиданным новшеством в провинциальном Аллахабаде. Первый автомобиль в городе, произведший сенсацию, также принадлежал Мотилалу Неру. В большом, со вкусом устроенном парке щедрая зелень тенистых деревьев и кустарников соперничала с буйством ярких красок цветов. Фонтаны и бассейн для плавания создавали прохладу даже в жаркие дни.

Любивший широко пожить, щедрый на угощение, человек огромного обаяния и блестящий собеседник, Мотилал Неру собирал в своем новом доме многочисленных друзей, среди которых был интеллектуальный цвет аллахабадского высшего общества. Две кухни — восточная и западная — готовили для них изысканные кушанья. В беседах с гостями Мотилал Неру часто говорил, что ему импонирует деловитость, организованность и предприимчивость англичан, а в минуты особой откровенности даже утверждал, что консервативные индийцы сами обрекли себя на рабское существование тем, что не способны бороться за место под

солнцем. Оппозиционных английским властям индийских политических деятелей Мотилал не любил и считал их неудачниками, а работу, которую они проводили, — несерьезным занятием недалёковидных людей. В доме Неру господствовал европейский стиль жизни, его гостями нередко были англичане, говорили здесь и даже думали по-английски. Сам Мотилал носил европейский костюм с жилетом и часами на массивной цепочке. Он всегда тщательно брился, сохраняя лишь густые черные усы.

Маленький Джавахарлал боготворил отца, который в его глазах был олицетворением силы, мужества и ума. Широкоплечий, мощный, с крупными чертами лица, уверенный в себе, наделенный огромной силой воли, Мотилал Неру был энергичен и порывист. Находчивый и остроумный, он всегда был душой общества. Конечно, сын видел, что отец часто бывал чересчур вспыльчив, необуздан и резок. В эти минуты отца боялись все домашние и слуги. Но Джавахарлал мысленно прощал ему все, когда тот возвращался с соревнований по индийской народной борьбе, возбужденный ощущением трудного единоборства и радостью победы. Сердце мальчика наполнялось любовью и гордостью, а авторитет отца оставался непререкаем. Широко эрудированный, хорошо образованный Мотилал находил время для длительных бесед с сыном, во время которых они касались самых различных сторон жизни и судеб Индии.

С самого детства Джавахарлал чувствовал свою если не исключительность, то избранность. Не только окружавшая его обстановка обеспеченности, но и сословно-религиозный статус — он принадлежал к высшей касте индусов — брахманам — подчеркивали его обособленность. В доме было много слуг, и каждый старался угадать его желания. Гулял он, как правило, в саду у дома, и большой мир за забором был ему чужд и непонятен. Бедность и нищета Индии во всей ее отталкивающей наготе Неру-мальчик не видел. Он имел мало друзей среди сверстников и поэтому был необщителен.

Джавахарлала воспитывали на английский манер, но он любил и часто слушал долгие, неторопливые рассказы писаря отца — мусульманина Мубарака Али, семья которого сильно пострадала в трагические дни 1857 года. Старый писарь был интересным рассказчиком, и мальчик, затаив дыхание, часами мог слушать историю о том, как мужественные аллахабадцы, возглавляемые маулави Лиакатом Али, в начале июня 1857 года восстали против ненавистных иноземцев и захватили власть в городе, как войска английского генерала Нила подошли к Аллахабаду и штурмом взяли город, учинив дикую, кровавую расправу. Впечатлительный Джавахарлал близко к сердцу принимал эти живые свидетельства истории Индии, полные трагизма и славы.

Мать Джавахарлала Сваруп Рани по вероисповеданию — ортодоксальная индуска. Она строго соблюдала религиозные обряды. Именно благодаря матери в доме Неру поддерживался дух индуистских традиций. Она любила, усадив сына около себя, нараспев декламировать отрывки из «Махабхараты» и «Рамаяны», в которых описывались подвиги Рамы и его жены Ситы, сражения Кауравов и Пандавов — великих династий Древней Индии. От матери Джавахарлал узнавал легенды, мифы и народные поверья. Вместе с ней он ходил в храмы на моления, совершал религиозные омовения в священных водах Ганга. Однако религия не играла формирующей роли в становлении Джавахарлала Неру как политика и мыслителя. Позднее он напишет: «О религии у меня были весьма смутные представления. Она казалась мне женским занятием. Отец и старшие из моих двоюродных братьев относились к этому вопросу с юмором, отказываясь принимать его всерьез». Над Джавахарлалом, как мы уже говорили, безраздельно довлел авторитет отца, а Мотилал Неру, хотя и был кашмирским брахманом, не отличался истовой приверженностью к культу, считая это занятием праздных либо недалеких людей. Отец поучал сына, что главное в жизни — деловитость, организованность и

упорство в достижении цели, а этому можно научиться не в мертвых догматах религии, а заимствовать у напористых и практичных англичан. В зрелом возрасте Неру чтит индуизм, но считал поклонение его богам и канонам личным делом каждого.

Семья Неру так никогда и не смогла полностью ассоциироваться с высококастовой общиной Аллахабада. Причина тому — Мотилал и его семейство были «новичками» в городе. Кроме того, община городских брахманов была шокирована тем, что Мотилал Неру, презрев религиозные запреты, «уехал за черные воды», т. е. совершил в 1899 году деловую поездку в Англию, после чего, к негодованию ортодоксальных членов общины, отказался от совершения обряда очищения от этого «величайшего из грехов».

И все же, несмотря на английское воспитание и образование, росший в исключительных условиях Джавахарлал если не ощущал на себе, то слышал от других об унижительном бесправии индийцев, о чванливости и высокомерии англичан. Он уже начинал понимать, что колонизаторы творят величайшее зло — они уродуют душу народа. И это вызывало его негодование. В нем пробуждалось щемящее чувство оскорбленного национального достоинства. Впоследствии он так вспоминал о впечатлениях своего детства: «...Всякий раз, когда англичанин убивает индийца, суд, состоящий из соотечественников убийц, оправдывает его. В поездах для европейцев были отведены специальные купе, и как бы ни был переполнен поезд, — а поезда бывали обычно страшно переполнены — ни одному индийцу не разрешалось ехать в этих купе, хотя бы они и оставались незанятыми. Англичанин же мог занять в поезде любое купе и не допускать туда ни одного индийца. В парках и других общественных местах для европейцев также были отведены специальные стулья и скамьи. Я негодовал на чужеземных властителей моей родины, возмущался их поведением, и всякий раз, когда кто-либо из индийцев давал им сдачи,

меня это радовало». Но эти проблемы еще, конечно, мало волновали в детские годы Джавахарлала. Его любимым занятием был спорт. Подвижный и ловкий, он хорошо плавал, неплохо владел теннисной ракеткой и уверенно ездил верхом на лошади. Верховой езде его обучал специально приглашенный отцом тренер.

Когда Джавахарлалу минуло десять лет, отец решил пригласить к нему нового учителя. Им стал молодой Фердинанд Брукс, проживающий в Индии, сын ирландца и француженки. Он приехал в Аллахабад по рекомендации Анни Безант, одной из видных деятельниц теософского движения в Индии.

Фердинанд Брукс, последователь Анни Безант, начал излагать принципы теософии своему ученику. На квартире Брукса проводились еженедельные собрания теософов, и он регулярно приглашал любознательного подростка на эти мистические бдения. Однажды аллахабадские теософы, жившие спокойно и размеренно, пришли в движение и заволновались. Они удостоились высокой чести — их посетила сама Анни Безант. Она согласилась прочитать своим последователям несколько лекций на теософские темы. Джавахарлал сидел в зале и увлеченно слушал малопонятные витийствования этой преклонных лет дамы. Безант была искусным оратором и хорошо чувствовала аудиторию. Ее речь произвела ошеломляющее впечатление на Джавахарлала, и он решил немедленно вступить в теософское общество. Так в тринадцать лет, посвященный самой Анни Безант, он стал членом общества теософов. Это была первая организация, в которую вступил еще совсем юный Неру. Он был бесконечно горд, чувствовал себя принадлежащим к элите избранных, отличным от сонмища простых смертных, и наивно верил, что теософия обеспечит ему таинственную причастность к мудрости мира. Увлечение теософией, к счастью, было непрочным и недолгим. Оно тем не менее пошло на пользу: пробудило в мальчике интерес к чтению серьезных книг на философские темы.

Реальная жизнь, бурлящая, многообразная и интересная, рушила мистические схемы теософов.

В 1904 году разразилась русско-японская война. Джавахарлал каждый день с нетерпением ожидал свежих газет, чтобы узнать новости. Он обложил себя множеством книг по Японии и пытался прочесть некоторые из них. В его сознании возникала картина его личной борьбы — против англичан. Позднее он вспоминал: «В уме моем теснились националистические идеи. Я размышлял об освобождении Индии и об избавлении Азии от европейского ига. Я мечтал о смелых подвигах, о том, как буду с мечом в руке сражаться за Индию и помогу ее освобождению». Конечно, это были искренние и честные, но еще наивные детские мечты. До самостоятельного осмысления сути происходящего, а тем более до сознательного политического действия было еще очень далеко.

Мотилал Неру, сквозь пальцы смотревший на занятия сына теософией и его романтические мечтания, решил дать сыну серьезное европейское образование. В мае 1905 года вся семья отправилась в Англию. Комфортабельный лайнер «Македония» вышел из бомбейского порта и взял курс на британский порт Дувр. За спиной Джавахарлала Неру осталась родная Индия, а вместе с ней и беззаботное детство.

Из буфетной
в «Ананд Бхаване»

● ОБУЧЕНИЕ В АНГЛИИ ● ВОЗВРАЩЕНИЕ В ИНДИЮ И НАЧАЛО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ●

Неуютно и непривычно чувствовал себя Джавахарлал Неру в суровом туманном Лондоне. Вместе с отцом пришел он в знаменитую школу-пансион Харроу, в которой учились дети из богатых и знатных английских семейств. В это время в ней обучалось и несколько детей индийских аристократов. Обучение индийцев в Харроу было по-своему дальновидным и расчетливым шагом многоопытных колонизаторов — здесь они готовили будущих чиновников Индии, свою, как они считали, социальную опору на далеком и всегда беспокойном субконтиненте. Сознание, что он не один, что вместе с ним будут учиться соотечественники, несколько успокоило Джавахарлала, впервые покинувшего родной дом. Устроив сына в Харроу, Мотилал Неру уехал в Индию, оставив Джавахарлала тоскующим по родине и дому. Вскоре пришло первое письмо от Мотилала Неру, которое не ослабило, а наоборот, усилило ностальгические чувства сына. Сдержанный ранее в выражении чувств отец

писал: «Покидая тебя, мы оставляем самое дорогое, что у нас есть в этом мире... Было бы чудовищным эгоизмом, даже страшным грехом держать тебя возле нас, затем оставить тебе богатое наследство, но не дать хорошего образования... Я никогда не думал, что люблю тебя так сильно, до того, как вынужден был расстаться с тобой...» Джавахарлал ответил сразу. В его письме звучали почтительность, послушание и любовь: «Мой дорогой отец, как я желал бы быть снова рядом с Вами. Хочу, чтобы дни шли быстрее и наступил тот счастливый день, когда я снова увижу Вас...»

Со своими однокашниками Джавахарлал сходилась трудно. Вот что позднее писал о нем заведующий Харроу преподобный Эдгар Стогдон: «Неру... был хорошим мальчиком, тихим и утонченным. Хотя внешне это не проявлялось, но в нем чувствовался сильный характер. Не сомневаюсь, что свои сокровенные мысли он высказывал лишь немногим мальчикам и учителям; последние были высокого мнения о нем, так как он хорошо учился и почти никогда не причинял им неприятностей».

Джавахарлал учился старательно, прилежно и быстро делал заметные успехи. Уже через два года и он, и преподаватели почувствовали, что программа Харроу для способного ученика стала узка. В 1907 году Джавахарлал Неру поступил в один из наиболее престижных университетов мира — Кембридж. Поступление Джавахарлала в Харроу и его пребывание в Кембридже совпали со многими важными событиями в Индии и на мировой арене. Именно здесь он впервые стал интересоваться политикой и международными делами. Перед поступлением в университет он совершил поездку в Ирландию, где была в разгаре борьба ирландцев за свою независимость. В письме к отцу он сообщал: «Слышали ли Вы о шинфейнерах¹ в

¹ Шинфейнеры — члены организации, выступавшей за предоставление независимости Ирландии.

Ирландии? Это интереснейшее движение и напоминает так называемое экстремистское движение в Индии. Их политика заключается не в том, чтобы выпрашивать милость, а добиваться всего силой».

В Кембридже Неру изучал естественные науки и быстро преуспел в химии, ботанике и геологии. Он много читал и многим интересовался, но больше всего его волновали вести из Индии.

События в Индии тем временем стремительно развивались, вовлекая в свою орбиту все более широкие слои населения страны.

Не успела семья Неру уехать в Англию, как забурлила Бенгалия. Поводом для развернувшихся в этой провинции бурных событий были акты, проведенные вице-королем Индии лордом Керзоном (1899—1905 годы). Керзон пошел на коварный, но, как покажет ход дальнейших событий, недальновидный шаг: он подготовил и осуществил раздел Бенгалии. Сам Керзон, выступая позднее в английском парламенте, с циничной откровенностью признал: «Раздел разрубал надвое политические планы тех экстремистов и агитаторов, которые в своей борьбе за политические уступки искали в будущем случае, когда они смогли бы направить против британского правительства общую силу всего бенгальского народа».

В начале XX века Бенгалия являлась главным центром национального движения. Бенгальцы были наиболее сформировавшейся нацией в Индии, и их национальное единство составляло важный элемент в развитии национально-освободительного движения в этой части страны. Раздел Бенгалии в 1905 году на Западную (включавшую Бихар и Ориссу) и Восточную (включавшую Ассам) способствовал еще большему разжиганию религиозной и национальной розни. Действительно, в Западной Бенгалии большинство населения составляли бихарцы и ория, а в Восточной, несмотря на преобладание бенгальцев, основная часть населения исповедовала мусульманскую религию.

Но акция англо-индийских властей не остановила начавшееся движение бенгальцев против колонизаторов. Через несколько дней по провинции прокатилась волна митингов и демонстраций. Особенно широкий размах они приняли в августе — сентябре. Руководители движения призвали народ к необычной форме протеста, получившей название «свадеши». Эта тактика включала в себя бойкот английских товаров и производство национальных. В эти дни на площадях Калькутты запылали костры: бенгальцы жгли чужеземную одежду, утварь и т. д. В магазины английских фирм они не входили. Возмущение политической колонизаторов оказалось столь сильным, что многие торговцы в спешном порядке удаляли с товаров этикетки, указывавшие на их английское происхождение, и заменяли их ярлыками, удостоверяющими, что продукция «сделана в Германии». Однако это был не только экономический бойкот. В широком плане это был политический протест против колониальных порядков. Начатое в Бенгалии движение перекинулось на Махараштру, Пенджаб, докатилось до Кашмира и стало массовым и общендийским. 16 октября — день вступления в силу закона о разделе Бенгалии — был объявлен днем национального траура. Толпы людей заполнили улицы Калькутты. Никто не вышел на работу. Деловая жизнь города была парализована. Замерли и другие города. Движение росло. Летом 1906 года забастовали рабочие Восточно-Индийской железной дороги, к железнодорожникам присоединились текстильщики.

Бурные события происходили в Махараштре, где действовал один из лидеров радикального крыла партии Индийский национальный конгресс Бал Гангадхар Тилак. Джавахарлал Неру читал о его деятельности в тенденциозной английской прессе, искажавшей правду о доблестном сыне маратхского народа. О том впечатлении, которое произвел на него и других индийских студентов Тилак, он позднее заметил: «Почти все мы поголовно были приверженцами Тилака или экстремистов, как называли сто-

ронников этой новой партии в Индии». Деятельность Тилака, так диссонирующая с робкой оппозиционностью других лидеров Конгресса, была откровением для Джавахарлала Неру. Лондонские газеты вздохнули о суде над Тилаком.

Кто такой Тилак и за что его судили?

Б. Г. Тилак был одним из популярнейших политических деятелей Индии конца XIX — начала XX века. Народ присвоил ему почетный титул Локаманья — «любимец народа». Маратх по национальности, брахман по касте, сын учителя по происхождению, крупный организатор по призванию, он возглавил левое крыло Конгресса и начал борьбу за быстрое завоевание независимости Индии, призывая в своей газете «Кесари» к восстанию. Тилак писал: «Возникла противоположность между национальным характером Индии и институтами правительства. Приближается время для действия, призванного осуществить гармонию. Это действие — революция... Признаками этого действия являются акты насилия и безрассудства, такие, как применение бомб. Это время революции еще не пришло в Индии, но оно должно настать в будущем».

В одной из своих ярких речей (Тилак был прекрасным оратором) он говорил: «Свобода — право, данное мне от рождения, и я добьюсь ее!»

Колониальные власти боялись патриотической деятельности Тилака и готовили над ним расправу. Видный колониальный чиновник лорд Морли писал в конфиденциальном послании: «Тилак — не просто журналист, полный благородных идеалов и нереалистичных целей... Он один из главных, может быть, даже самый главный участник заговора против существования в Индии британского правительства, слабые места которого он тщательно изучил... Имей он больше времени для вынашивания своего плана, он, вполне возможно, преуспел бы в организации всеобщей забастовки — одного из русских методов, пропагандируемых партией насилия».

24 июня 1908 года в Бомбее Тилак был арестован, а 25 июня началось следствие. 13 июля открылся судебный процесс. Обвинение от имени английской короны инкриминировало подсудимому два преступления: разжигание или попытки разжечь чувство ненависти, презрения и недоброжелательства в отношении Его Величества короля Великобритании и законного правительства Индии, а также в разжигании чувств враждебности между различными классами подданных Его Величества. Тилак и не думал защищаться. Как писал российский генеральный консул в Бомбее, он произнес яркую речь, в которой «совершенно забыл, что защищался, и вместо того направил страстное обвинение против существующего в Индии строя... Он представляет из себя интересный тип ярого революционера».

Суд не обратил внимания на робкие выступления адвокатов, а речь непокорного обвиняемого вызвала лишь озлобление. Был вынесен суровый приговор: шесть лет каторжных работ и штраф в 1000 рупий. Колонизаторы самонадеянно считали, что преподали непокорным индийцам хороший урок. Лондонская «Таймс» с нескрываемым удовлетворением писала: «Приговор Тилаку будет иметь в конце концов великолепный сдерживающий эффект. Он показал народу Индии, что правительство не будет терпеть активной оппозиции своей власти». На другой же день после вынесения приговора в Бомбее, а затем в других городах начались массовые демонстрации протеста. Чрезвычайно важным и новым явлением было выступление в защиту Тилака бомбейского пролетариата, организовавшего крупную забастовку, в которой приняла участие часть промышленных рабочих города. Произошли вооруженные стычки с полицией, в результате которых было много убитых и раненых.

События в Индии обратили на себя внимание жившего в эмиграции В. И. Ленина. Оценка Владимира Ильича, ранее специально не занимавшегося Индией, была дальновидной и глубокой. В статье «Горячий материал в миро-

вой политике» он писал: «...За своих писателей и политических вождей начинает заступаться в Индии улица. Подлый приговор английских шакалов, вынесенный индийскому демократу Тилаку (Tilak), — он осужден на пожизненную ссылку... эта месть демократу со стороны лакеев денежного мешка вызвала уличные демонстрации и стачку в Бомбее». Ленин делал смелый вывод: «Пролетариат и в Индии дорос уже до сознательной политической массовой борьбы, — а раз это стало так, песенка английско-русских порядков в Индии спета!»

Индийский национальный конгресс встретил сообщение о суде и приговоре Тилаку неоднозначно. Его маститый ареопаг сокрушался по поводу политического максимализма и крайностей Тилака и осуждал его борьбу.

Мотилал Неру, ранее так демонстративно иронизировавший над своими включавшимися в политику друзьями, постепенно сам приобщился к деятельности Национального конгресса и даже председательствовал на сессии этой организации в родных Соединенных провинциях¹. Крутой, резкий в суждениях, не терпящий возражений в частной жизни, он придерживался умеренных и даже осторожных позиций в политике. Он осуждал Тилака и его сторонников и считал, что для Индии порвать с Англией значит ввергнуть страну в экономический хаос, политическую неразбериху и государственную катастрофу. «Взоры его были обращены на Запад», — писал о позиции отца Джавахарлал Неру.

Джавахарлал Неру за годы своей учебы не только следил за делами в Индии по прессе, но и неоднократно встречался с лидерами Национального конгресса, приезжавшими в Англию. Он тогда еще и не предполагал, что скоро настанет время, когда вся его жизнь будет связана с этой партией и что он будет играть столь значительную роль в ее борьбе. Неру встречался с видными конгрессистами —

¹ Нынешняя территория штата Уттар-Прадеш.

со степенным, солидным маразмом Г. К. Гокхале, с порывистым бенгальцем Б. Ч. Палом, но наибольшее впечатление на него произвел пенджабец Лала Ладжпат Рай. Это был человек левых убеждений и активных действий. Ему претили бессодержательные словесные баталии, он был человеком дела, а не фразы. Эта черта больше всего импонировала темпераментному Джавахарлалу. Он написал отцу о глубоком впечатлении, оставшемся от встречи с Ладжпат Раем. Мотилал продолжал информировать сына о событиях на родине: «Мы переживаем наиболее критический период в истории Британской Индии,— писал он в письме от 16 ноября 1905 года.— «Банде матарам»¹ стало обычной формой приветствия даже в Аллахабаде. Если только это движение будет продолжаться, по своему возвращению в Индию ты найдешь ее совершенно иной, чем во время своего отъезда».

События в Индии волновали Джавахарлала. Он просит отца регулярно высылать ему индийские газеты, подчеркнув, что газеты, издаваемые англичанами, ему не нужны.

Джавахарлала интересовали также политические события в других странах Азии. Большое впечатление произвели на него сообщения о поражении царской России в войне с Японией. Он видел в этих событиях проявление силы одного из азиатских народов как раз в то время, когда его народ пробуждался к борьбе против английских правителей.

Однако во время учебы в Кембридже Джавахарлал не принимал участия в практической политической деятельности студенческих организаций и почти не выступал с какого-либо рода речами на собраниях студенческого клуба или дискуссионного общества, хотя и был их членом. Так, Джавахарлал вступил в общество индийских студентов — «Меджлис», бывал на многих собраниях и званых

¹ «Банде матарам» — «Привет тебе, Родина-мать», слова из одноименной песни, написанной Бонхимчондро Чоттопадхаей, которая стала гимном индийских борцов против английского колониального владычества.

обедах, организованных «Меджлисом». Но и здесь он не проявлял заметной активности. Помимо стеснительности, одной из причин этого было то, что он считал бессмысленными и пустыми отвлеченные дебаты среди индийских студентов, не знавших, по его мнению, реального положения на родине.

Ни с кем в Кембридже не делясь своими симпатиями и антипатиями, Джавахарлал в письмах к отцу выступал в поддержку Бепин Чандра Пала — одного из лидеров «экстремистов» в партии Индийский национальный конгресс. Он приветствовал также в письме к Мотилалу раскол Конгресса на «умеренных» и «экстремистов», который произошёл на съезде в городе Сурат в 1907 году, выражая уверенность в том, что через несколько лет в Конгрессе не останется «умеренных». Он даже стал критически оценивать позиции Мотилала, чего раньше никогда себе не позволял — в одном из писем, довольно резко, Джавахарлал дерзнул обвинить отца в «неумеренной умеренности» (следует, правда, заметить, что в другом письме сын принес отцу свои извинения).

Однако все эти суждения Джавахарлала Неру не проистекали из глубоких и укоренившихся убеждений и взглядов. В то время он совсем не был похож на политического «экстремиста». Интерес к индийским делам еще не означал становления у юноши устойчивого мировоззрения. Для этого потребуется время, анализ явлений и непосредственное участие в движении масс. Пока Джавахарлал был симпатизирующим народу, но все же сторонним наблюдателем. Он был представителем своего класса, с его интересами и устремлениями, и не испытывал никакого неудобства от своей принадлежности к богатым. Но он не поддался распространенному среди многих обеспеченных соотечественников соблазну пожить широкой жизнью, вкушая от щедрой на развлечения и удовольствия Европы.

В 1910 году Дж. Неру окончил Кембриджский университет, получив за свои успехи почетный диплом второй

степени. На него торжественно надели мантию выпускника Кембриджа. Ему было двадцать лет. Он не стал заниматься естественными науками, а пошел по пути отца и, сдав экзамен на адвоката, поступил в ассоциацию адвокатов Иннер Темпл в Лондоне. Он был умен, образован и ощущал полный душевный комфорт. Спустя десять лет он признавал: «...Я вернулся из Англии после продолжительного пребывания там... Я впитал большую часть предрассудков Харроу и Кембриджа и, возможно, был больше англичанином, чем индийцем... Я вернулся в Индию настолько предрасположенным в пользу Англии и англичан, насколько это было возможно для индийца».

Летом 1912 года Неру получил право на самостоятельную адвокатскую практику. Прошло семь лет его пребывания в Англии. Он возвращался в Индию уже взрослым, европейски образованным человеком, полный надежд и жажды работы.

Это было время, когда Индия вступала в новую полосу своей истории, время, когда на политической арене появились новые социальные слои. Главной силой национально-освободительного движения в Индии в начале XX века стали индийская национальная буржуазия и средние слои, а их авангардом — партия Индийский национальный конгресс.

Индийский национальный конгресс — самая старая политическая партия Азии и одна из старейших партий мира, возник в 1885 году. В 1884 году один из видных бенгальских общественных деятелей Сурендранатх Банерджи предпринял поездку по стране с целью объединения либеральных сил и создания общеиндийской организации. В декабре этого же года в городе Мадрасе состоялось совещание, на котором собрались представители националистических организаций разных провинций страны. Совещание приняло решение созвать уже в следующем году учредительную конференцию по созданию первой общеиндийской партии. У колыбели новой организации стояли С. Банерджи,

Б. Ч. Пал, Ф. Мехта, Г. К. Гокхале, Д. Наороджи и другие представители интеллектуальной элиты колониального общества. Впрочем, это была еще не партия. Скорее это было респектабельное общество индийцев, ничем и никем не объединенных, разве что противоречивостью своих взглядов и общностью цели — получить больше прав, чем они имели. Одевались они, как правило, в европейское платье, а спокойные размеренные дискуссии вели на английском языке. Отнюдь не случайно их называли «туземными джентльменами». Общендийская партия стала реальностью, когда английские власти решили перехватить инициативу. Ушедший в отставку с поста колониального чиновника и хорошо знавший индийский «свет» А. О. Юм, встретившись предварительно в 1885 году с вице-королем Индии, принял участие в создании общендийской организации, не ставившей целью разрушение основ британского владычества в Индии.

Настоятельную необходимость создания лояльной к английскому правительству организации «туземных джентльменов» Юм обосновал тем, что «было крайне необходимо найти надежную отдушину для все возрастающих сил, порожденных нашими собственными действиями, а более надежной отдушины, чем наш Конгресс, невозможно было и придумать».

Через год после мадрасского совещания в Бомбее, крупнейшем торгово-промышленном центре Западной Индии, состоялась учредительная конференция новой партии. Зал был заполнен респектабельной публикой: здесь были известные адвокаты и почтенные чиновники, крупные промышленники и богатые помещики, преуспевающие торговцы и влиятельные журналисты. Господствовала английская речь, царили европейская одежда и манеры поведения. Делегаты попросили Юма открыть заседание. Юм произнес речь, исполненную верноподданнических чувств: «Благодарю за оказанную мне честь и позволю себе предложить не только тройное ура, но трижды тройное ура... в честь той, для кого мы все — родные дети. Мне незачем добавлять, что я

говорю о Ее Всемиловитейшем Величестве, о королеве-императрице». Речь Юма вызвала бурный восторг слушателей, и они дружно зааплодировали. Юм был избран генеральным секретарем Конгресса и долгое время оставался на этом посту. Для английских колониальных властей Конгресс тогда был, с одной стороны, «отводным каналом», в который можно было направлять возможное брожение в колониальном обществе, а с другой стороны — необходимым источником информации о состоянии умов в Индии.

Какую цель преследовали индийские организаторы партии? Какие взаимоотношения, по мнению ее строителей, должны были быть у партии с народными массами? Цель партии в период ее зарождения состояла в оказании определенного давления (выражаемого в форме просьб и петиций) верхушки индийского общества на английский колониальный аппарат с тем, чтобы добиться для себя некоторых политических и экономических уступок. Что касается народных масс, то суть отношения к ним была предельно четко выражена одним из организаторов Конгресса, Ферозшахом Мехтой, который говорил: «Конгресс не был в действительности голосом масс, однако их образованные соотечественники обязаны были разъяснять их жалобы и вносить предложения об удовлетворении этих жалоб».

Партия долгие годы оставалась организацией, аморфной по своей структуре, без четких принципов партийного строительства.

Хотя казалось, что Конгресс был организационно беспомощен и идейно несамостоятелен, он проявил завидную жизнестойкость. Его сессии собирались ежегодно. В ходе многодневных дебатов не только оттачивалось риторическое искусство ораторов, но и выкристаллизовывалась определенная общая идейно-политическая платформа.

В 1899 году пятнадцатая по счету сессия Национального конгресса в Лакхнау приняла конституцию (устав) партии, в которой не только впервые определила ее организационные принципы, но и сформулировала основные программные

положения. Целью Конгресса сессия провозгласила «содействие развитию благосостояния народа Британской империи конституционными средствами». За эти годы выработалась и прочно утвердилась генеральная политическая линия партии, выраженная в лояльной оппозиции колониальным властям и требовании обеспечения определенного представительства индийской общечественности в органах управления страной. Верховным органом партии являлись ежегодные сессии Конгресса, а в период между ними — Комитет индийского конгресса, назначающий сроком на год председателя партии и секретаря (генеральным секретарем, как уже говорилось, был А. О. Юм).

Революция 1905 года в России, хотя и потерпевшая поражение, произвела большое впечатление на многих деятелей Индийского национального конгресса. Осенью 1906 года в Калькутте состоялась очередная сессия этой партии. Ее председателем был избран патриарх общественно-политического движения в Индии Дадабхай Наороджи, отметивший уже свое восьмидесятилетие. В своем обращении к делегатам сессии он, в частности, сказал: «...Если Китай на востоке Азии и Персия на западе просыпаются, если Япония уже проснулась, если Россия героически борется за свое освобождение, то как можем мы, якобы свободные граждане Индо-Британской империи, оставаться бесправными подданными деспотизма».

Сессия продемонстрировала определенную радикализацию Конгресса. Ее делегаты приняли три важных резолюции — о «сварадже», о «свадешии» и о воссоединении Бенгалии. В первой говорилось, что партия требует установления в Индии «системы управления, существующей в самоуправляющихся английских колониях» («сварадж» — независимость). Во второй Национальный конгресс обращался к народу с призывом содействовать развитию национальной промышленности и торговли национальными товарами. Таким образом определились принципиальные изменения в стратегии и тактике партии: Конгресс впервые

заявил о намерении добиваться независимости (хотя еще неполной, на правах доминиона) и впервые обращался к народу. Движение «свадеш» родилось вне Конгресса и охватило широкие массы без его участия. На калькуттской сессии Конгресс решил присоединиться и возглавить это народное движение. Это ему успешно удалось сделать.

Движение «свадеш», основой которого первоначально был экономический бойкот английских товаров, соединилось с движением за «сварадж», в котором первичными были политические требования. «В лице Конгресса индийский национализм противостоял английскому империализму», — напишет впоследствии Джавахарлал Неру.

Эти изменения в стратегии и тактике Конгресса были обусловлены рядом факторов. К внешнеполитическим относится, в первую очередь, революционизирующее влияние первой русской революции, открывшей, по выражению В. И. Ленина, период пробуждения Азии. Важнейшими внутривнутриполитическими факторами были рост чиновничества и интеллигенции, укрепление позиций национальной буржуазии, а также формирование индийского пролетариата. И хотя первые группы не отличались социальной напористостью, свои счета они предъявить могли.

Подъем национально-освободительного движения в Индии, неприятие ее народом реакционных нововведений Керзона привели к столкновениям в правящих кругах Англии и к отставке в 1905 году вице-короля. На место дискредитировавшего себя Керзона прибыл лорд Минто. Минто предпочитал более гибкие методы имперской политики в Индии. С его благословения в декабре 1906 года в городе Дакка была создана политическая партия Мусульманская лига. Новая партия видела свою задачу в том, чтобы «содействовать развитию у мусульман Индии чувства лояльности к английской власти» и созданию «мусульманского единства». В ответ на это через год на религиозном принципе была основана чисто индусская консервативная партия «Хинду махасабха» («Великий союз индусов»), приняв-

шая на вооружение воинствующий индуизм. Это привело к осложнению индусско-мусульманских отношений и созданию новых очагов социальной напряженности, что стало причиной усиления разобщенности национально-освободительного движения.

Добившись обострения в отношениях между индусами и мусульманами, а тем самым — ослабления национально-освободительной борьбы в Бенгалии, колонизаторы в 1911 году отменили ставший ненужным административный раздел этой провинции. Одновременно они перенесли свою столицу из беспокойной Калькутты в тихий Дели. Но успокоить просыпавшийся к активной политической борьбе индийский народ властям никак не удавалось.

Возвратившись в Индию, Джавахарлал Неру очень скоро стал одним из адвокатов Верховного суда в Аллахабаде. Чтобы получить место, ему не надо было особой настойчивости — поручительством был внушительный авторитет отца. Успехам Джавахарлала способствовали усердный труд и старательность, покровительство, а также широкие знакомства отца среди судей, известных адвокатов, крупных помещиков и промышленников Соединенных провинций.

Молодой и преуспевающий адвокат вел рассеянный образ жизни, свойственный людям его положения и возраста: он регулярно посещал званые вечера и обеды своего отца, поддерживал широкие контакты с представителями английской администрации и их семьями, принимал участие в выездах на охоту и т. д. Но общение с чиновничьей средой, скучной, однообразной, с неизменными разговорами о повышении и перемещениях по службе, о гонорах и наследствах, приводило Джавахарлала в уныние, навевало тоску. Казалось, что от его симпатий к «экстремизму», проявившихся в Кембридже, не осталось и следа. Активного участия в политической жизни он не принимал, хотя, по совету отца, еще в 1912 году стал членом Индийского национального конгресса. Впоследствии он вспоминал, что почти физиче-

ски ощущал тогда, как его «затягивает серая рутина бессмысленного и бесполезного существования».

А тем временем в мире назревали события, во многом определившие исторические судьбы многих народов, в том числе и индийского.

В августе 1914 года началась мировая война. Колонизаторы мобилизовали все ресурсы слабо развитой промышленности и отсталого сельского хозяйства Индии на нужды войны. Свыше миллиона индийцев одели военную форму и были брошены на фронт, десятки тысяч гибли за непонятные и чуждые им интересы. В Индии воцарились настроения тревоги, ожидания и робкой надежды. Как война скажется на будущем устройстве страны в случае победы Антанты? А в случае поражения? Содействовать военным успехам Англии или воспользоваться благоприятной ситуацией для усиления давления на англо-индийские власти? Колонизаторы поспешили заверить индийскую общественность, что правительство Англии займется вопросом реформы управления Индией сразу же после поражения Германии.

Индийская буржуазия поддержала англичан во время империалистической войны.

Председатель Национального конгресса на очередной сессии в 1914 году заявил: «Сейчас не время заниматься проблемами, по которым у нас имеются разногласия; все споры должны быть оставлены... мы должны продемонстрировать миру единство империи...» Руководители Национального конгресса заверили английское правительство, что они приложат все силы, чтобы мобилизовать экономические и людские резервы Индии на нужды войны. «Мы нисколько не сомневаемся в том, что, как и раньше, когда британские силы боролись ради защиты интересов империи, так и в настоящее время, князья и народ Индии с готовностью и желанием будут по мере своих сил сотрудничать с правительством и способствовать успешному и скорейшему завершению войны, предоставив ресурсы своей страны в распо-

ряжение правительства Его Величества». Члены Национального конгресса, так же как и члены Мусульманской лиги, развернули работу по привлечению добровольцев в английскую армию, сбору средств на военные нужды и т. п. Съезд принял специальную резолюцию о поддержке военных усилий Англии и лояльном отношении Конгресса к британской короне.

Джавахарлал Неру, как и многие другие конгрессисты, не занимавшие высоких постов в партии, не разделял этой подобострастной позиции. «Несмотря на громкие изъявления лояльности,— вспоминал Неру,— в стране не слишком сочувствовали англичанам. Как «умеренные», так и «экстремисты» с удовлетворением воспринимали победы немцев. Объяснялось это, разумеется, не любовью к Германии, а лишь желанием видеть наших собственных властителей посрамленными». Антианглийские настроения в Индии неумолимо набирали силу. В 1914 году истек срок пребывания на каторжных работах Б. Г. Тилака. Опасаясь, что население устроит ему торжественную встречу после освобождения, власти дали приказ доставить Тилака из далекой Бирмы в родную Пуну ночью, тайно, под надежной охраной и освободить только у порога дома. Возвратившись из ссылки, Тилак включился в работу Лиги гомрула (Лиги самоуправления), созданной Анни Безант (она отошла от Общества теософов и в 1914 году вступила в Национальный конгресс). Безант возглавила мадрасское отделение Лиги, а Тилак — бомбейское. Лига привлекла к участию в политической жизни новые группы интеллигенции и средних слоев. Цель Лиги ее лидеры видели в «...получении гомрула, или самоуправления, в рамках Британской империи всеми конституционными средствами и в формировании общественного мнения в поддержку гомрула». Выдвижение этого хотя и не нового и далеко не радикального требования в условиях, когда вся пресса славословила по адресу Англии, было, несомненно, смелым и прогрессивным явлением в общественной жизни Индии. Тилак ставил задачей Лиги

внедрение в сознание масс идеи необходимости борьбы за независимость, призывал «сделать так, чтобы вопрос о гомруле постоянно стоял перед народом и обсуждался им». Значение Лиги гомрула заключалось в первую очередь в том, что это была, пожалуй, первая попытка организованного привлечения масс к активному политическому действию.

Джавахарлал Неру видел в деятельности Лиги конкретность, которой зачастую не хватало многим руководителям Конгресса, всячески симпатизировал ей и даже публично выступил против притеснений А. Безант со стороны английских властей. Однако он не был членом Лиги. Актив Лиги, как вспоминал Неру позднее, составляли неопытные в политике «новички». Хотя они и декларировали свою близость народу, с массами они не соприкасались.

В целом требования и Лиги, и Конгресса носили умеренный, непоследовательный характер. Даже по вопросу о неравноправном положении индийских солдат в английских вооруженных силах они не проявляли должной настойчивости и решительности. Правда, дебаты об этом шли. «После долгих споров,— вспоминал Джавахарлал Неру,— мы все же решили сотрудничать с властями у себя в Соединенных провинциях, ибо считали, что нашей молодежи полезно получить военную подготовку даже при таких условиях». Как видно, и в это время он еще не определил свои позиции. Джавахарлал только присматривался к деятельности Тилака, Анни Безант, а больше всего — к деятельности своего отца и других лидеров Конгресса.

В 1915 году скончались сразу два видных деятеля Национального конгресса — Г. К. Гокхале и Ф. Мехта, занимавшие консервативные позиции в руководстве. На сессии Конгресса 1916 года в Лакхнау тон задавали Анни Безант и Б. Г. Тилак. Неру присутствовал на этом съезде и внимательно слушал ораторов. Съезд в Лакхнау ознаменовался тем, что на нем было решено добиваться единства действий между «умеренными» и «экстремистами». Было

заключено соглашение между Национальным конгрессом и Мусульманской лигой, предусматривавшее совместную борьбу за предоставление Индии самоуправления в качестве равноправного партнера в Британской империи наряду с самоуправляющимися колониями. Это было важным прогрессивным требованием Конгресса, а соглашение с Мусульманской лигой — серьезным шагом на пути к единству всех национальных сил.

Здесь, на съезде в Лакхнау, Неру впервые увидел Мохандаса Ганди. Это был щуплый, скромно одетый в национальную одежду и сандалии мужчина с коротко стриженными волосами, большими ушами и неровными зубами. Он держался в тени, но было видно, что его глубоко посаженные, защищенные круглыми очками глаза мудреца внимательно и пристально наблюдали за происходящим. Джавахарлал уже много слышал о подвижнической деятельности этого гуджаратца. Он знал, что Ганди долгое время жил и работал в Южной Африке и там возглавил движение в защиту прав индийского населения. Свою борьбу он назвал «сатьяграхой», что означало «упорство в истине». Сам Ганди по поводу термина и принципа «сатьяграха» писал: «Сатья» — «истина, воплощенная в любви», и «аграха» — «твердость духа» — порождали душевный подъем. Эти слова могли стать символом движения. Я отбросил термин «пассивное сопротивление» и начал называть индийское движение термином «сатьяграха», т. е. сила, рожденная истиной и любовью, или иначе — ненасилием». Нужно сказать, что к уже вошедшим в английский язык индийцев словам из хинди и санскрита, таким как «свадеш», «сварадж», благодаря Ганди присоединились слова «хариджан», «хартал», «сатьяграха» и ряд других. Но дело было не в терминах. Ганди придавал большое значение введению в политический обиход простых, но емких понятий, доступных пониманию широких народных масс.

В этот период произошло важное событие в личной жизни Джавахарлала. В один из весенних дней 1916 года в

Дели состоялась пышная свадьба. Мотилал Неру женил своего двадцатилетнего сына на Камале Кауль, которой тогда едва исполнилось семнадцать. Она была настоящей кашмиркой: гордой и веселой, сдержанной с теми, кого не знала, и откровенной и искренней с друзьями и знакомыми. Позднее Джавахарлал скажет, что за всю свою жизнь ему довелось встретить очень немногих, кто произвел бы на него столь же сильное впечатление своей искренностью. Хотя Мотилал и его сын не отличались религиозностью, свадьба была устроена и отпразднована с соблюдением всех заповедей индуизма.

Камала не получила систематического образования, но пытливый ум и природная наблюдательность дали ей возможность войти как равной в дом мужа. 19 ноября 1917 года у Камалы и Джавахарлала родится дочь, которую назовут Индирой.

Вскоре после свадьбы молодые супруги отправились в путешествие в Кашмир. Древний чудесный край, откуда вышли их предки, очаровал Джавахарлала и Камалу.

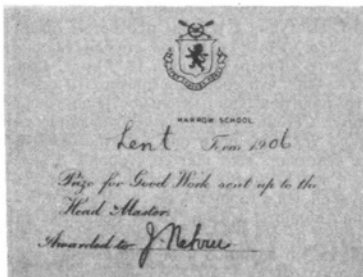
Однажды Джавахарлал Неру вместе с товарищами отправился в горы. О дороге к вершинам и трудностях, которые их там ждут, они знали понаслышке. Чем выше они взбирались вверх, тем труднее становилось дышать. Громадные утесы с рыжеватыми или фиолетовыми стенами-отвесами были труднодоступны. Угрюмо темнеющие скалы манили своей мрачной величием. Каждый хотел достичь вершины. Малодушные вернулись назад, но Неру с несколькими спутниками настойчиво продолжал путь. Неожиданно повалил густой липкий снег. Он засыпал расщелины, сделал скользкими скалы. Каждый шаг вперед был опасен и требовал огромных усилий. Угроза падения заставляла участников восхождения связаться одной веревкой и идти друг за другом след в след. Путь, казавшийся внизу близким и легким, оказался необычайно трудным и дальним. Невыразимо уставшие, измученные после долгого пути, они оказались, наконец, у цели. Белоснежная вершина

была у них под ногами. Глазам открывался необъятный простор. Неопытные участники экспедиции думали, что путь вниз будет легче, однако их ожидало разочарование. Оказалось, что спуск — дело не менее трудное и рискованное, чем подъем. На обратном пути Джавахарлал, пытаясь перепрыгнуть расщелину в леднике, сорвался и полетел вниз. К счастью, его удержала веревка, которой он был связан с товарищами. «Это была гигантская трещина,— вспоминал впоследствии Неру,— и можно было поручиться, что все, что ни попадет в нее, надежно сохранится на многие геологические века. Но веревка выдержала, я уцепился за край расщелины, и меня вытащили наверх. Мы были потрясены этим происшествием». Это событие произвело глубокое впечатление на Джавахарлала. Он понял, что для того, чтобы успешно преодолевать трудности, надо хорошо знать траверс и идти с верными и надежными друзьями.

20 июня 1916 года в Аллахабаде Джавахарлал впервые выступил перед широкой публикой с речью, в которой протестовал против введения ограничений печати в соответствии с Законом о прессе, а особенно против репрессий на основе этого закона в отношении Анни Безант. А год спустя он, возмущенный репрессивными мерами английских властей против Безант, выступил с резким протестом против этих действий. В письме на имя редактора, опубликованном в аллахабадской газете «Лидер» 21 июня 1917 года, Джавахарлал с гневом заявил, что собрания протеста и просьбы к властям — это политическая деятельность, достойная трусов и малодушных. Сегодня требуется несотрудничество с правительством до тех пор, пока оно не откажется от своих неразумных действий. Этот шаг со стороны Джавахарлала показывает, что, несмотря на спокойную размеренную жизнь, которую он вел в то время, он стремился к действию, к ощущению полноты жизни, своей общественной полезности. Но он еще не знал, какую форму должны принять эти действия, какую позицию необходимо занять по отношению к колониальным властям. Его собственные идеи

еще не созрели. Джавахарлалу еще предстояло познать самое себя. А пока он был человеком, не находившим удовлетворения в окружавшем его комфорте и богатстве, не наметившим четких ориентиров в той общественной и политической деятельности, которой ему приходилось заниматься. Значительно позднее, вспоминая об этих годах, Джавахарлал Неру заметит, что если что и сделало его настоящим, чего-то стоящим человеком, так это восприятие руководства Ганди и участие в кампаниях гражданского несотрудничества.

Значительным событием, повлиявшим на политическую ситуацию в Индии, стала Октябрьская революция в России.

Свидетельство
об окончании
Дж. Неру
школы
в Харроу

● «ПЛАМЯ, КОТОРОЕ НЕВОЗМОЖНО ПОТУШИТЬ» ●

Октябрьская революция в России с первых же дней привлекла к себе пристальное внимание самых различных общественных и политических сил Индии. Сведения о бурных событиях на необъятных просторах северного соседа, минуя жаркие пустыни Средней Азии и неприступные кручи Гималаев, достигли Индии. Багряный цвет новой зари увидели рабочие дымных фабрик и крестьяне на иссохших полях. В убогих хижинах рождались смутные надежды. Но и в особняках богатых и просвещенных индийцев обсуждали и спорили по поводу русской революции.

Правящие круги Британской империи хорошо понимали, какую серьезную опасность таят для их интересов в Индии революционные перемены в России. Стремясь воспрепятствовать распространению в Индии правдивых сведений об Октябрьской революции, о Ленине, колониальные власти развернули широкую кампанию дезинформации и клеветы. Но несмотря на это, многие политические деятели и публицисты Ин-

дии оценили Октябрьскую революцию как рождение новой силы, выступающей в поддержку их освободительной борьбы. 24 декабря 1917 года ведущая националистическая газета Западной Индии «Бомбей кроникл», редактором которой в то время был известный борец за независимость Индии Б. Г. Хорниман, в редакционной статье писала: «Наши представления о большевиках чрезвычайно туманны... Мы признаем, что они никогда не смогли бы достичь нынешних успехов, если бы в их программе не было ничего привлекательного и многообещающего для народа». А вот что говорилось в октябре 1918 года в журнале «Модерн ревью»: «Россия под властью правительства рабочих и крестьян совсем не такова, какой ее пытаются представить буржуазные репортеры, дипломаты и бизнесмены».

Особый интерес стали проявлять индийские читатели к личности вождя революции — В. И. Ленина. 10 января 1918 года аллахабадская газета «Лидер» опубликовала, видимо впервые в Индии, краткие биографические сведения о Владимире Ильиче в анонимной статье «Ленин. Человек и его цели». Автор достоверно сообщил основные факты его биографии.

Цель Ленина, говорилось в статье, положить конец империалистической войне, которая ведется в интересах мировой буржуазии, и добиться равенства для всех людей во всех странах. В ней подчеркивалось: «Если Ленин добьется успеха, Февральская революция утратит свое значение, и на первый план выйдет Октябрьская революция, потому что победа Ленина — не что иное, как конец правления буржуазии и окончательный триумф простого народа».

В номере от 15 декабря 1919 года в статье «Россия» газета «Лидер» обоснованно ставила вопросы: «В чем секрет силы большевиков? Правда ли, что народ ненавидит их?» И продолжала: «Господин Ллойд Джордж утверждал, что ленинцы не выражают мнения народа и что они будут сметены, а на самом деле они раз за разом сокрушают армии белых и армии Антанты... Мы считали, что социализм —

фантазия, а он сделал русских фанатиками и их армии непобедимыми». Автор делал вывод, что нужно серьезно и тщательно изучать русскую революцию.

Члены семьи Неру выписывали «Лидер», и можно предположить, что и Мотилал, и Джавахарлал читали эти статьи.

Лидеры Национального конгресса по-разному восприняли весть о революции в России и по-разному оценили это величайшее событие мировой истории. В декабре 1917 года на очередной сессии Конгресса Анни Безант сказала: «Русская республика, расположенная в Европе и в Азии, протянула к нам руки свободных суверенных народов через Азию, над Гималаями и в корне изменила обстановку в Индии». Но ни Анни Безант, ни большинство других лидеров Конгресса не решились, пользуясь ее же терминологией, «пожать» протянутые руки. В резолюции сессии отмечалось: «Конгресс, выступая от имени объединенных народов Индии, имеет честь почтительнейше выразить Его Величеству свою глубокую лояльность и искреннюю привязанность к трону, свою непоколебимую верность связям с Англией и свою твердую решимость стоять на страже интересов Британской империи во всех случаях жизни, чего бы это ни стоило». Один из «патриархов» Конгресса Сурендрнатх Банерджи решительно не принял революцию в России, заявив в ноябре 1918 г.: «Революционное движение в России вызвало к жизни царство террора, заставляющее трепетать все человечество. Нужно опасаться революционного движения и необузданных фантастических идей, которые, как учит нас история, порождают эти движения».

Однако многие из левонастроенных лидеров Национального конгресса увидели в революции в России зарю новой эры всемирной истории. 29 января 1918 года газета Б. Г. Тилака «Кесари» поместила доброжелательную и объективную статью о вожде российской революции Владимире Ильиче Ленине, в которой, в частности, подчеркивалось, что Советское правительство и Ленин выступают за мир на земле, против империалистов всех стран и за справедливые,

равноправные отношения между всеми нациями и народами. Видный деятель ИНК Бепин Чандра Пал говорил в 1919 году: «На земном шаре выросла новая сила — сила людей, полных решимости отстаивать свои права, прежде всего право народа жить свободно и счастливо, не подвергаясь эксплуатации и преследованиям со стороны более состоятельных и преуспевающих, так называемых «высших» классов. Именно в этом суть большевизма».

М. К. Ганди, которому претили революционные методы борьбы, не мог не увидеть великого самопожертвования широчайших масс Российской империи, восставших против царского деспотизма. Он писал: «Как бы там ни было, нельзя отрицать, что за большевистскими идеалами стоит самая настоящая самоотверженность бесчисленного количества мужчин и женщин, которые отдали во имя этих идеалов все, что у них было».

Джавахарлал Неру внимательно следил за событиями в России и за реакцией на нее в Индии. Он видел, с какой поспешностью и тревогой колонизаторы воздвигают барьеры на пути распространения идей Октября в Индии и с какой заинтересованностью и надеждой воспринимает российскую революцию демократическая Индия. Он писал: «Большевистская революция была исключительно волнующим событием. В то время мы получали о ней немного информации. И хотя мы мало знали о марксизме, но очень симпатизировали Ленину и его последователям». Неру хотел понять, что же произошло в России? Какой она избрала путь и куда он ведет?

Конечно, интерес Неру к событиям в России не означал принятия им целей и средств пролетарской революции. И все же российский эксперимент привлек к себе его внимание.

Английские колониальные власти опасались нового подъема национально-освободительного движения в Индии под вдохновляющим воздействием событий в России. Широкое антиимпериалистическое движение породило опреде-

ленные разногласия внутри правящего класса метрополии и обнажило два различных подхода к управлению империей. Сторонники жесткой линии (Керзон, Черчилль, Бальфур и др.) уповали на массовые репрессии против национально-освободительного движения. Их оппоненты выступали за более гибкую политику, сознавая, что в новых условиях лишь прагматический курс надежно обеспечит интересы империалистических кругов Англии. Отражая новые веяния в британском правящем классе, один из лидеров консервативной партии О. Чемберлен был вынужден признать: «То, что вчера казалось великим прогрессом, сегодня уже никого не удовлетворяет, и мы должны быть готовы к смелым и радикальным мерам». Итак, англо-индийские власти были вынуждены пойти на уступки, ибо резонно усматривали связь между событиями в России в октябре 1917 года и впервые выдвинутым на ежегодной сессии Конгресса в 1918 году требованием не самоуправления, а самоопределения.

Два столпа колониальной политики Англии — министр по делам Индии Монтегю и вице-король лорд Челмсфорд — разработали проект реформы управления Индией. В своем докладе по поводу проекта реформы они наряду с другими причинами, побудившими их к законотворчеству, отмечали: «Революция в России с самого начала понималась в Индии как победа над деспотизмом... Она дала толчок индийским политическим устремлениям». Цель реформ состояла в том, чтобы снять в стране социально-политическую напряженность, сбить накал освободительной борьбы, не меняя существа английских порядков в Индии. Выступая в палате общин английского парламента 3 февраля 1919 года, лорд Монтегю без обиняков заявил, что предлагаемые реформы зиждятся на «их соответствии интересам Англии как верховной силы, обладающей в отношении Индии суверенными неотчуждаемыми правами».

Что же давала реформа Монтегю — Челмсфорда народу Индии? Верхушечная часть индийского общества (к выбо-

рам в центральные законодательные органы допускался 1 процент населения) получила право на создание Государственного совета и Законодательного собрания. Члены Совета и Собрания частично избирались, а частично назначались генерал-губернатором, который имел право вообще наложить вето на их решения, если они противоречили интересам британской короны. Реформа Монтегю — Челмсфорда разочаровала индийцев и вызвала уныние даже у самых умеренных членов Конгресса. Так, Мотилал Неру заявил, что новый закон об управлении Индией действительно представляет свободу действий, но не индийцам, а генерал-губернатору Индии.

Но не реформы, а репрессивные действия оставались главным инструментом поддержания колониальных порядков в Индии, где нарастала национально-освободительная борьба. 18 марта 1919 года власти приняли закон, проект которого представил английский судья С. Роулэт. Закон наделял чрезвычайными полномочиями генерал-губернатора и давал местным властям право заключать в тюрьму без суда и следствия любого гражданина Индии.

Джавахарлал Неру, к этому времени начавший под влиянием Ганди втягиваться в активную политическую деятельность, выступил с резкой критикой законопроекта Роулэтта в газете «Индепендент», издававшейся его отцом в качестве органа Конгресса в Соединенных провинциях. Он подписался под сформулированной Ганди клятвой «сатьяграхи», в которой содержалось обязательство не соблюдать целый ряд законов. Джавахарлал вошел в состав комитета Аллахабада по проведению «сатьяграхи» в округе, которому надлежало также провести работу по созданию такого комитета в провинции.

Закон Роулэтта вызвал возмущение по всей стране. Митинги, демонстрации и забастовки мощной волной прокатились по всей Индии. Колонизаторы ответили репрессиями. Эти репрессии выдавали их неуверенность и страх перед грядущими потрясениями. Всюду им чудились зрею-

шие мятежи, тайные заговоры и готовящиеся восстания. Дж. Неру видел, что для среднего английского чиновника тактика ненасилия, к которой прибегали индийцы, это «маскировка, прикрывающая какой-то грандиозный тайный замысел, который в один прекрасный день завершится насильственным переворотом». Все местное английское население внезапно обуял страх, под влиянием которого они всюду видели опасность, массовое волнение, второй мятеж¹ с перспективой ужасающей резни. В действительности же говорить о восстании не приходилось — в стране происходило резкое нарастание антибританских настроений, укрепление единства действий индусов и мусульман, вовлечение ранее инертных слоев народа в активное политическое действие, а главное, сами индийские лидеры были против насильственных действий.

Пытаясь пресечь распространение массового национально-освободительного движения в стране, колонизаторы решили преподать индийцам «хороший урок». Для осуществления этого плана они избрали провинцию Пенджаб на севере Индии, в которой особенно чувствовался рост антианглийских националистических настроений.

В апреле 1919 года власти арестовали и выслали из Амритсара двух видных деятелей Национального конгресса — С. Китчлу и Сатьяпала (Китчлу Джавахарлал Неру хорошо знал еще со времени учебы в Англии). Их обвиняли в антиправительственной агитации и создании беспорядков в день всеобщего хартала, 6 апреля.

Известие о высылке Китчлу и Сатьяпала вызвало протест среди населения Амритсара. На следующий день состоялась демонстрация, в которой участвовали около 30 тысяч человек. 13 апреля тысячи индийцев собрались на митинг на площади Джалианвала Баг. Городская площадь Амритсара, пыльная, грязная, похожая на пустырь, была окру-

¹ Так английская администрация официально называла народное восстание в Индии 1857—1859 годов.

жена глинобитными домами с высокими глухими заборами. Особенность этой площади состоит в том, что войти на нее и выйти можно только по одному узкому проулку.

13 апреля сюда пришли те, кто хотел выразить протест властям. Они вошли в узкий проулок, чтобы послушать ораторов. Именно отсюда для многих участников митинга пришла смерть. Это случилось в 17. 30. Отряд английских войск под командованием генерала Дайера занял этот единственный проход, и первые слова, которые слышали индийцы, была команда: «Огоны!» Один за другим гремели залпы. Упали первые убитые и раненые. Обезумевшие от страха люди метались по площади. В единый поток слилась кровь сикхов, мусульман и индусов. По команде Дайера, закончив расправу, отряд в строгом боевом порядке ушел, оставив на месте расправы около 1000 убитых и 2000 раненых. Когда к месту трагических событий прибыли санитары, чтобы убрать убитых и оказать помощь раненым, им приказали убираться восвояси, поскольку Дайер ввел в городе комендантский час.

Рапорт пенджабского правительства был сух и починовничьи скрупулезен. «Было сделано 1650 выстрелов, огонь был направлен на толпу, а не на отдельных лиц, и время от времени переносился туда, где толпа была гуще. Боеприпасы были обычными — армейские патроны 303 калибра. Окончив стрельбу, войска отошли, число жертв не подсчитывалось».

«Мне не потребовалось и тридцати секунд,— самодовольно заявил позднее генерал Дайер,— чтобы решить, в чем заключается мой долг». Генерал знал, для чего он находился в Амритсаре, и раздумывать перед командой ему не требовалось.

В тот же день власти Пенджаба послали вице-королю телеграмму с просьбой разрешить ввести в провинции военное положение. Согласие было получено незамедлительно. С зловещей оперативностью заработали военные трибуналы. Они не знали милосердия: был вынесен 51

смертный приговор, 46 человек были приговорены к пожизненной каторге, более 200 человек осуждены на различные сроки пребывания в тюрьме.

Сообщения об амритсарской бойне напечатали все ведущие газеты мира. В тезисах доклада о тактике РКП(б) на III конгрессе Коминтерна В. И. Ленин отмечал, что массовые убийства в Амритсаре приведут к новому революционному подъему индийского народа.

Кровавая расправа в Амритсаре всколыхнула всю Индию. По стране прокатилась волна массовых демонстраций протеста, в которых приняли участие самые различные слои народа. Даже обычно лояльные представители национальной буржуазии выражали возмущение крайними мерами английских властей.

Чтобы успокоить взбодораженное общественное мнение, колониальные власти вынуждены были назначить специальную комиссию под руководством У. Хантера. Параллельно работала комиссия Национального конгресса, которую возглавили Мотилал Неру и Ч. Р. Дас. Активное участие в ее деятельности принимал Джавахарлал Неру, который выезжал по делам комиссии в Амритсар и другие города Пенджаба. Джавахарлал Неру принимал также активное участие в сборе средств для оказания помощи семьям пострадавших и организации кампании протеста против жестокостей колониальных властей.

Во время одной из таких поездок случай свел Джавахарлала Неру с палачом Дайером. Это произошло в купе поезда, в котором Неру возвращался из Амритсара в Дели. Один из пассажиров в вызывающем тоне рассказывал своим спутникам о расстреле на площади Джалианвала Баг. Он высокомерно заявил, что весь город был в его власти и что «у него было желание обратить этот мятежный город в груды пепла, но что он сжалился над ним и воздержался от этого». Неру понял, что это генерал Дайер, возвращавшийся в Дели после дачи показаний комиссии Хантера. Самоуверенность генерала Дайера объяснялась

тем, что в его защиту немедленно выступили влиятельные лица.

Индийское общественное мнение было крайне возмущено отношением английских властей к событиям в Амритсаре и виновникам кровавой бойни¹. Но, пожалуй, наиболее удручающее и одновременно отрезвляющее впечатление произвела на всех в Индии реакция на эти события со стороны буржуазной прессы в самой Англии. «Хладнокровное одобрение этого «подвига» потрясло меня», — напишет несколько позднее Джавахарлал Неру. После этого он яснее, чем когда-либо прежде, осознал всю жестокость и аморальность имперской политики. Чувства и мысли, порожденные событиями в Амритсаре, нанесли сокрушительный удар по еще сохранявшимся в сознании Дж. Неру и многих других политических деятелей иллюзиям относительно того, что чего-то можно добиться от британских правителей умеренной, в рамках законности, политической деятельностью. Осознание происшедшего в Амритсаре стало для Джавахарлала Неру важным шагом на пути к пониманию того, что свобода никогда не будет подарком от английских угнетателей, что она может быть обретаема только в результате сопротивления и борьбы.

События в Амритсаре и вызванный ими подъем массового движения заставили руководителей Национального конгресса по-новому взглянуть на тактику своей партии. Тактика петиций к всесильным колониальным властям в новых исторических условиях изжила себя. Национальный конгресс должен был, если он не хотел потерять доверие народа, заново определить свое место в начавшемся революционном подъеме.

¹ Губернатор Пенджаба О'Двайер заявил: «Я не колеблясь скажу, что акция Дайера была решающим фактором сокрушения восстания, серьезность которого только сейчас может быть полностью осознана». Правда, позднее, учитывая массовое возмущение в стране и реакцию общественности в других странах, колониальные власти вынуждены были признать, что Дайер был виновен в «неправильном понимании долга», и ему было предложено подать в отставку.

Очередная сессия Конгресса состоялась в декабре 1919 года в Амритсаре. Председательствовал на ней Мотилал Неру. Амритсарская сессия Национального конгресса была первой, в работе которой принял участие Ганди. На сессии присутствовал также Локаманья Тилак, активно участвовавший в ее работе. Делегаты обсудили вопрос об отношении к реформе Монтегю — Челмсфорда. На ход обсуждения и позицию лидеров оказал влияние царивший в стране дух всеобщего революционного подъема.

Именно под давлением народных масс делегаты выразили неудовлетворение реформой Монтегю — Челмсфорда и заявили, что партия настаивает на создании в Индии ответственного индийского правительства, как этого требуют принципы самоуправления. И еще одно важное решение приняла амритсарская сессия. Она впервые в истории партии обратилась к рабочему классу. Конгресс рекомендовал провинциальным комитетам партии помочь рабочим в организации профсоюзов в целях «улучшения социального, экономического и политического положения рабочих и обеспечения для них справедливого уровня жизни и надлежащего места в политической жизни Индии».

Но старые лидеры Конгресса были не в состоянии возглавить работу партии в новых условиях. История призвала к руководству Конгрессом нового лидера, способного выразить требования новой эпохи. Им стал Мохандас Карамчанд Ганди.

Гильзы от патронов,
найденные
после амритсарской бойни
(ныне хранятся
в «Ананд Бхаване»)

● М. К. ГАНДИ ● НОВЫЕ ВЕЯНИЯ В НАЦИОНАЛЬНОМ КОНГРЕССЕ ●

М. К. Ганди был двадцатью годами старше Джавахарлала Неру. Он родился в Гуджарате в 1869 году в семье министра небольшого индийского княжества. Министр понимал важность западного образования для дальнейшей карьеры своего сына и отправил его для обучения в далекую Англию. Выучившись здесь на юриста, Мохандас Карамчанд Ганди возвратился в Индию, а затем, в 1893 году, переехал в Южную Африку, где занялся адвокатурой. Именно там, отстаивая права индийского меньшинства от расовой дискриминации английских колонизаторов и буров, обрел он первый опыт политической борьбы, вырабатывал и отшлифовывал свои идеологические принципы. Ганди прозорливо оценил значение русской революции 1905 года для пробуждения национально-освободительного движения в Азии и Африке. Он писал тогда: «Нынешнее движение в России является важнейшим уроком для нас...

Между Индией и Россией много сходного... Мы тоже можем использовать русское средство против тирании. Движение «свадеш» в Бенгалии во многом походит на русское движение. Наши оковы падут в тот день, когда индийцы объединятся, возлюбят свою страну и будут ставить благо родины выше личных интересов. Нынешняя власть в Индии возможна потому, что есть люди, которые работают на нее. Мы можем показать такую силу, какую показал русский народ».

Но последователем идей русской революции Ганди не стал. Ему было более близко учение Л. Н. Толстого — по идеализму, аскетизму, непротивлению злу насилием, по ностальгии об утраченных «вечных началах» нравственности, по неприятию научно-технического прогресса, по культу «простого» уклада жизни.

В январе 1915 года М. К. Ганди возвратился в Индию. За его плечами были определенный опыт политической борьбы, сложившееся мировоззрение и устойчивая репутация борца-подвижника за интересы народа. Ганди встретили с большим почетом.

В Индии М. К. Ганди познакомился с лидерами Национального конгресса, ближе узнал цели и тактические средства борьбы партии. Он понял, как далеки они от простого народа. На успех антиколониальной борьбы под руководством таких лидеров рассчитывать было бесполезно. Ганди стал политическим руководителем другого типа — он обратился к широчайшим массам и скоро стал их вождем и кумиром. Дж. Неру писал о деятельности М. К. Ганди: «Он произвел огромный психологический переворот не только среди последователей, но также среди своих противников и многочисленной категории нейтральных лиц, которые до того не знали, что думать и что делать». Успех Ганди-политика определялся тем, что впервые в истории Индии он сумел вовлечь широкие народные массы в политику, в участие в национально-освободительном движении.

Ганди призывал следовать этическим ценностям, догмам религии, исконным национальным традициям, обычаям индийской патриархальной жизни. Но это была не ностальгия по безвозвратно ушедшему прошлому, это был расчетливый шаг искусного и проницательного политика, позаимствовавшего атрибуты прошлого для активного антиимпериалистического действия в настоящем. Ганди, как никто из политических деятелей Индии до него, сумел найти пути к особенностям психологического склада широких слоев индийского народа, в своем абсолютном большинстве неграмотного, подавленного страшным грузом невежества, народа, способного пробудиться к сознательному социальному творчеству только в отвечающих его духу и возможностям формах борьбы. От старых лидеров Конгресса Ганди отличался строгим аскетизмом и суровой отрешенностью от мирских удовольствий в быту. Он был убежденным вегетарианцем, принял обет «брахмачария» (воздержание от чувственных наслаждений) и «апариграха» (нестяжательство, отказ от владения собственностью). По понедельникам он установил себе еще один обет — молчания и посвящения молитвам и «самабхаве» (углубление в себя, самоочищение).

Под руководством М. К. Ганди Национальный конгресс начал превращаться в массовую демократическую организацию. Ее главной целью стало поэтапное и постепенное завоевание независимости. Основным методом политической борьбы ИНК был определен М. К. Ганди как действие, осуществляемое мирными, конституционными средствами, хотя проводимые им кампании подчас перерастали эти рамки.

Ганди ревностно соблюдал народные обычаи и религиозные обряды. Он одевался в предельно скромную национальную одежду. В набедренной повязке — дхоти, в грубых сандалиях на ногах, с длинным посохом в руке ходил он по деревням, останавливаясь в нищих крестьянских хижинах. Европейски образованный адво-

кат, прекрасно владевший сложным искусством риторики, Ганди обращался к своим слушателям на их родном языке (он владел гуджарати, хинди, урду, маратхи, тамили и телугу) не с пламенными речами, а со спокойными выступлениями-проповедями. Он нараспев говорил о греховодной нравственности чужеземцев, о разрушающей привычный уклад индийской жизни роли машин и железных дорог, о великом благе индийской самобытности. Истovo говоря о заповедях индуизма, Ганди не только не призывал кастовой разделенности этой религии, но часто бывал в «дхедвадо» — местах, отведенных для неприкасаемых каст в населенных пунктах индусов. В поездах он ездил в вагонах третьего класса, где в необыкновенной скученности и грязи теснились самые бедные пассажиры, как правило низших каст.

В городах, выступая перед бедняками, Ганди призывал вернуться к старой прялке — чаркхе и самотканому полотну — кхади, а не носить европейскую одежду из европейской ткани. Миллионы разоренных фабричным производством индийских кустарей обретали в этих выступлениях робкую надежду на лучшее будущее. Широко обращаясь к религиозным чувствам индусов, он призывал к отречению от «порочных нравов распущенных англичан».

Обращаясь к близким народу догмам религии, он с особенной настойчивостью выделял те из них, где говорилось о непротиивлении злу насиллем. В отличие от немецкого философа Ницше, восславлявшего культ силы, Ганди исповедовал культ духа. Он обратился к религии не только потому, что ее реформированные постулаты соответствовали целям и средствам его борьбы, но только потому, что она обеспечивала наиболее полное понимание и привлечение к его движению масс, но и потому, что религиозные догмы не требуют объяснений и их выполняют, не задумываясь. Ганди было суждено стать пророком новой Индии.

В 1917 году Ганди впервые использовал на индийской почве выработанный им в Южной Африке метод «сатьягра-

хи». В Бихаре в округе Чампаран находились английские плантации индиго, на которых трудились по кабальному контрактам индийские сельскохозяйственные рабочие. Ганди, прибывший в Бихар, выступил против грабительской системы контрактации. Он ходил по крестьянским домам, призывая забитых, обездоленных алчными хозяевами сельскохозяйственных рабочих не выходить на работу и оставаться дома. Видный деятель Национального конгресса Бихара, будущий президент Индии Раджендра Прасад по этому поводу писал: «Случилось просто чудо: крестьяне сразу избавились от страха, как только к ним приехал Гандиджи¹. Его приезд как-то убедил этих простодушных людей, что наконец-то явился их спаситель и мучениям скоро придет конец».

Весть о том, что Ганди выступил на защиту простых крестьян, с магической быстротой распространилась по всей Индии, обрастая новыми, подчас фантастическими, подробностями. За организацию «сатьяграхи» Ганди был привлечен к суду, что придало ему ореол святого, мученика, пострадавшего за народное дело. Он получил титул Махатма — «Великая душа». Ганди вспоминал: «По закону суду подлежал я, но на деле под судом оказалось правительство. В сети, уготованные для меня, комиссару округа удалось поймать только правительство».

Джавахарлал Неру с напряженным вниманием следил за неравной и необычной борьбой, развернувшейся в Чампаране. Перед ним предстал политический лидер, совсем непохожий на тех, кто так часто бывал у отца в «Ананд Бхаване». Закон притяжения существует не только в физике. Джавахарлал почувствовал, как его неодолимо влекло к этому мудрецу в простой крестьянской одежде. Со свойственной молодости максималистской увлеченностью он увидел в Ганди народного вождя, способного вывести индийский народ из тьмы колониального рабства, и захотел по-

¹ «Джи» — уважительная приставка к имени.

знать радостное чувство сопричастности этому великому и благому делу. Позднее Неру вдохновенно говорил о нем: «И вот тогда пришел Ганди. Он был подобен струе свежего воздуха, заставившей нас расправить плечи и глубоко вздохнуть; подобно лучу света, он прорезал мрак, и пелена спала с наших глаз; подобно вихрю, он все всколыхнул, и в первую очередь человеческое мышление».

Следуя примеру и призыву Ганди, Неру летом 1920 года решил начать знакомство с жизнью простого индийского народа и в первую очередь его огромными крестьянскими массами. «В 1920 году,— писал он,— я не имел ни малейшего представления об условиях труда в промышленности и сельском хозяйстве, и мои политические взгляды были всецело буржуазными». Впрочем, Неру не был исключением. Тогда это была позиция его партии, которая ориентировалась преимущественно на верхушечные слои индийского общества. «В то время,— вспоминал он,— аграрное движение было совершенно независимым от Национального конгресса и не имело никакого отношения к начавшемуся движению несотрудничества».

В страшную изнурительную жару Неру ходил по деревням в простой одежде из кхадии, обмотав голову мокрым полотенцем. Он ступал по бурой сухой земле, изрезанной кое-где узкими полосками каналов, наполненных грязной зеленой водой, над которой роились надоедливые безжалостные москиты. Даже небольшой дождь превращал разбитую дорогу в непроходимое грязное месиво. Он увидел деревни долины Ганга с их убогими глинобитными хижинами, крохотными полями и ужасающей нищетой. Он познакомился с бедными жителями, в лицах которых, казалось на века, застыла сама обреченность. Безропотно и трудно несли они на себе страшный груз колониального гнета. Для них он был ужасом без конца и без края. С робкой надеждой смотрели они на гостя, пришедшего к ним с пропагандой ненасильственной борьбы. Неру вспомнил тогда слова поэта:

Под бременем веков согбенный, он стоит,
Опершись на мотыгу. Взор опущен.
И пустоту времен лицо его хранит,
А на спине весь мир лег тяжестью гнетущей¹.

Он видел, как с восходом солнца крестьяне брели на свои участки, подстегивая понурых быков. Они возвращались поздно вечером, еле передвигая натруженные ноги, взвалив сохи на свои худые плечи. Их грязные набедренные повязки, мокрые от пота, прилипали к костистым бокам. Жизнь здесь текла медленно, размеренно и покорно. Царила бедность — ужасающая, без просвета и без края.

1920 год для многомиллионного крестьянства Индии был тяжелым. В 1918—1919 годах на страну обрушился жестокий неурожай. Голод, который всегда был постоянным спутником большинства индийцев, костлявой рукой цепко схватил крестьянина. Особенно тяжелое положение сложилось на Севере Индии и, в частности, в Соединенных провинциях, по которым странствовал Неру. Смертность в деревнях достигла 50 процентов. Голод и болезни унесли из жизни не менее 12—13 миллионов человек. Неру впервые увидел поистине необъятные масштабы бедствия, которое обрушилось на его несчастную страну. Он узнал, что большинство крестьян вообще не имеет земли, а арендует крохотные клочки за грабительскую плату. В условиях аренды указывалась не только плата за землю, но и то, что арендатор будет сеять те культуры, которые ему прикажет хозяин, что урожай будет доставлен туда, куда он потребует, что арендатор будет платить налоги государству, что он будет выплачивать за аренду независимо от стихийных бедствий и т. д. и т. п.

Абсолютное большинство крестьян-арендаторов имело непомерные долги и часто находилось в буквальном смысле

¹ Отрывок из поэмы американского поэта Е. Markham «The Man with the Hoe».

слова в рабстве. Даже в урожайные годы крестьяне ели один раз в день. Неру впервые узнал, что крестьянам неведомы такие понятия, как «завтрак», «обед» или «ужин». Они знали только одно слово — «еда». Кто такой врач или учитель, абсолютное большинство жителей деревень не знало, зато они хорошо знали сборщика налогов и полицейского. В случае болезней крестьяне обращались к «бхуве» — знахарю, являвшемуся, по их понятиям, посредником между человеком и злыми духами, вызывающими болезнь. Жители деревень были неграмотны, поэтому и местных писарь, и грамотные полицейский и сборщик налогов поневоле вызывали у них подобострастие, раболепие и робость.

Чувство непреодолимой жалости к своему народу и стыда за беззаботность имущих классов охватило Неру. «Перед моими глазами, — писал он, — вставал как бы новый образ Индии — голой, голодной, подавленной и невероятно несчастной. Их вера в нас, случайных гостей из далекого города, смущала меня и возлагала новую ответственность, которая пугала меня». Неру садился в кружок крестьян и вел доверительные беседы об их трудной жизни, их бедах и нуждах. Он говорил с ними на их родном языке хинди, и это придавало разговору столь необходимую простоту и искренность. Для него это был настоящий народный университет. Джавахарлал Неру узнавал народ, и народ узнавал его. «...Для меня это было настоящим открытием, — писал он, — хотя я всегда мучительно сознавал недостатки и слабости моего народа, я нашел в крестьянском люде Индии нечто привлекательное, хотя и с трудом поддающееся определению. Это нечто отсутствовало у нашей буржуазии».

На встречи с Неру начали собираться крестьяне из многих соседних деревень. В этих беседах Джавахарлал постигал необходимое качество народного вождя — искусство понимать сокровенные чаяния масс, улавливать тончайшие нюансы их настроений и отражать их в своих действиях. Для крестьян было необычным и странным, что ученый пандит и знатный сахиб ходит по бедным деревням

и призывает к ненасильственным действиям за свои права. Принцип «сатьяграхи», которую пропагандировал Неру, крестьяне полностью понять не могли. Почему бороться с сильным и вооруженным врагом надо ненасилием? — недоумевали они. Неру вспоминал: «Быть может, крестьяне и не вполне понимали его суть, но все же он удерживал их от насильственных действий». Он пробуждал у своих слушателей начальные крупинки будущего социального самосознания, он учил их азбуке национальной и политической борьбы. Конечно, и он, и они чувствовали, что между ними трудным барьером лежит разница в социальном положении. Джавахарлал Неру писал: «Я полюбил толпу, и толпа любила меня, и все же я никогда не растворялся в ней, всегда ощущал себя чем-то отдельным от нее. Я критически смотрел на нее со своей обособленной интеллектуальной позиции...» Политическая мудрость — это не только незаурядный интеллект, но и опыт. И Неру обретал его.

Знакомство с полной лишений и бесправия жизнью крестьян сыграло заметную и важную роль в становлении мировоззрения Джавахарлала Неру и формировании его как политического деятеля. Пожалуй, можно сказать, что именно с этого «хождения в народ» началась полная исканий и тревог политическая деятельность Неру. Знакомство с положением крестьян вызвало у него не просто сострадание, а стремление к целенаправленному действию.

Джавахарлал Неру укрепился в своем убеждении, что только в привлечении широких масс, как это предлагал М. К. Ганди, путь к успеху национально-освободительного движения. Но для мобилизации масс нужна была решительная и полная перестройка организационной структуры и методов работы Национального конгресса.

В начале сентября 1920 года в Калькутте была созвана чрезвычайная сессия Национального конгресса. Калькутта встретила конгрессистских делегатов черным дымом своих многочисленных фабрик и заводов. С вокзала, расположенного в пригороде Хаура, через огромный краса-

вещ-мост, перекинутый через приток Ганга — Хугли, они направлялись в гущу грязных и шумных улиц крупнейшего города Индии. Некоторые ехали на быстроногих, сухошавах рикшах, ловко лавировавших в сутолоке улиц, не снижая скорости обходявших ленивых священных коров, бродивших по тесным улицам в бесполезных поисках пищи. Трудовая Калькутта — это всепроникающая бедность, где царили убийственная антисанитария и ее порождение — болезни, удручающее зловоние человеческой перенаселенности, огромное скопление социального горячего материала, готового взорваться со страшной, разрушительной силой.

Центр Калькутты был застроен помпезными зданиями отелей, банков, торговых фирм и государственных учреждений. Среди них — пышный памятник колониальной эпохи — «Виктория-мемориал», музей, с названием которого связана «викторианская эпоха» — «звездный час» колониальной экспансии английского капитала и расширение огромной колониальной империи. Против огромного беломраморного здания «Виктория-мемориал» — бронзовый памятник королеве, уверенно разместившейся на имперском троне. Пройдет всего тридцать лет и многие из делегатов калькуттской сессии будут свидетелями того, как зашатается этот казавшийся незыблемым трон.

Председательствовал на сессии один из выдающихся лидеров левого крыла партии Лала Ладжпат Рай. Мохандас Ганди подготовил тщательно продуманную им резолюцию о проведении массовой кампании мирного несотрудничества с колониальными властями. У него уже была широкая известность в народных массах, но он впервые предлагал резолюцию сессии Конгресса, которым руководили признанные лидеры партии, не знавшие о его намерениях. Ганди вспоминал: «Положение мое было все же очень жалким. Я совершенно не представлял себе, кто будет поддерживать резолюцию и кто выступит против нее. Не имел я также понятия и о том, какую позицию займет

Лаладжи (Лала Ладжпат Рай.— Авт.). Я видел лишь внушительную фалангу ветеранов-бойцов, собравшихся для боя в Калькутте». И все же он не поддался магии громких имен и смело вынес свою резолюцию на обсуждение.

Предложение Ганди о кампании несотрудничества сначала озадачило делегатов сессии, а потом вызвало среди них раскол. Популярный среди народа Лала Ладжпат Рай, ветеран партии, почтенный Ч. Р. Дас и Бепин Чандра Пал выразили несогласие с проектом этой резолюции. Планы массового движения несотрудничества не разделял также Мухаммед Джинна, лидер Мусульманской лиги, которая сотрудничала с Конгрессом. Ему была чужда сама идея обращения к народу и привлечения его к борьбе. Он выступал за старые формы переговоров с колониальными властями. Одетый в безукоризненный европейский костюм, высокий и худощавый, Мухаммед Али Джинна не хотел ни понимать, ни принимать новых веяний в Конгрессе и покинул зал заседаний. Резолюция Ганди, казалось, не получит большинства голосов. Ее судьба повисла на волоске. Первым, кто энергично поддержал резолюцию Ганди, был Мотилал Неру. Более того, он дополнил ее пунктом, требующим предоставления Индии «свараджа» — независимости. Его примеру последовали другие делегаты. После долгих дебатов резолюция Ганди о несотрудничестве была принята. В ней говорилось: «Данная сессия Конгресса... придерживается мнения, что у народа Индии есть только один путь — одобрить и принять политику прогрессивного ненасильственного несотрудничества на весь период, пока упомянутая несправедливость не будет устранена и пока не будет установлен сварадж».

Обращает на себя внимание другой пункт резолюции, показывающий, к кому обращаются авторы этого документа. В тексте подчеркивалось, что «первыми должны выступить те классы, которые до настоящего времени формировали и представляли общественное мнение», т. е. национальная буржуазия, интеллигенция и средние слои. Рекомендации

Конгресса еще не затрагивали основ колониальной эксплуатации и не подрывали основ английского господства. В них не содержались призывы к выступлениям рабочих и крестьян. В резолюции члены Конгресса призывались: а) отказаться от государственных должностей и званий, б) отказаться от посещения правительственных приемов и других официальных церемоний, в) не учить детей в государственных школах, г) отказаться от выборов в органы самоуправления, д) бойкотировать иностранные товары.

Калькуттская сессия знаменовала начало длительного периода в истории Национального конгресса, когда идейное руководство им взял на себя Мохандас Карамчанд Ганди, а сам Конгресс стал признанным авангардом борьбы всего индийского народа.

Калькуттская сессия не означала, что к Ганди просто повернулось политическое счастье. Дело было в том, что его программа наиболее полно выразила новую тенденцию национально-освободительного движения. Неру считал, что «влияние Ганди в различных областях широко распространено по всей Индии, оставив на ней свой след. Однако он стал крупнейшим и наиболее выдающимся из индийских вождей не благодаря своему учению о ненасилии или своим экономическим теориям. Для огромного большинства индийского народа он является символом решимости Индии добиться освобождения... ее отказа подчиняться высокомерной силе, символом неизменного сопротивления всему, что влечет за собой национальное бесчестие».

Даже когда он не занимал официальных постов, Ганди продолжал идейно и организационно руководить Национальным конгрессом. Характерно при этом, что, предложив партии определенные тактические методы борьбы, он не дал четкой формулировки ее конечных стратегических целей. Правда, он говорил о строительстве в Индии общества «сарводая» (буквально «общее благоденствие»), под которым подразумевал идеальное общество, построен-

ное на всеобщем равноправии и гармонии интересов его членов. Но это была утопическая, абстрактная идея, к конкретизации которой Ганди не приступал. Но он дал партии и широким массам возможность избавиться от чувства пассивной обреченности и безысходности, активно действовать, реально бороться. Джавахарлал Неру писал: «Что же касается самого Гандиджи, то это был человек, которого очень трудно было понять, и подчас его речи были почти непостижимы для среднего человека нашего времени. Но мы чувствовали, что знаем его достаточно хорошо, чтобы понимать, что это великий и необыкновенный человек и замечательный вождь. Поверив в него, мы предоставили ему почти полную свободу действий, по крайней мере на время».

Ганди — личность глубоко самобытная и нравственно необыкновенно сильная. Он произвел огромное впечатление на Джавахарлала. Склонный к категорическим оценкам людей, Неру или любил сразу и беззаветно, или ненавидел, не скрывая своих чувств. О Ганди он пишет: «Он — ярчайший представитель всей Индии и выразитель самого духа этой древней многострадальной страны. Он почти олицетворяет Индию, и даже его недостатки — это недостатки Индии». Позднее, ближе познакомившись с М. К. Ганди и его мировоззрением (а их связывали дружеские отношения долгие годы), Джавахарлал Неру даст ему более справедливую оценку. Он напишет: «Следует помнить, что националистическое движение в Индии, подобно всякому националистическому движению, было по существу буржуазным. Оно представляло собой естественную историческую стадию развития, и рассматривать его или критиковать его как движение рабочего класса было бы неправильно. Ганди представлял это движение и индийские массы в отношении к этому движению... и в этих пределах он стал голосом индийского народа. Он по необходимости действовал в рамках националистической идеологии, но его доминирующей страстью, которая погло-

щала его, было желание возвысить массы. В этом отношении он всегда был впереди националистического движения и постепенно заставил его в пределах его собственной идеологии повернуться в этом направлении... Совершенно верно, что Ганди, действуя в плоскости националистического движения, не думал терминами конфликта классов и пытался улаживать их разногласия. Но деятельность, которой он предавался и которой он обучал народ, неизбежно подняла в огромной степени сознание масс и придала социальным проблемам первостепенное значение. А его настойчивое стремление повысить уровень масс там, где необходимо, за счет интересов привилегированных слоев, дало национальному движению сильную ориентацию в пользу народа».

Если на сессии в Калькутте на деятелей Конгресса повлияли идеологические концепции Ганди, то принципы партийного строительства, предложенные им, восторжествовали на сессии Конгресса, состоявшейся в Нагпуре в декабре 1920 года.

Уже первый день сессии показал, что Конгресс меняется буквально на глазах. Джавахарлал Неру обратил внимание, что даже внешний вид делегатов совсем не тот, что был раньше, да и сами делегаты представляли новые социальные слои индийского общества. Он писал: «Весь облик Национального конгресса изменился: европейская одежда исчезла, и скоро можно было видеть одни только кхадии. Типичным конгрессистом стал новый делегат, выдвигаемый преимущественно низшими слоями средних классов; языком, которым мы пользовались в своей работе, все больше становился хиндустани или иногда язык той провинции, где происходил съезд Конгресса». На нагпурской сессии партии вновь обсуждалась резолюция о несотрудничестве. На этот раз торжество линии Ганди было безусловным и полным. Нагпурская сессия подтвердила и расширила требования калькуттской сессии Конгресса о ненасильственном несотрудничестве: «... данный Конгресс, вновь подтверждая резолюцию о ненасильственном несот-

рудничестве, заявляет, что весь план ненасильственного несотрудничества и любая часть этого плана, содержащая отказ от добровольного содействия правительству, с одной стороны, и отказ от уплаты налогов — с другой, должны осуществляться на практике в тот момент, который будет выбран либо Индийским национальным конгрессом, либо Всеиндийским комитетом Конгресса».

Ганди и другие руководители партии сохранили безусловный контроль над движением и установили предел его радикальности — неуплату налогов правительству. Для практической организации и проведения кампании несотрудничества было решено создать 150-тысячный корпус добровольцев, в который вошла главным образом молодежь из числа студентов, учащихся и средних городских слоев. В специальной резолюции М. К. Ганди была туманно сформулирована цель борьбы: «сварадж» внутри Империи, если возможно, и вне, если необходимо». Позднее, оглядываясь на первые шаги своей деятельности, Неру в «Автобиографии» напишет: «Что касается нашей цели, то мы не имели о ней сколько-нибудь ясного представления. Сейчас кажется удивительным, насколько мы игнорировали теоретическую сторону нашего движения, его философию, насколько мы были невнимательны к выдвижению какой-либо определенной цели, которой мы должны были руководствоваться в своей деятельности; все мы, разумеется, очень красноречиво рассуждали о сварадже, но каждый из нас, вероятно, толковал это слово по-своему». Более того, хорошо знавший руководителей Конгресса, много встречавшийся с ними и подолгу беседовавший о целях борьбы, Неру пришел к выводу, что для большинства лидеров Конгресса «сварадж» означал «...нечто гораздо меньшее, чем независимость. Гандиджи высказывался на этот счет удивительно расплывчато и не поощрял никаких уточнений».

Нагпурская сессия изменила организационную структуру Конгресса. По существу, партия приняла новый устав.

В каждой провинции создавался комитет Конгресса провинции, подчиненный Всеиндийскому комитету Конгресса. Комитет собирал ежегодные сессии Конгресса. Во главе партии в период между сессиями по-прежнему стоял Рабочий комитет в составе 15 партийных функционеров. Нагпурская сессия приняла также резолюцию по трудовым отношениям, в которой одобрила борьбу рабочего класса за создание профсоюзов и отстаивание своих прав и впервые — резолюцию по крестьянскому вопросу, осуждавшую аграрную политику властей, которая вела к массовому обезземеливанию крестьянства.

Нагпурская сессия знаменовала как бы второе рождение Национального конгресса. К тому времени он превратился в массовую политическую партию современного типа, одновременно сохранившую черты общенационального движения. По своему характеру ИНК стал партией, выражавшей настроения широких социальных слоев индийского общества, но в основе своей и главным образом отражал интересы национальной буржуазии, сохранявшей в тот период значительные общедемократические потенции.

Основное содержание характера национально-освободительного движения, возглавляемого индийской буржуазией и ее партией — Конгрессом, — Джавахарлал Неру реалистично усматривал в том, что «этот класс — буржуазия — чувствовал себя скованным и ограниченным в действиях. Он хотел расти и развиваться. Лишенный в условиях британского владычества такой возможности, он проникся духом бунтарства против этого владычества, однако этот дух не был направлен против системы, которая давила нас. Он пытался сохранить ее и овладеть ею, вытеснив англичан. Наша буржуазия в слишком большой степени была порождением этой самой системы, чтобы бросить ей вызов и добиваться ее уничтожения».

Значение нагпурской сессии Национального конгресса состояло в том, что была разработана концепция антиколониальных действий, которая предусматривала их тща-

тельную выверенность и последовательность. Известный индийский историк Б. Чандра назвал эту тактику «давление — компромисс — давление», поскольку она предполагала осторожный нажим на англо-индийские власти с целью склонить их к большим уступкам национальному движению, «освоение» этих уступок, а затем — возобновление политического давления на колониальный аппарат власти.

Сразу после нагпурской сессии началась кампания несотрудничества. Многие служащие оставляли должности в правительственных учреждениях, в городах жгли на кострах английские ткани и одежду. (Позднее, в 1924 году, по предложению Ганди в устав Конгресса был внесен пункт, который обязывал каждого члена партии прясть на чаркке пряжу, носить одежду из домотканой ткани — кхади и белые шапочки.) Повсеместно организовывались массовые митинги и демонстрации. Джавахарлал Неру писал: «Появились новые нормы и ценности. Пышность и великолепие дворцов вице-короля и князей, производившие прежде такое сильное впечатление, показались вдруг до крайности нелепыми, пошлыми и даже постыдными на фоне нищеты и страданий народа».

Нагпурская сессия Национального конгресса укрепила положение Ганди как общепризнанного лидера партии и вождя масс.

Историческая заслуга М. К. Ганди перед индийским народом состоит в том, что он приобщил к сознательной политической борьбе широчайшие массы индийского народа. Он выступил как последовательный борец против колониального гнета, смело призывая к единству все нации и социальные слои Индии под знаменем антиимпериализма. Страна очнулась от состояния безволия, политической апатии, постепенно обретая социальный динамизм. Он поднял национально-освободительное движение на качественно новую ступень.

В гандизме отразилось пробуждение национального самосознания индийского народа, а в национально-освободительной борьбе, которую возглавил Ганди, массы пости-

гали азы политических боев. Однако теория и практика гандизма отнюдь не вступали в противоречие с классовыми интересами индийской буржуазии. Это была, во-первых, более совершенная и соответствующая новым условиям форма борьбы, во-вторых, гандизм дал возможность объединиться под эгидой буржуазии различным классам и социальным группам на базе общности интересов антиимпериалистической борьбы. Полный искреннего стремления добиться процветания Индии, Ганди решительно выступал против религиозной вражды, кастового неравенства, разобщенности народа. Ганди выработал новые своеобразные формы и методы борьбы, дальновидно используя для воздействия на широкие массы неграмотного и неискушенного в политической борьбе населения национальные традиции и отдельные религиозные догмы. Он радикально изменил структуру и принципы партии Индийский национальный конгресс, сделав его организацией широких масс, способных на буржуазно-демократическую антиимпериалистическую борьбу. Он объединил и воспитал блестящую когорту преданных делу политических бойцов, способных и готовых преодолеть трудности и лишения.

Одним из таких бойцов был Джавахарлал Неру. Ему в то время минуло тридцать лет, и он счастливо соединял в себе боевой задор молодости и рассудительность зрелого мужа. Его относили к молодым, активным и перспективным деятелям партии. О себе и своих сверстниках он писал: «Мы были полны возбуждения, оптимизма и бодрящего энтузиазма. Мы ощущали счастье человека, участвующего в крестовом походе во имя идеи. Нас не тревожили сомнения или колебания, наш путь казался нам ясным, и мы шли вперед, воодушевленные энтузиазмом окружающих и помогая подталкивать вперед других».

Камала и родные неделями не видели Джавахарлала. Он выступал с речами на митингах, шел впереди демонстрантов, ездил из города в город, из деревни в деревню. Политическая деятельность поглотила его целиком. «Я по-

ходил тогда на одержимого, — вспоминал Неру, — я целиком посвящал себя делу, в которое верил, я жил в созданном мною сказочном мире, глядя на окружающих меня реальных людей как на призрачные тени. Я вкладывал в работу все свои силы; ум мой до краев был заполнен работой».

Как национальный лидер Джавахарлал Неру сформировался в период массового революционного подъема, охватившего Индию в начале двадцатых годов, в период превращения Национального конгресса в массовую политическую партию, в период упрочения влияния Ганди и становления его идеологических и политических принципов. Это обстоятельство оказало важнейшее влияние на становление Неру как политического деятеля новой Индии. Концепция политических действий Конгресса органически соединила представления «умеренных» и радикалов о тактике колониальных действий. Сохранение монополии на власть у колонизаторов подсказало наиболее действенную форму антиправительственных действий — ненасильственную оппозицию, опирающуюся на массовое несотрудничество с властями. Эта форма борьбы предусматривала, в частности, неповиновение законам, бойкот официальных учреждений, уход индийцев в отставку с должностей в аппарате управления и т. д. Дж. Неру полностью разделял мнение М. К. Ганди по организации сопротивления властям.

Книга религиозных песнопений, принадлежащая Махатме Ганди

● ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ ● РАСКОЛ КОНГРЕССА ●

Массовое движение, охватившее Индию от дымной Калькутты до пыльного Карачи, от прохладных предгорий Гималаев до знойного мыса Коморин — южной точки Индостана, встревожило колониальные власти, которые почувствовали в нем реальную угрозу своему господству. Вершители колониальной политики в Англии, учитывая урок амритсарских событий, решили пойти на дипломатический маневр: в Индию была послана миссия во главе с наследником престола принцем Уэльским. Принц должен был открыть торжества в связи с введением в действие реформы Монтегю — Челмсфорда. В Лондоне рассчитывали, что «высочайший» визит умиротворяюще подействует на беспокойных индийских подданных британской короны и вызовет прилив имперского патриотизма. Вице-король Индии поспешил заверить английское правительство, что народ крупнейшей колонии империи будет рассматривать визит принца как высочайшую честь и отметит его с подобающей случаю торжественностью.

17 ноября 1921 года к «Воротам Индии», специально построенному в порту к приезду почетных гостей помпезному сооружению в виде арки, в Бомбее подошел корабль, на борту которого находился высокий гость. Однако вместо толп восторженного народа, на которые рассчитывали устроители, высокородного посланца английского короля встретили безлюдные пустынные улицы. Национальный конгресс призвал население всех городов и поселков, по которым будет проезжать принц Уэльский, бойкотировать торжества. Конгресс выделил добровольцев, которые организовали ненасильственную кампанию протеста. Список добровольцев открывал Мотилал Неру. Все обратили внимание, что респектабельный англоман в прошлом, он стал, как и большинство других членов Конгресса, ходить в национальной одежде из кхади. Народ откликнулся на призыв своих руководителей. Принц Уэльский, казалось, ехал по вымершим городам. Джавахарлал Неру с группами добровольцев принимал активное участие в организации бойкота. Он удовлетворенно писал о встречах визитера из туманного Альбиона: «Всюду, куда бы его ни привозили, его встречали харталы и опустевшие улицы. Аллахабад, когда принц приехал туда, казался городом мертвых, а несколько дней спустя в Калькутте внезапно прекратилась на время вся жизнедеятельность большого города».

Растерянность первых дней, охватившая колониальные власти, переросла в озлобленность. Они решили не умиротворять фронду, а уничтожить ее и обрушили на индийский народ и его руководителей массовые репрессии. Начались повальные аресты. Но странное дело: тюрьмы никого не пугали. Индийцы сами забирались в тюремные машины и подходили к воротам темниц. Попастъ в полицейский участок и в камеру тюрьмы никто не считал позорным. Более того, за решетку шли, как на праздник, с гордо поднятой головой и сознанием исполненного гражданского долга. Считалось, что тот, кто не побывал в тюрьме, тот не патриот Индии.

В плане общих репрессивных мер власти решили нанести удар по отрядам конгрессистских добровольцев в Соединенных провинциях. Здесь благодаря, главным образом, усилиям Джавахарлала Неру отряды добровольцев были хорошо организованы. Они успешно провели харталы в городах Лакхнау, Аллахабад, Канпур и многих других, осуществляли эффективное пикетирование магазинов, где продавались иностранные товары. Деятельность конгрессистов в Аллахабаде вынужден был признать даже вице-король лорд Ридинг, который сдержанно писал: «Движение несотрудничества продемонстрировало все возможности несомненно мощной организации и все же, за исключением Аллахабада, не имело где-либо настоящего успеха, хотя, если беспристрастно проанализировать обстановку, я должен признать, что участникам этого движения удалось в ряде мест помешать тому, чтобы визит (принца Уэльского — Авт.) прошел безупречно и с триумфальным успехом, как этому надлежало быть».

6 декабря 1921 года Джавахарлал Неру, который был главным организатором добровольцев провинции, и его отец, активно помогавший ему в его деятельности, были арестованы. Суд вынес им приговор: 6 месяцев заключения и штраф.

Отец и сын были препровождены в тюрьму города Лакхнау.

Заключение их не пугало. Перед арестом Джавахарлал написал письмо своим соратникам, исполненное бодрости и достоинства (оно было опубликовано в газете «Индепендент» 8 декабря 1921 года). «Друзья,— обращался он к ним,— я отправляюсь в тюрьму с величайшим удовольствием и глубоким убеждением, что это будет способствовать достижению нашей цели. Не забывайте о том, что двенадцатого числа этого месяца состоится всеобщий хартал, и о том, что долг каждого аллахабадца — вступить в ряды добровольцев. Самое главное — это соблюдать спокойствие и сохранять дух ненасилия. В ваших руках

честь Аллахабада, и я надеюсь, что она в безопасности. Я верю, что вы всегда будете на передовых позициях битвы за «сварадж» и обессмертите имя нашего города...»

Справедливость требует сказать, что режим, установленный для отца и сына Неру, не был столь строгим, как к другим заключенным. Отец и сын внимательно следили по газетам за тем, как развивалась борьба, ради которой они подвергались лишениям. Джавахарлал разрабатывал планы, как обеспечить продолжение деятельности Конгресса, несмотря на репрессии со стороны властей. Однако в дальнейшем строгости стали усиливаться, и все политические заключенные были лишены газет.

В целом по стране движение против колониальных порядков продолжало расти, проникая в отдаленные районы страны и охватывая все новые слои населения Индии. 27 декабря 1921 года в Ахмадабаде открылась очередная сессия Национального конгресса. Впервые делегаты были избраны в соответствии с новым, нагпурским уставом и являлись подлинными представителями местных партийных организаций Конгресса. Конгресс, как политическая партия, создавал новые организационные формы. Он становился боеспособной массовой организацией. И еще одна характерная деталь, выражавшая изменения в стиле работы партии: впервые сессия проходила в пандале (шатре) и делегаты, одетые в национальную одежду из кхади, сидели не на стульях, а на земле. Это придавало съезду более «индийский» и демократический характер.

Делегаты ахмадабадской сессии подтвердили верность движению массового ненасильственного сопротивления и решили увеличить число добровольцев Конгресса, создав из них специальный корпус, сплоченный дисциплиной и предназначенный для немедленных активных действий. Ганди (он был одним из немногих лидеров партии, который оставался на свободе) делал особенный упор на обязательность соблюдения принципа ненасилия. Добровольцы Конгресса должны были подписать специально выработанное

и утвержденное съездом обязательство. Его текст гласил: «Призывая бога в свидетели, я торжественно заявляю: 1) что желаю быть членом национального добровольческого корпуса; 2) до тех пор пока я буду членом корпуса, я буду придерживатьсь ненасилия не на словах, а на деле и буду искренне стараться не применять насилия даже в своих мыслях, так как я верю, что при том положении, в котором находится Индия, одно лишь ненасилие может... привести к достижению «свараджа» и укреплению единства между людьми разных религий... Я готов перенести тюремное заключение, пытки и даже смерть ради моей веры и моей страны без всякого сожаления».

Общее руководство движением, получив огромные, почти неограниченные полномочия в определении форм борьбы и ее целей, осуществлял Ганди. Успех бойкота при встречах принца Уэльского и движения ненасильственного сопротивления, в котором приняли участие десятки миллионов человек, действенность предложенных методов борьбы с поразительной быстротой увеличили авторитет Национального конгресса, его лидеров и особенно Ганди. Некоторые критики Ганди полагали, что движение ненасилия создавало иллюзию борьбы. Это несправедливо. Массовая кампания стала важной формой политического действия широчайших слоев народа, школой, где осваивалась азбука освободительной борьбы, доступная всем классам и социальным группам индийского общества. Более того, она навсегда покончила с чудовищной многолетней деморализацией умов, ставшей следствием колониализма.

Форма борьбы, предложенная М. К. Ганди, соответствовала в тот период уровню классового сознания масс, индийской народной традиции, психическому складу индийцев с их воспитанной догматами индуизма фатальной покорностью, от которой им еще предстояло отрешиться. Лидеры Конгресса считали, что, с одной стороны, участие рабочих и крестьян в ИНК усиливало его позиции в борьбе против английского империализма, с другой — отвлекало их

от революционных методов борьбы, выработанных пролетариатом. Видный конгрессист Ч. Р. Дас писал об этом с полной определенностью: «Если Конгресс окажется неспособным выполнить свой долг, в стране появятся организации рабочих и крестьян, обособленных от него, оторванных от борьбы за «сварадж». В атмосферу мирной революции они неизбежно внесут классовую борьбу... Если Конгресс хочет избежать такой плачевной перспективы, тогда давайте возьмем дело рабочих и крестьян в свои руки».

Концепция ненасильственных действий поставила англо-индийские власти в затруднительное положение. В индийских условиях 20—30-х годов многолетний опыт насильственного либо конституционного регулирования конфликтов оказался непригодным, что вынудило их идти на дальнейшие уступки. В этот период уменьшилась роль вооруженных сил как гаранта общественного порядка. Это было связано, с одной стороны, с быстрым ростом населения, особенно в городах (с 1921 по 1931 год население возросло с 318 до 352 миллионов человек), с другой — с ограниченными возможностями Англии постоянно увеличивать британский контингент военнослужащих в Индии: в 1931 году он составил всего 34000 солдат и офицеров.

Идеологию и политическую практику гандизма породил подъем массового движения в крестьянской стране, которое возглавили прогрессивные представители средних слоев индийского общества, впрочем, не принявших революционных форм борьбы. Индия участвовала в начавшемся движении народов Востока, она выработала своеобразные, эффективные формы борьбы, получившие широкое распространение и в других странах Азии и Африки.

Движение ненасильственного несотрудничества приняло подлинно общендийский характер и начало представлять реальную угрозу английским колониальным порядкам. Страсти в стране накалялись. Они вот-вот могли перехлестнуть хрупкие рамки ненасилия и выйти из-под кон-

троля М. К. Ганди. Так и произошло в местечке Чаури-Чаура Горакхпурского округа Соединенных провинций, где толпа крестьян, возмущенных произволом властей, подошла к зданию местной полиции и стала выкрикивать угрозы. Для ее разгона полицейские применили силу. Разъяренная толпа подожгла полицейский участок и убила нескольких полицейских.

Узнав о событиях в Чаури-Чаура, Ганди собрал в городе Бардоли заседание Рабочего комитета Конгресса и объявил о немедленном и полном прекращении движения несотрудничества по всей стране и одновременно о том, что в знак протеста против нарушения крестьянами принципа ненасилия он объявляет пятидневную голодовку. Став вождем движения, Ганди всячески стремился не допустить выхода из-под контроля политической инициативы широких народных масс. Это был его принципиальный подход к тактике национально-освободительного движения.

Рабочий комитет принял предложение Ганди о прекращении движения. 11 и 12 февраля — даты заседания Рабочего комитета Конгресса в Бардоли, которые никак не назовешь знаменательными, они означали начало поражения движения и кризиса партии. Всем организациям Конгресса было предложено свернуть борьбу и одновременно направить свою деятельность на: 1) рост членов организации; 2) пропаганду производства кхади; 3) борьбу за трезвость; 4) организацию сбора средств в фонд свараджа имени Б. Г. Тилака.

Ганди принял свое решение прекратить движение как раз в то время, когда, по свидетельству колониальных властей, «обстановка быстро ухудшалась и все больше выходила из-под контроля».

Решение Ганди прекратить кампанию гражданского неповиновения дало возможность правительству вздохнуть с облегчением.

Большинство же членов Конгресса было застигнуто врасплох и ошеломлено решением Ганди и Рабочего коми-

тета. Прекращать народное движение из-за нежелательного, но частного случая, когда оно набрало такую силу и так сплотило массы, было, по их мнению, действием непонятным, немотивированным и даже, более того, близким к отходу от провозглашенных целей. Раджендра Прасад вспоминал: «Не говоря уже о рядовых работниках Конгресса, такие руководящие деятели, как Мотилал Неру, Лала Ладжпат Рай и другие, находившиеся в тюрьме, были обескуражены. Страну охватило уныние». Лала Ладжпат Рай и Мотилал написали во Всеиндийский комитет Конгресса резкое письмо, в котором утверждали: «Это решение принесло стране большой вред. Оно не только деморализует народ, но наносит удар и по престижу нации».

Джавахарлал Неру, как и его отец, с тягостным недоумением воспринял действия Ганди. Он огорченно писал: «Мы негодовали, узнав о прекращении борьбы в тот самый момент, когда мы, казалось, укрепили наши позиции и успешно продвигались на всех фронтах». Демократическая борющаяся Индия впала в состояние шока. Вера в непогрешимость вождя оказалась подорванной. Разбуженная национальная энергия искала и не находила выхода.

Народное антиимпериалистическое движение начала двадцатых годов было дезорганизовано и быстро пошло на убыль. Дело в том, что Национальный конгресс был в то время, по существу, организацией единого антиколониального фронта, куда входили не только буржуазия и средние слои, но и трудящиеся, другие социальные слои пестрого индийского общества. Поражение привело к неизбежному отходу их от борьбы. Среди членов партии падали организованность и дисциплина, возникло чувство разочарования. Вновь участились индусско-мусульманские столкновения. Неру, досрочно освобожденный из тюрьмы в марте 1922 года, почувствовал, что ему нелегко будет поддерживать моральный дух конгрессистов в сложившейся после отмены движения обстановке. «Я могу сказать только следующее,— писал он в послании, опубликованном после

освобождения из тюрьмы, — продолжайте бороться, работать во имя независимой Индии. Не отказывайтесь от своих убеждений. Не признавайте ложных компромиссов. Продолжайте следовать за своим великим вождем Махатмой Ганди и оставайтесь верными Конгрессу».

Сам он, несмотря на гнетущее впечатление от решения Ганди, понимал, что сохранить движение можно только действием. Власти внимательно следили за его деятельностью и видели в ней для себя определенную опасность. 5 мая 1922 года в «Ананд Бхаване» полиция произвела обыск, а 12 мая Джавахарлал Неру был вновь арестован и приговорен к штрафу и тюремному заключению на полтора года. На процессе как истинный сторонник несотрудничества он отказался от какой-либо защиты, но выступил с заявлением, которое принесло ему всеиндийскую известность и стало манифестом националистически настроенной образованной молодежи. В этом заявлении он подчеркнул ненасильственный характер деятельности Конгресса и обвинил правительство в жестоких репрессиях. Он, в частности, заявил, что «служить Индии в борьбе за ее свободу — высокая честь...». Для индийца не может быть большего счастья, чем «пострадать во имя успеха всеобщего дела или реализации славной мечты нашего народа».

В тюрьме Джавахарлал уделял много внимания чтению — «Бхагавадгита», Коран, «Свет Азии» Арнольда... Особый интерес Неру проявлял к книгам по истории: «Правление ариев в Индии» Хейвела, «Священная Римская империя» Брайса, труды Саймондса по эпохе Возрождения в Италии... Он зачитывался стихотворениями Китса, Шелли, Теннисона, Суинбёрна.

31 января 1923 года Неру был освобожден из тюрьмы в результате амнистии, объявленной правительством Соединенных провинций. Газета «Лидер» писала по этому поводу: «Наиболее видным из всех освобожденных патриотов, истинным сторонником господина Ганди является пандит Джавахарлал Неру, мысли которого воистину высоки,

который никого не ненавидит и любит свою страну всей силой своей чистой натуры и чувствительного сердца».

Сам Неру вышел из тюрьмы еще более полный решимости продолжать борьбу за свободу Индии.

Бардолийская резолюция означала начало отступления национально-освободительного движения. Численность Национального конгресса к 1923 году резко сократилась с 10 миллионов до нескольких сот тысяч человек. Партия, имевшая до того огромный кредит доверия народа, переживала кризис. Начались разногласия среди руководителей, которые привели к созданию двух группировок. Первая, возглавляемая М. К. Ганди и его сторонниками, получила название «противники перемен». Отказавшись от движения массового ненасильственного несотрудничества с колониальными властями, «противники перемен» сосредоточили свою деятельность на пропаганде кхадии и ручного прядения, борьбе против дискриминации неприкасаемых, создании индуССко-мусульманского единства и т. д. Этими мерами Ганди старался удержать свое влияние в массах и сохранить массовую базу Национального конгресса.

Вторая группировка, возглавляемая Ч. Р. Дасом и Мотилалом Неру и получившая название «свараджистов», считала, что поражение массового движения должно заставить партию выбрать новые средства борьбы, предлагала отказаться от провозглашенного Конгрессом бойкота местных органов власти и наоборот, активно участвовать в выборах, захватить большинство, бороться за сварадж «изнутри». В марте 1923 года Мотилал Неру и Ч. Р. Дас создали сепаратный съезд своих сторонников. По предложению Мотилала Неру местом съезда был избран Аллахабад. «Свараджисты» решили образовать внутри Конгресса отдельную партию. «Свараджистская» партия в своих программных документах заверила национальную буржуазию, что «частная и индивидуальная собственность будет признаваться и охраняться, а также будет разрешено накопление богатства, как движимого, так и недвижимого», а крупным

землевладельцам гарантировала, что не позволит проведения политики, «которая заключала бы в себе несправедливость по отношению к помещику». Рабочему классу и многомиллионному индийскому крестьянству эта партия ничего конкретного не обещала.

После того как Ч. Р. Дас был избран в Законодательное собрание, он заявил на его заседании: «Моя партия вошла в собрание, чтобы предложить свое сотрудничество правительству. И если правительство примет это сотрудничество, оно убедится, что свараджисты — это именно те люди, которые ему нужны». Многие члены партии стали активно сотрудничать с властями, добиваясь для себя выгодных постов. В свое время Наполеон говорил о французских аристократах: «Я распахнул им путь славы — они отказались, я приоткрыл им щель в прихожую — они все туда устремились». Нечто подобное произошло с индийской буржуазией и чиновничеством.

Острая внутрипартийная борьба в Национальном конгрессе заставила М. К. Ганди пойти на серьезные уступки: членам Конгресса было разрешено выставлять свои кандидатуры на выборах, а в специальном документе (пакте Ганди — Ч. Р. Дас) заявлялось, что гражданское несотрудничество не является основной формой деятельности Национального конгресса. Однако усиление позиций свараджистов и маневры Ганди не вывели партию из глубокого кризиса. Путь борьбы посредством избирательной урны, предложенный Ч. Р. Дасом и Мотилалом Неру, завел ее в политический тупик. «Свараджисты» устремились в законодательные и местные органы власти, многие из них стали искать себе тепленькие и прибыльные местечки, быстро забыли о недавно произнесенных клятвах беззаветно и бескорыстно вести борьбу за свободу Индии и подрывать колониальный режим изнутри. Джавахарлал Неру подвел для себя грустный итог: «Несколько речей, некоторый ажиотаж в законодательных органах, минутное торжество свараджистов, заголовки в газетах — и на этом

все кончилось». Он понял, что курс, предложенный его отцом и Дасом, не спасет положение партии, так же как и курс Ганди.

Нужно отметить, что создание двух фракций в Конгрессе и политические расхождения, возникшие между М. К. Ганди и Мотилалом Неру, не смогли прервать их дружеских личных связей. Махатма по-прежнему бывал в «Ананд Бхаване», когда приезжал в Аллахабад, подолгу беседовал с Мотилалом и Джавахарлалом, играл с маленькой Индирой. Джавахарлал Неру заметил по этому поводу: «После кратковременного политического отчуждения, в середине 1924 года, прежние отношения между моим отцом и Ганди возобновились и стали даже более сердечными, чем прежде». Дело, конечно, было не только во взаимной расположенности двух лиц — их дружеские отношения базировались на том, что оба выдающихся деятеля, несмотря на временные разногласия в тактических средствах борьбы, не имели расхождений в стратегии и выступали за общее в конечном счете дело, сохраняя верность своему народу.

Неудачи руководства «свараджистской» партии в выработке новых тактических форм борьбы и его политическая дряблость привели к быстрой потере влияния «свараджистов» в рядах конгрессистов. На выборах в руководство партии в 1926 году они потерпели поражение.

Джавахарлал Неру видел, что М. Ганди утратил значительную часть своего бывшего влияния в партии и народе, но и его политические конкуренты, и это было очевидным, не смогли предложить эффективной альтернативной программы. Он не знал, деятельность и программа какой фракции полнее отвечала бы его политическим устремлениям и взглядам. «Вера в Гандиджи как руководителя у меня сохранилась, — писал он, — но я начал более критически относиться к некоторым сторонам его программы...» С другой стороны, «Дешбандху Дас пытался вскоре после моего освобождения из тюрьмы обратить меня в свараджистскую веру. Однако я не поддавался на его уговоры, хотя у ме-

ня отнюдь не было ясности насчет того, как мне надлежит действовать». Проанализировав программные установки и практическую деятельность обеих группировок, Джавахарлал Неру пришел к неутешительному выводу: «Ни одна из существовавших в то время в рамках Национального конгресса групп — ни сторонники участия в законодательных органах, ни противники изменения политической программы — не привлекала меня. Первая из них явно сворачивала в сторону реформизма и конституционализма, которые, по моему мнению, могли завести лишь в тупик. Противники перемен... придавали больше значения букве учения (Ганди.— Авт.), нежели его духу. В них не было активного начала, и на практике большинство из них были безобидными и благочестивыми социал-реформистами».

Неру пытался сгладить противоречия между враждующими группировками в Национальном конгрессе. Он стремился к тому, чтобы предотвратить окончательный раскол партии. Стоит отметить, что в это время Неру, несмотря на то что уже дважды побывал в тюрьме и часто выступал с радикальными предложениями, воспринимался коллегами по партии и властями не более чем умеренный националист. Он не стал революционным «экстремистом», но не примыкал и к лоялистам, готовым сотрудничать с властями при малейшей возможности.

В августе 1923 года Джавахарлал Неру писал одному из своих близких друзей, что он чувствует себя опустошенным. Представитель имущих слоев индийского колониального общества — социальной силы, чрезвычайно пестрой не только по своему национальному, религиозному и кастовому составу, но и по экономическому положению, политическим убеждениям и мировоззренческим позициям — он нес в себе черты этого противоречивого класса. Политические лидеры Конгресса не смогли тогда довести национально-освободительное движение до победы, а после его временного поражения не сумели организованно, сохранив силы, отступить. И хотя Неру был явно на перепутье

в этот период, наиболее прозорливые представители английских властей уже чувствовали в нем для себя опасность. Вице-король Ридинг, например, полагал, что Неру уже тогда был «фанатичен в своей враждебности правительству».

После отставки с руководящих постов оказавшись свободным от необходимости тратить время и силы на ненавистную ему фракционную борьбу внутри руководства Конгресса, он был рад полностью посвятить свои силы «хладнокровному конкретному действию».

Неру опасался, что в условиях, когда почти полностью прекратилась политическая деятельность конгрессистов, может прекратить свое существование и сам Конгресс. Главные задачи для себя он видел в этот период в том, чтобы добиваться организационного сохранения партии, роста ее первичных ячеек, укреплять партийную дисциплину, подготавливать членов добровольческих отрядов, создавать в стране общую атмосферу сопротивления правительству. Партия нуждалась в перегруппировке сил и выработке новых приоритетов в идеологии.

В апреле 1924 года в приморском местечке близ Бомбея Неру встретился с Ганди. Беседа с ним не придавала ему уверенности и не рассеяла сомнений. «По своему обыкновению,— вспоминал Неру,— он отказывался заглядывать в будущее или излагать какую-либо программу, рассчитанную на долгий срок». В сентябре 1924 года, стремясь поближе познакомиться с борьбой народов феодальных княжеств за свои права, Джавахарлал отправился в княжество Набха, невзирая на запрет его правителя. Здесь он был арестован и в наручниках, скованный цепью с другими арестованными водворен в тюрьму. Две недели спустя, после суда, который приговорил его к двум с половиной годам тюрьмы, Неру был освобожден по состоянию здоровья и выслан за пределы княжества.

Еще в апреле 1923 года Джавахарлал Неру был избран председателем муниципального совета Аллахабада. Эта работа, по его свидетельству, принесла ему определенное

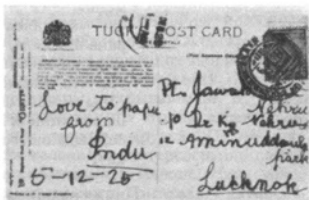
удовлетворение. Его деятельность на посту председателя муниципального совета характеризовалась стремлением к максимальной эффективности в организации сложного хозяйства города.

Однако при большой заинтересованности делами председателя муниципального совета Неру превыше всего ставил свою работу на благо Конгресса.

Неру председательствовал на съезде Национального конгресса в 1923 году в Какинаде. Здесь же он был избран одним из трех генеральных секретарей партии. На этом посту он уделял много внимания тому, чтобы наладить четкую работу руководящих органов партии, улучшить сбор средств в пользу Конгресса.

Неру, тяжело переживший кризис партии, постигал уроки поражения и искусство временного отступления, неизбежные в политической борьбе. Если раньше перед ним шло громкое имя и авторитет отца, теперь народ узнал сына — лидера более радикального и смелого. Однако дома у Джавахарлала дела осложнились — серьезно заболела Камала. Ему было нестерпимо тяжело видеть, как болезнь беспощадно подтачивала ее здоровье, а в глазах поселилась отрешенность. 1 марта 1926 года Джавахарлал выехал с ней и дочерью в Швейцарию.

Открытка дочери
отцу

● В ЕВРОПЕ ● БРЮССЕЛЬСКИЙ
КОНГРЕСС УГНЕТЕННЫХ НАРО-
ДОВ ● ВИЗИТ В МОСКВУ ●

Прибыв в Европу, Джавахарлал, Камала и Индира направились в Швейцарию, где Камала должна была пройти курс лечения. Они сняли уютную квартиру на окраине Женевы, и Камала была представлена опытным врачам.

В Женеве Джавахарлал Неру все свободное от забот о жене и дочери время посвящал изучению французского языка, чтению и посещению различных лекций. «Чем старше я становлюсь,— отмечал он в одном из писем на родину,— тем больше чувствую, как много еще нужно узнать и изучить и как мало для этого времени».

Он увлекался чтением книг Бертрана Рассела, особенно его взволновали сочинения «Об образовании» и «Во что я верю» (еще в студенческие годы Джавахарлал регулярно посещал лекции Б. Рассела и Дж. М. Кейнса, выдающегося экономиста XX века).

Вести из Индии — спад движения, разногласия в Конгрессе, обо-

стрение религиозно-общинных противоречий и особенно участвовавшие случаи кровавых столкновений на этой почве — угнетали его. Но он находил в себе силы оптимистически смотреть в будущее. «Не унывай,— писал он другу.— Мы еще доживем до свараджа. Независимо от того, что сделает или не сделает Индия, я вполне уверен, что Англия не продержится в ней долго».

Сначала Неру мало с кем встречался. Среди немногих лиц, с которыми он в это время познакомился, были некоторые индийские политические эмигранты, в частности Раджа Махендра Пратап и моулави Баркатулла. Эти последние показались Неру людьми страшно оторванными от Индии, живущими в иллюзорном мире. Неру так писал о мировоззрении Махендры Пратапа: «Он был... восхитительным оптимистом, витающим в облаках, и отказывался считаться с действительностью». Моулави Баркатулла, по мнению Неру — «обаятельный старик, очень восторженный и очень милый, он был довольно наивен, не отличался особым умом, но все еще пытался усвоить новые идеи и понять современный мир». Баркатулла, так же как и Пратап, возглавлял так называемое временное правительство Свободной Индии, созданное ими в Афганистане. Оказать влияние на взгляды Неру они не могли. У Неру они вызывали скорее любопытство, чем политический интерес.

Огромное впечатление на Джавахарлала произвела встреча с замечательным французским романистом и прогрессивным общественным деятелем Роменом Ролланом, вила которого находилась недалеко от Женевы. Неру привез Роллану рекомендательное письмо от Ганди (в 1923 году Р. Роллан написал о нем интересную книгу «Махатма Ганди» и вообще был человеком, открывшим М. К. Ганди Западу), в котором тот сообщал, что его податель «один из моих самых дорогих соратников и друзей». От эрудированного собеседника, пристально и заинтересованно следящего за политическими событиями в Европе, Неру узнал для себя много нового и интересного. Писатель, с глубочай-

шим сочувствием относившийся к революции в России и строительству новой жизни в СССР, делился с индийским гостем своими взглядами. В одной из своих работ он писал: «Если СССР подвергнется угрозе, то, кто бы ни были его враги, я стану на его сторону... Я верю и знаю, что он воплощает самый героический опыт, самую прочную социальную надежду будущего». Жена Ромена Роллана Мария Павловна Кудашева, прекрасно знавшая русскую литературу и многих писателей, увлеченно рассказывала индийскому гостю о своей родине. В беседах с Ролланом и его супругой перед Джавахарлалом Неру вставала во всей своей привлекательности и мудрости демократическая Европа и ее богатая культура.

В Европе Джавахарлал столкнулся с огромным разнообразием идеологических течений, политических доктрин и направлений общественной мысли. Он упорно пытался разобраться в этом многообразии, чтобы отделить плевелы софизмов от зерен истины. Неру пытливо сравнивал программы и практику европейских политических партий и организаций, и постепенно формировались, вырисовывались его симпатии. «Если говорить о II Интернационале и III Интернационале, — писал он, — то мои симпатии были на стороне последнего. Вся деятельность II Интернационала с момента возникновения войны и в дальнейшем внушала мне отвращение; мы в Индии в достаточной мере познакомились на личном опыте с методами одного из главных сторонников II Интернационала — английской лейбористской партии. В силу всего этого я неизбежно должен был доброжелательно отнестись к коммунизму, ибо, при всех его недостатках, он, по крайней мере, не был ни лицемерным, ни империалистическим. Я не стал последователем его доктрины, ибо я слабо разбирался в тонкостях коммунистического учения и мои познания ограничивались в то время лишь его общими принципами. Они привлекали меня к себе так же, как и грандиозные перемены, совершавшиеся в России».

Находясь в Европе, Неру все более начал осознавать, что успех борьбы, которую индийский народ вел под руководством Ганди, во многом зависит от успехов мировой борьбы за национальное освобождение против империализма. В одном из писем к Ганди он приветствовал всевозможные методы установления контактов с другими странами и народами. «Я не считаю нужным, тем более возможным,— писал он,— чтобы Индия действовала в одиночку сегодня или когда-либо в будущем. Боюсь, что наши взгляды на мир ужасно ограничены, и чем скорее мы избавимся от этой ограниченности, тем лучше. Конечно, мы можем добиться своего освобождения только путем мобилизации всех своих сил, но одним из методов их мобилизации должно быть изучение опыта других народов и их идей».

В демократических кругах Европы в то время все отчетливее и громче раздавались голоса, поддерживающие тезис единения антиимпериалистической борьбы, которую вел пролетариат капиталистических стран Запада, и национально-освободительной борьбы народов Востока, выдвинутый Коммунистическим Интернационалом еще в 1920 году. Джавахарлал Неру был сторонником поиска путей к такому единению. Он писал по этому поводу: «Идеи о необходимости каких-то совместных действий угнетенных народов, а также совместных действий этих народов и левого крыла рабочего движения пользовались большой популярностью. Становилось все более ясно, что борьба за свободу есть общая борьба против общего противника — империализма и что для этой цели желательно совместно выработать план действий, а по возможности и предпринять совместные действия». Требовалось найти организационную форму единения антиимпериалистических сил. В качестве первого шага предполагалось созвать конгресс из представителей демократической общественности разных направлений из разных стран. Это дело было новым, не имевшим аналогов в политической жизни. Когда Джавахарлал Неру узнал, что готовится Международный конгресс антиимпериали-

стических сил, он принял живейшее участие в его подготовке. В конце 1926 года был создан специальный комитет, который взял на себя организационные хлопоты. Всем прогрессивным деятелям и организациям были разосланы пригласительные билеты, в которых говорилось: «Организационный комитет по созыву международного конгресса против колониального угнетения и империализма имеет честь просить Вас принять участие в работе конгресса, который состоится 10 февраля 1927 года в Брюсселе».

Комитет предлагал следующую повестку дня конгресса:

1. Колониальная политика империализма и ее влияние на колониальные и полуколониальные страны.

2. Освободительное движение угнетенных народов и поддержка его рабочим движением и прогрессивными организациями империалистических стран.

3. Совместные действия национально-освободительного и рабочего движения в колониальных и империалистических странах.

4. Создание постоянной международной организации против колониального угнетения и империализма в целях объединения национально-освободительного и рабочего движения всех стран.

По поручению комитета это приглашение было подписано вдовой Сунь Ятсена Сун Цинлин, Анри Барбюсом, вице-председателем английской лейбористской партии Джорджем Лансбери, членом ЦК Коммунистической партии Великобритании индийцем Шапурджи Саклатвала и другими. Стояла под этим документом и подпись Джавахарлала Неру. Занимаясь подготовительной работой по созыву конгресса, Джавахарлал Неру предлагал руководству Национального конгресса направить для участия в этом форуме представительную делегацию, включая экспертов по экономическим и военным делам. Но такую делегацию направить из Индии не удалось. Тогда он запросил руководство Индийского национального конгресса о своих полномочиях представлять партию на брюссельском форуме.

В Индии заинтересованно следили за подготовкой к конгрессу. М. К. Ганди писал: «Сожалею, что моя работа здесь, в Индии, не дает мне возможности участвовать в работах конгресса. От всей души желаю вам успехов в вашей деятельности». Прислал свое приветствие организаторам великий мудрец Рабиндранат Тагор: «Я питаю самые большие симпатии к целям вашей Лиги и буду их разъяснять в своих выступлениях», — писал он. Рабочий комитет Национального конгресса поручил Джавахарлалу Неру представлять партию в Брюсселе. Он прибыл сюда 6 февраля, принимал участие во многих официальных и неофициальных встречах и совещаниях, а также в подготовке проектов большинства резолюций. Пожалуй, как ни один другой крупный политический деятель Индии того времени (и уж, во всяком случае, Национального конгресса), Джавахарлал Неру сумел оценить значение союза национально-освободительного движения своей страны с мировыми прогрессивными силами, с революционным процессом в целом. В этом его историческая заслуга перед демократической Индией.

В одном из своих первых заявлений для печати в Брюсселе Джавахарлал Неру остановился на общих чертах, присущих борьбе против империализма в различных районах мира. Он указывал, что империализм только на поверхности кажется монолитным и несокрушимым, а на самом деле это далеко не так. Индийский национализм, подчеркивал Неру, основывается на истинном интернационализме, так же как проблема свободы Индии является мировой проблемой. Как это было в прошлом, так и в будущем положение в Индии будет оказывать существенное влияние на судьбы других стран и народов.

Брюссельский Конгресс угнетенных народов открылся 10 февраля 1927 года. Сцену украшали портрет Сунь Ятсена и эмблема с подписью «Национальная свобода, социальное равенство». Джавахарлал Неру был избран в президиум конгресса.

На конгрессе Джавахарлал познакомился с многими борцами против империализма из всех стран планеты. Ему запомнился молодой вьетнамец Нгуен Ай Куок, державшийся скромно, но с достоинством. Позднее, в 1954 году они встретятся в Ханое, и Неру узнает в лидере вьетнамской революции Хо Ши Мине своего брюссельского коллегу.

В своем выступлении на открытии конгресса Джавахарлал Неру подчеркнул, что Индия — это яркий пример империалистического гнета. Англичане беспрестанно угнетают и эксплуатируют Индию. Нет необходимости в статистических данных, чтобы доказать: на протяжении последних нескольких поколений положение в Индии ухудшилось настолько, что, если в ближайшее время не будут предприняты самые решительные меры, эта страна может даже прекратить свое существование. Англичане сеют рознь между индийцами по самым различным поводам, поддерживают у власти феодальных князей, содействуют богатым помещикам, стремятся консолидировать силы, выступающие против национально-освободительного движения. «Естественно поэтому, — сказал в заключение Неру, — что со своей капиталистической и империалистической точки зрения англичане стремятся сделать все от них зависящее, чтобы сохранить свое господство над Индией».

В этом выступлении Неру впервые публично была высказана мысль о взаимозависимости экономических и политических факторов, предпринята попытка не только осудить империализм, но и осмыслить его побудительные мотивы.

Кроме резолюций по вопросам, указанным в повестке дня, конгресс принял еще ряд важных решений, в том числе специальную резолюцию о положении в Индии, проект которой был подготовлен Джавахарлалом Неру. В ней говорилось, что Конгресс угнетенных народов решительно поддерживает движение за полное освобождение Индии от английского господства, право ее народов на суверенное развитие. Резолюция подчеркивала: «Конгресс полагает, что индийское национальное движение должно строить

свою программу на основе принципа полного освобождения крестьян и рабочих Индии, без чего не может быть настоящей свободы».

Важнейшим документом, принятым конгрессом, был «Манифест ко всем угнетенным народам и классам». В нем утверждалось: «Собравшиеся на конгресс представители угнетенных народов и рабочего класса всех частей света заключили между собой братский союз в интересах обеспечения своих элементарных прав и своего развития». Манифест заканчивался следующими словами: «Мы призываем присоединиться к нам каждого, кто не заинтересован в угнетении других и не живет плодами этого угнетения, кто ненавидит современное рабство и крепостничество и жаждет собственной свободы и свободы других людей...

Угнетенные народы и угнетенные классы, соединяйтесь!»

Конгресс основал организацию, получившую наименование Антиимпериалистическая лига, которая имела Генеральный совет и его Исполнительный комитет во главе с Джорджем Лансбери. Джавахарлал Неру был избран членом Исполкома Лиги, и это было признанием его деятельности.

Участие в работе Лиги, многочисленные встречи и беседы с крупными лидерами рабочих и коммунистических организаций, бурные дискуссии по стратегическим вопросам и тактике национально-освободительного движения, которые велись на конгрессе, заседаниях Лиги и просто в кулуарах, усилили интерес националиста Неру к идеологии интернационализма, к научному социализму и опыту национального и государственного строительства в Советском Союзе, к практике Советской власти.

Это время пребывания в Брюсселе, деятельности в руководстве Лиги угнетенных народов имело важное значение в формировании мировоззрения Джавахарлала Неру. «Поездка в Европу в 1926—1927 годах,— писал он,— дала мне время подумать, расширить мой кругозор, увидеть Индию со стороны, поразмыслить о смысле самой

жизни. До этого я настолько был поглощен индийскими делами, что не имел времени подумать ни о мире в целом, ни о проблемах жизни вообще».

Колониальные власти внимательно следили за деятельностью Джавахарлала Неру в Европе. В мае 1927 года в Симле министр внутренних дел индийского правительства наметнул Мотилалу Неру, что «Джавахарлал бороздит воды слишком близко от бури». Не импонировала деятельность Неру и многим консервативно настроенным конгрессистам.

В сентябре 1927 года в Европу приехал Мотилал Неру. В это время состояние здоровья Камалы улучшилось, и все семейство решило предпринять поездку по Европе. Когда Мотилал и Джавахарлал Неру были в Берлине, они получили приглашение от Всероссийского общества культурных связей с зарубежными странами посетить Москву и принять участие в праздновании 10-й годовщины Октябрьской революции. Мотилал отнесся к этому предложению настороженно. Джавахарлал, напротив, обрадовался и готов был ехать немедленно.

Брюссельский конгресс показал, в частности, что Советский Союз придавал исключительно важное значение национально-освободительным движениям в колониальных и зависимых странах. Вслед за разрывом советско-английских дипломатических отношений в 1927 году в западной прессе появились слухи о подготовке англичан к вторжению в СССР через Пешавар, а в Советском Союзе возникли опасения, что вот-вот начнется война. В этот период казалось чрезвычайно важным добиться по меньшей мере сочувственного отношения к нам партии Индийский национальный конгресс.

«Изменения в советской политике,— пишет биограф Дж. Неру, известный индийский историк С. Гопал,— наступили к концу 1927 года. Неудачи в Китае и провал попыток добиться сближения с западными державами нервировали авторов советской политики и политики

Коминтерна, и Сталин, который теперь окончательно вышел победителем в борьбе с Троцким, рассматривал колониальный вопрос только в свете европейских событий и более узко подходил к проблеме безопасности Советского Союза. На XV съезде партии Бухарин заявил, что индийскую буржуазию нельзя больше поддерживать. VI конгресс III Интернационала в 1928 году... рекомендовал индийской коммунистической партии выступать самостоятельно и вести дело к «вооруженному восстанию», поскольку буржуазные националистические партии превратились в сторонников империализма, приобрели «реформистский характер, встали на позиции классового сотрудничества» и не в состоянии руководить революцией». Таким образом, в ноябре 1927 года представилась последняя возможность получения семьей Неру приглашения в Москву.

Поездка в Москву для индийцев была в то время делом сложным. Никаких легальных, а тем более официальных визитов индийцев в Советскую Россию английские власти решительно и категорически не разрешали, резонно видя в самой их возможности угрозу проникновения освободительных идей в Индию. Более того, на протяжении многих десятилетий они систематически разжигали миф о «русской (а после Октября — «большевистской») угрозе» Индии. Джавахарлал Неру имел все основания написать: «Мы выросли под влиянием тщательно возвращенной Англией враждебности к России».

Между тем после Октября интерес к великому социалистическому эксперименту, который проводился на огромных просторах соседнего государства, среди индийцев был огромным. Несмотря на все запреты и преследования, вести о событиях в России проникали в Индию и, обрастая домыслами, будоражили ее общественное мнение.

Джавахарлал Неру был настойчив в стремлении уговорить отца посетить Москву, и Мотилал Неру согласился на поездку. В первых числах ноября семья Неру выехала из Берлина. Вечером 7 ноября 1927 года они прибыли

к советской границе в районе станции Негорелое. Было хмурое утро. Поезд медленно пересек границу и остановился. Появились пограничники в непривычных для пассажиров островерхих шлемах с красными звездами. Не предпринимая таможенного досмотра, они пригласили индийских гостей в вокзал. На большом кумачовом транспаранте было написано: «Советский народ приветствует своих гостей!» Дальнейший путь в Москву проходил через города и деревни, находившиеся в праздничном убранстве: народ отмечал десятилетний юбилей своей революции. Даже Мотилал, поначалу сохранявший сдержанность, был поражен и растроган атмосферой огромного подъема, царившего всюду, где они проезжали.

В праздничной Москве их встречали члены комитета по приему высоких индийских гостей. Газета «Правда» сообщала своим читателям в канун визита: «Сегодня-завтра должен приехать один из виднейших вождей индийского национального движения — пандит Мотилал Неру». И далее: «...он приедет в Москву в сопровождении своего сына Джавахарлала Неру, вождя левого крыла Национального конгресса». Индийских гостей разместили в гостинице «Гранд-отель»¹. К сожалению, они опоздали и не смогли увидеть праздничный парад на Красной площади. Но они побывали на ярко украшенных улицах советской столицы, увидели Мавзолей Владимира Ильича Ленина, осмотрели достопримечательности Кремля.

Все, что видели Неру, было для них необычным, отличалось от того, к чему они привыкли на родине и в странах Западной Европы. В письме к сестре Джавахарлал Неру отмечал, что «в этой стране все совершенно по-другому, все привычные ценности не имеют значения». В «этой необычной европейской стране,— писал он в одной из статей с впечатлениями о своей поездке в Москву для

¹ Сейчас на этом месте располагается новое крыло гостиницы «Москва».

газеты «Хинду», — стране Серпа и Молота, рабочие и крестьяне захватили в свои руки трон власть имущих и сводят на нет происки всех своих недругов». И отца, и сына поражали радушие, искренность и непосредственность советских людей, а особенно то чувство хозяина своей страны и осознанной сопричастности к революционным преобразованиям, которое они наблюдали у тех, с кем им приходилось беседовать. Конечно, Неру видели — и это от них никто не скрывал, что страна еще переживает серьезные экономические трудности. Но все были полны решимости преодолеть их.

Большое впечатление на Мотилала и Джавахарлала Неру произвели успехи Советский власти в области национальной политики и просвещения.

10 ноября отец и сын Неру отправились в Колонный зал Дома Союзов, где открывался Всемирный конгресс друзей СССР. Джавахарлалу было приятно увидеть своих знакомых по Брюсселю: Анри Барбюса, Сун Цинлин, мексиканского художника Диего Риверу, представителей Коммунистического Интернационала — Клару Цеткин, Сен Катаяма, Поля Вайян-Кутюрье, Уильяма Галлахера. Джавахарлал был представлен Надежде Константиновне Крупской, А. В. Луначарскому, Е. Д. Стасовой, С. А. Лозовскому и другим видным деятелям СССР. Эти встречи надолго остались в его памяти.

С трибуны Колонного зала раздавались страстные голоса в поддержку СССР, государства, проводившего величайший социальный эксперимент. Неру заинтересованно слушал и сочувственно воспринимал речи ораторов.

Накануне отъезда отец и сын Неру вместе с другими участниками конгресса были приняты Председателем ЦИК СССР М. И. Калининым и наркомом иностранных дел Г. В. Чичериным. Демократизм, доверительность, дружелюбие приема приятно контрастировали с чопорностью и высокомерием английских чиновников.

11 ноября семья Неру выехала в Берлин, а оттуда домой. Джавахарлала переполняли впечатления: он увидел, как создается новое общество.

Кратковременный визит Джавахарлала Неру в Советский Союз был не просто фактом его биографии; он имел важное значение для формирования его мировоззрения и подхода к практическим политическим проблемам. Большое впечатление произвела поездка и на шестидесятишестилетнего Мотилала Неру, ранее с предубеждением относившегося к русской революции. Рассказывая о памятном для него и для отца визите, Джавахарлал Неру писал позднее в «Автобиографии»: «...мы были рады, что побывали там, ибо даже беглое знакомство имело смысл. Мы не узнали, да и не могли узнать много о новой России в результате нашей поездки, но она дала нам какую-то основу для дальнейшего ознакомления с этой страной по книгам. Для моего отца всякого рода советские и коллективистские идеи были совершенно новы. Он был воспитан на принципах законности и конституционализма, и ему нелегко было выйти за эти рамки. Однако то, что он увидел в Москве, явно произвело на него впечатление».

Для Джавахарлала Неру поездка в Москву была продолжением заинтересованного изучения богатого опыта международной антиимпериалистической борьбы, знакомства с практикой социалистического строительства первого в мире государства диктатуры пролетариата. Он стремился осмыслить российскую революцию, понять ее движущие силы и место в мировой истории. Ее огромная роль в социальном преобразовании мира была для него очевидной. Он всегда рассматривал Октябрьскую революцию в России как одно из переломных событий мировой истории. Дж. Неру говорил: «Несмотря на многие свои ошибки, Россия сегодня — величайший борец против империализма; то, что она сделала для народов Востока, как равный, а не как завоеватель или высшая раса. И разве удивительно, что ее приветствуют?»

Джавахарлал Неру считал, что Октябрьская революция возродила русский народ, утративший было свои динамичные силы под многолетней деспотической властью царизма. «Русские не являются новым народом. Однако они пережили полный, подобный смерти, разрыв со старым, после чего они заново перевоплотились. Подобных примеров история до сих пор не знала. Они вновь стали молодыми и обладают поистине удивительной энергией и жизненной силой», — такие впечатления вынес Джавахарлал Неру от знакомства с советским народом. И сделал вывод, применительно для своей страны: «Пример русских показывает, что народ может вдохнуть в себя новую жизнь и стать снова молодым, если он готов уплатить за это необходимую цену и дать выход энергии и силе, таящимся в массах».

С горячей и искренней симпатией к Октябрьской революции Джавахарлал Неру писал: «Динамичные силы, высвобожденные революцией 1917 года, не иссякли. Они делали и будут продолжать делать историю, и никто не может позволить себе их игнорировать...»

Особенный интерес проявлял Джавахарлал Неру к Владимиру Ильичу Ленину. Неру претили злонамеренные вымыслы, распространяемые о вожде Октябрьской революции. Он видел в нем политического лидера, принадлежавшего не только России, но и всему миру. Он убежденно писал: «...Ленин стал живой традицией не только у себя на родине — в России, но и во всем мире. С течением времени его величие возрастает, он стал одним из тех немногих людей мира, которые бессмертны». Он ценил в Ленине, в первую очередь, его нацеленность на непосредственное революционное действие, отсутствие у него приверженности к громким фразам и демагогии, последовательность, решительность и смелость в борьбе. Этих качеств как раз недоставало многим индийским политическим деятелям. В Москве он почувствовал это особенно зримо. Позднее он напишет: «В России революционеры прежнего поколения также жили в мире теорий и едва ли верили в

осуществление своих идеалов. Но пришел Ленин с его прямоотой и реализмом и буквально перевернул и встряхнул до основания старые понятия о социализме и революции. Он научил людей думать, что идеал, о котором они мечтали и к которому стремились, был не просто лишь теорией, но чем-то таким, чего можно и нужно добиться и превратить в реальность уже сейчас».

Изучая революционный опыт России, Джавахарлал Неру стремился использовать его в своей работе. Он писал: «Россия потому интересует нас, что она может помочь нам найти решение для великих проблем, стоящих ныне перед миром». «Для нас в Индии,— делал он вывод,— эта привлекательность России еще более велика; наши собственные интересы заставляют нас понять те огромные силы, которые свергли старый порядок и создали новый мир, где произошла полная переоценка ценностей, и старые критерии уступили место новым».

Из Берлина семья Неру возвратилась в Брюссель, где 9—12 декабря состоялась сессия Генерального совета Лиги угнетенных народов, на которой присутствовало более 50 человек, в том числе ряд политических деятелей, не входящих в совет. Среди них был и Мотилал Неру, который охотно принял приглашение участвовать в работе международной организации, одним из лидеров которой был его сын.

Горячие дебаты вызвал на сессии вопрос об отношении II Интернационала к национально-освободительному движению. Мотилал Неру не стал сторонним наблюдателем и со свойственным ему темпераментом включился в политические дебаты. Обращаясь к английским лейбористам, он гневно спрашивал: «Что они сделали прежде всего, оказавшись у власти? Они приняли бенгальский указ, который давал представителям исполнительной власти право производить аресты без судебных решений и без предъявления обвинения. Этот указ остается в силе и по сей день. Многие из наших лучших сынов брошены в тюрьмы, и им даже не сказали — за что». Мотилал Неру

не строил иллюзий по поводу приезда комиссии Саймона¹ и роли лейбористов: «Меня просили в Индии оказать влияние на лейбористских представителей, чтобы они вышли из состава комиссии. Но я без всякого колебания ответил моим друзьям, что у нас нет худших врагов, чем лейбористская партия... Человек или группа лиц, которым мы доверяли, становится злейшим врагом, когда он нам изменяет. Таким врагом оказалась лейбористская партия». Особенно беспощаден был Мотилал в оценке политической роли одного из лидеров лейбористов — Р. Макдональда, не оправдавшего надежды народа Индии: «Мне сказали, будто м-р Рамсей Макдональд заявил, что он не собирается получать инструкции из Индии. Какая наглость! И это называется социализмом? Что он хотел сказать этим своим заявлением? Не его ли партия приняла в Блэкпуле резолюцию о самоопределении для Индии, а теперь самоопределение превратилось в «инструкцию для Индии». Как может народ стать самоуправляющимся, если ему не разрешают высказывать свои мнения? Я заявляю м-ру Макдональду, что индийцы не собираются действовать по его инструкциям». В этой гневной тираде с трудом угадывался лидер умеренных «сва-раджистов».

Здесь уместно сделать небольшое историческое отступление. Не прекращавшаяся после первой мировой войны национально-освободительная борьба в Индии заставила английские правящие круги заняться в конце 20-х годов изучением вопроса о предоставлении верхушке индийских помещиков и буржуазии некоторой весьма незначительной доли участия в управлении внутренними делами Индии. Вице-король Индии лорд Ирвин (позднее известный как лорд Галифакс) внес соответствующие предложения. Лейбористское правительство положительно отнеслось к этим

¹ Комиссия под председательством Саймона была создана для подготовки проекта нового закона об управлении Индией. Всеобщее недовольство индийцев вызвало то, что в комиссию не были включены представители индийской общественности. Подробнее об этом см. в гл. VIII.

предложениям. Их поддержали либералы и, что особенно важно, консервативная партия. Объяснялось это просто: здравомыслящие люди в Англии сознавали, что в сложившихся условиях держать в подчинении многомиллионный индийский народ мерами голого насилия невозможно. Эти люди неплохо усвоили урок Ирландии, когда немногочисленный ирландский народ завоевал свою свободу — пусть ограниченную, но все же свободу — в вооруженной борьбе. В английских правящих кругах понимали, что если народ Индии подыметься с оружием в руках, то английское господство там будет сметено окончательно. Поэтому нужны были уступки индийским имущим классам, дававшие некоторое удовлетворение местным помещикам и буржуазии и в то же время сохранявшие английское господство над Индией.

Дж. Неру понимал, что главное в политике лейбористов — стремление найти компромисс между идеями, основанными на традиционной для английских трудящихся приверженности к гуманизму и демократии, и империалистическими установками, которые постоянно и искусно внедрялись в сознание широких слоев населения. «Неосознанный колониализм» стал частью британской политической традиции. Несколько позже, в «Открытии Индии», Джавахарлал Неру напишет так: «В течение сотни лет эта идеология проникла во все слои английского народа и как таковая превратилась в национальную традицию, в застывшее и почти неизменное понятие, определявшее отношение англичан к Индии и незаметно наложившее отпечаток даже на их взгляды на внутреннюю политику». Английский трудящийся — рабочий или фермер — «был совершенно не осведомлен об истории и культуре Индии и принимал господствующую идеологию англичан в Индии, ибо у него не было другого мерил для сравнения или оценки. В лучшем случае он был преисполнен смутного благожелательства, но такого, которое не выходило за строгие рамки данной системы».

В начале декабря 1927 года Неру возвратились в Индию.

Друзья и недруги Джавахарлала не давали ему покоя. Первые требовали от него подробных рассказов о московских впечатлениях и встречах, вторые подвергали критике, обвиняя его в том, что он «продался красным».

«После возвращения из Европы,— писал он,— меня часто спрашивают о России... Весь мир следит за ней: одни со страхом и ненавистью, другие — со странной надеждой и стремлением пойти по ее пути.

Оставаться безразличным к России трудно, а еще труднее беспристрастно судить о ее достижениях и неудачах. Сегодня она слишком похожа на обнаженный электрический провод — коснуться ее невозможно без чувствительного воздействия, и тем, кто пишет о ней, редко удается избежать преувеличения и в похвалах и в осуждениях».

Но Неру вынес свое мнение и высказал его четко и определенно. «Должен признаться,— писал он,— что я вернулся из Москвы с очень благоприятными впечатлениями, которые подтвердили все то, что я узнал в результате чтения».

Отвечая на многочисленные просьбы рассказать о Советской России, он опубликовал в газетах «Нэшнл геральд», «Хинду», «Бомбей кроникл» и некоторых других статьи о своем визите в Москву, а в 1928 году в Аллахабаде вышла его книга «Советская Россия», имевшая большой успех у читателей.

Участие в работе Антиимпериалистической лиги и визит в Москву пробудили у Джавахарлала Неру интерес к научному социализму. Он познакомился с трудами Маркса и Ленина. Они появились на полках его личной библиотеки в Аллахабаде. «Изучение Маркса и Ленина,— напишет он позднее,— оказало огромное влияние на мое сознание и помогло мне увидеть историю и современную жизнь в новом свете. В длинной цепи исторических событий и общественного развития обнаружился некий смысл, некая последовательность, а будущее уже не казалось таким неясным. Практические достижения Советского Союза также произ-

водили чрезвычайно глубокое впечатление... Я не сомневался, что советская революция намного продвинула вперед человеческое общество и зажгла яркое пламя, которое невозможно потушить. Она заложила фундамент той новой цивилизации, к которой может двигаться мир». Джавахарлалу Неру импонировали в марксизме его действенность и реалистичность. Он считал, что «...вся ценность марксизма... заключается в отсутствии догматизма, его определенном взгляде на вещи, определенном подходе к явлениям и в его отношении к практическому действию. Этот подход помогает нам понять социальные явления нашего времени и указывает путь к действию, к спасению».

Марксизму и интернационализму в сознании Неру противоборствовал укрепившийся в нем национализм. Конечно, новые мировоззренческие идеи не могли полностью вытеснить старые взгляды Джавахарлала, но серьезное влияние на них они оказали. Он понял узость и историческую ограниченность буржуазного национализма.

Конечно, изучение Джавахарлалом Неру научного социализма не означало, что он воспринял его в качестве жизненной философии и оружия практической политической деятельности. Оно носило скорее умозрительный характер. Он отмечал, что марксистское философское мировоззрение полного удовлетворения ему не дало: «...почти незаметно для меня самого в мое сознание прокрадывались смутные идеалистические взгляды...» «...Я очень далек от того, чтобы быть коммунистом», — писал он. Свое место в политической жизни и свое мировоззрение он определил так: «Я сам принадлежу к классу, который общается с... земельными магнатами и владельцами богатств. Я типичный *буржуа*, воспитанный в *буржуазном* окружении и впитавший в себя все те предрассудки, которые дало мне это воспитание. Коммунисты с полным основанием назвали меня мелким *буржуа*».

Джавахарлал Неру по своим убеждениям, по мировоззрению был националистом. Но национализм — идейное

течение чрезвычайно широкого спектра. Есть узкий ограниченный национализм мелких собственников, — реакционная идеология, служившая благодатной почвой для перерастания в махровый шовинизм, всегда и везде служивший для идеологического оправдания покорения одних народов другими, темная сила, питающая авторитарные движения. Но есть другой национализм — национализм угнетенной нации — объединяющий, спланивающий все разрозненные пестрые социальные слои колониального общества на справедливую борьбу за независимость, будящий чувство оскорбленного национального достоинства и гордости, уважения к традициям и истории своего народа, любви к национальным ценностям и обычаям. Такой национализм — идеология антиимпериалистического единства демократических сил, влиятельное прогрессивное течение в общественной мысли человечества XX века. Его носителем, в первую очередь, является передовая интеллигенция афроазиатских стран. В Индии наиболее крупным и ярким представителем демократического национализма был Джавахарлал Неру.

Поездка Джавахарлала Неру в Европу и Советскую Россию была важным этапом в его становлении как выдающегося политического деятеля Индии.

Бирки к багажу
Дж. Неру

● ВО ГЛАВЕ ЛЕВОГО КРЫЛА НАЦИОНАЛЬНОГО КОНГРЕССА ●

В декабре 1927 года в Мадрасе состоялась очередная сессия Конгресса. Джавахарлал Неру, только что вернувшийся из Европы, участвовал в ее работе полный свежих впечатлений от этой поездки. Теперь это был настоящий политический боец, страстный, темпераментный, обладающий огромным запасом внутренней энергии, включающий в силовое поле своего недюжинного интеллекта всех, кто встречался с ним. Жажда борьбы за справедливое дело и стремление к немедленному и конкретному действию были определяющими чертами его характера. О себе он писал: «Эта потребность в действии, это стремление ощущать жизнь через действие оказали влияние на весь строй моих мыслей и на всю мою деятельность». Но для того чтобы начать действовать, прежде всего было необходимо пересмотреть цели борьбы. К этому времени, после длительных и нелегких раздумий, Неру окончательно пришел к убеждению, что Конгресс должен решительно провозгласить своей целью достижение полной независи-

мости Индии. Он не соглашался с теми, кто считал, что нет принципиальной разницы между требованиями полной независимости и предоставлением статуса доминиона. Неру полагал, что, помимо политических и экономических аспектов, выдвижение требования полной независимости будет иметь еще и очень важный для Конгресса психологический фактор. Оно помогло бы разорвать паутину социальной робости и политической дряблости, которой, как считал Неру, были опутаны многие члены Конгресса из числа буржуазии, извлекавшей для себя пользу от связей с английским капиталом. Он был уверен, что если Конгресс провозгласит своей целью достижение полной независимости, это поможет преодолеть пораженческие настроения и уныние, порожденные неудачей движения несотрудничества; Конгресс обретет новые силы и вновь привлечет к себе массы.

На мадрасской сессии Дж. Неру представил проекты резолюций о полной независимости Индии, о присоединении Национального конгресса к Антиимпериалистической лиге и о военной опасности.

В первом проекте он предложил потребовать от английского правительства полной независимости Индии («пурна сварадж»). Резолюция была категорична и непреклонна по форме, хотя и не предусматривала конкретных путей ее достижения.

Главным препятствием на пути к тому, чтобы новые взгляды и идеи Неру по вопросу о независимости могли тогда возобладать в Конгрессе, была позиция Ганди и его сторонников. Ганди отсутствовал в Мадрасе. Но его сторонники смогли добиться того, чтобы предложенный Неру проект был модифицирован до такой степени, что в конечном счете в нем осталось только общее заявление о приверженности Конгресса цели достижения полной национальной независимости.

Неру впоследствии признавал, что предложенный им проект не был рассмотрен с тем вниманием, на которое

он рассчитывал. Но даже в сильно усеченном виде резолюция с требованием полной независимости вызвала острое недовольство у Ганди. Он публично охарактеризовал эту резолюцию как «поспешную», «бездумно принятую». «Конгресс,— с редкой для него резкостью писал Ганди,— ставит себя в глупое положение, из года в год вынося такого рода резолюции, несмотря на то, что его членам известно, что они не в состоянии претворить их в жизнь. Вынося подобные резолюции, мы выставяем напоказ свое бессилие, становимся посмешищем критиков и вызываем презрение к себе со стороны нашего противника... Мы уже скатились до «уровня школьного дискуссионного общества».

В личном, конфиденциальном письме Ганди высказал Неру мнение, что тот излишне форсирует события. Неру ответил, что его идеи пользуются значительной поддержкой в Конгрессе, а руководство со стороны Ганди не является достаточно эффективным и решительным. Он заявил также, что взгляды их расходятся. Тогда Ганди предложил Неру опубликовать эту переписку, от чего Джавахарлал решительно отказался. Это означало бы открытый разрыв, а Неру не был к этому готов, продолжая испытывать на себе сильное воздействие Ганди и понимая масштабность его влияния на массы.

Принятые сессией резолюции о присоединении к Антиимпериалистической лиге и об опасности войны свидетельствовали о расширении международных связей Национального конгресса, о стремлении преодолеть его изолированность от других международных демократических сил, которая была заметна ранее в деятельности этой партии. «Национальный конгресс,— писал Неру,— подобно всем другим политическим организациям в Индии, долгое время был всецело поглощен проблемами внутренней политики и уделял внешнеполитическим событиям мало внимания». В резолюции об отношении к Антиимпериалистической лиге, принятой по докладу Джавахарлала Неру, говорилось: «Сессия Конгресса приветствует учреждение Антиимпериа-

листической лиги, состоявшееся в Брюсселе в феврале 1927 года, и одобряет решение Всеиндийского комитета Конгресса присоединиться к этой организации для борьбы против империализма». Безусловно, выход Конгресса на международную арену, его единение с мировыми демократическими силами связаны с именем Джавахарлала Неру.

В резолюции о военной опасности впервые полно и четко были сформулированы внешнеполитические принципы Национального конгресса. Конгресс, определив свой внешнеполитический курс, заявил, что Индия не может принимать участие в готовящейся империалистической войне и что ни при каких обстоятельствах нельзя принуждать ее к вступлению в какую бы то ни было войну, не заручившись согласием ее народа. Выступая с проектом резолюции о военной опасности, Джавахарлал Неру, в частности, говорил, что если вспыхнет мировая война, то она «усилит британский империализм в таких масштабах, что может сделать для нас более трудной задачу достижения свободы. Никто из индийцев, кто желает добиться свободы для своей страны, не может это игнорировать». В единодушно принятой по предложению Неру резолюции Конгресс призвал индийский народ отказаться от сотрудничества с Англией, если последняя попытается вовлечь Индию в военные авантюры, и заявил, что «народы Индии не имеют причин для ссоры со своими соседями и желают жить с ними в мире». Сформулированная Джавахарлалом Неру внешнеполитическая концепция Национального конгресса стала этапным событием в формировании политики ИНК в сфере международных отношений¹.

¹ Осенью 1928 года Джавахарлал Неру выступил с программной статьей по вопросам внешней политики «Индия и необходимость международных контактов», в которой обосновал идею дружбы между народами и выдвинул план установления непосредственных контактов представителей индийского народа с важнейшими государствами, в частности с Францией, США, СССР, Японией и Турцией. «Через наших представи-

Мадрасская сессия Конгресса приняла также важное решение о бойкоте комиссии Саймона. Эта комиссия была образована в Лондоне в ноябре 1927 года для «совершенствования» управления Индией, но ее состав (в ней не было ни одного индийца) свидетельствовал, что это был очередной политический маневр англо-индийских властей. В резолюции Конгресс призывал всех членов партии, все общественное мнение Индии к организации массовых демонстраций протеста против приезда комиссии.

Неру считал, что главной причиной, почему следовало бойкотировать комиссию Саймона, было отнюдь не отсутствие в ней представителей Индии. По его мнению, подлежала бойкоту сама концепция имперской политики в Индии, по которой английский парламент решает, какие политические права даровать Индии. Свобода — данное от рождения естественное и неотъемлемое право народа. Любые комиссии из Англии ущемляют это право и потому их деятельность неприемлема. Неру полагал, что кампания протеста против создания и деятельности комиссии Саймона может помочь объединить все разрозненные политические силы страны и тем самым поднять авторитет Конгресса, возродить атмосферу политической активности масс. Возможность заняться новым широкомасштабным реальным делом вдохновляла Неру, придавала ему новые силы. В качестве генерального секретаря Национального конгресса он активно включился в работу по подготовке бойкота комиссии Саймона в общенациональном масштабе.

Комиссия Саймона прибыла в Бомбей 3 февраля 1928 года. Ее встретили всеиндийским харталом и повсеместными демонстрациями протеста. «Саймон, убирайся назад!» — такие лозунги пестрели в руках демонстрантов, на фасадах

телей, — развивал он свою мысль, — мы могли бы иметь тесные связи с происходящими событиями и соответствующими нам людьми». Реалистично оценивая, как бы отреагировали на это британские власти, Неру отмечал: «Они не будут в восторге от идеи отправки наших представителей за границу, особенно в Москву».

зданий и на многолюдных площадях. В бойкоте комиссии Саймона приняли участие представители самых различных партий и социальных слоев Индии.

18 февраля открылась сессия центрального Законодательного собрания, состоявшего в своем большинстве из лояльных правительству представителей высших слоев индийского общества. Колониальные власти надеялись, что его члены одобряют приезд и цели комиссии. Однако по предложению Лала Ладжпата Рая большинством в 68 голосов против 62 была принята резолюция, смысл которой сводился к тому, что Центральное собрание и все его депутаты не желают в какой-либо форме сотрудничать с комиссией Саймона. Это был серьезный и неожиданный удар для колониальной администрации в Индии. И она не захотела оставить этот явный демарш без последствий.

Карательный аппарат колониальных властей получил команду действовать решительно и жестко. В Лахоре жертвой полицейских репрессий стал Ладжпат Рай, первым бросивший вызов Саймону в Законодательном собрании. Избитый полицейскими во время демонстрации, он скончался в больнице. Это событие потрясло всю Индию и было воспринято как еще одно оскорбление чести и достоинства народа. В ответ последовал новый подъем массовой борьбы. И на этот раз все попытки колонизаторов запугать индийский народ оказались безрезультатными.

В ходе кампании бойкота комиссии Саймона Джавахарлал Неру дважды подвергался избиениям полиции, участвуя в демонстрациях в Лакхнау. Во время разгона демонстрации конной полицией Неру шел впереди демонстрантов, когда группа всадников устремилась на участников шествия. Через несколько мгновений морда коня и искаженное злобой лицо английского офицера нависли над его головой. В тот же миг он почувствовал хлесткий удар. Это было даже не столь болезненно, сколь оскорбительно. От дальнейшего избиения Неру был защищен группой студентов, которые окружили его плотным кольцом и приняли удары на себя.

«Больше всего усердствовали сержанты-европейцы, — вспоминал об этих эпизодах Неру, — рядовые полицейские-индийцы действовали мягче и сдержанней. О, эти лица, злобные, кровожадные, почти безумные, без малейшего следа сочувствия к своим жертвам или хотя бы намек на человечность!»

Движение против комиссии Саймона знаменовало собой важный этап в политической самоорганизации широких слоев населения. Неслучайно Неру охарактеризовал кампанию протеста против комиссии Саймона как «величайшее национальное пробуждение», которое «потрясло до основания здание британского господства».

Роль, которую играл Джавахарлал в организации и проведении кампании бойкота комиссии Саймона, укрепила его позиции как лидера всеиндийского масштаба, пользующегося в стране широкой популярностью и общественной поддержкой. Это осознал и приветствовал Ганди.

Английские колониальные власти, увидев, как встречают индийцы комиссию Саймона и как принимаются их проекты «улучшения» управления Индией, вновь прибегли к испытанной тактике маневрирования. Они заявили, что индийцы сами обрекают себя на бесправное положение, ибо отказываются от конструктивного сотрудничества. Министр по делам Индии лорд Биркенхед бросил вызов индийскому общественному движению, высокомерно поставив под сомнение способность руководства национального движения самостоятельно выработать такую конституцию, которая удовлетворяла бы индийское общество. Вызов принял Мотилал Неру. Джавахарлал Неру без энтузиазма отнесся к решению отца. Он резонно рассматривал предложение колонизаторов как уловку, при помощи которой они хотели сбить накал классовой борьбы, выиграть время, пока комиссия Мотилала Неру будет занята своей трудоемкой работой. А потом... потом они были уверены, что конституция Мотилала, если он сумеет ее составить так, чтобы она всех удовлетворяла, и если она будет принята Конгрессом и

Законодательным собранием, будет настолько умеренной, насколько лояльным к Англии был ее почтенный автор. «Я считал,— писал Джавахарлал Неру,— совершенно бесполезным разрабатывать подробные бумажные конституции, в то время как подлинная задача состоит в завоевании власти», под которым он понимал предоставление Индии независимости и создание национального, суверенного правительства.

После мадрасской сессии Конгресса Неру приходилось действовать в сложных условиях, преодолевать всякого рода трудности, в том числе морального порядка. Его угнетала и раздражала атмосфера компромиссов и проволочек, царившая в верхних эшелонах партии. Джавахарлал встречал скрытое противодействие большинства маститых лидеров партии, не желавших идти на открытый разрыв с англо-индийскими властями. «Возможно, во всем повинен я сам,— признавался Неру в письме к Ганди.— Но как бы там ни было, все это в конечном счете сводится к тому, что я всегда и везде чувствую себя не ко двору. Я всегда остаюсь как бы квадратным колышком, а все отверстия — круглые. В результате я чувствую себя очень одиноким».

Однако, хотя Неру и отказался от открытого разрыва со сторонниками умеренного курса, он не переставал всеми средствами добиваться утверждения в Конгрессе своей линии на достижение полной независимости Индии. С этой целью он организовал Лигу за независимость Индии, которая действовала прежде всего как «группа давления» в составе Национального конгресса.

Лига за независимость Индии выдвигала задачу достижения суверенитета и перестройки индийского общества. В программе Лиги, в частности, говорилось, что «...Лига выдвигает задачу создания социалистического демократического государства, в котором каждый человек будет иметь максимально полные возможности для своего развития и в котором государство будет осуществлять контроль над средствами производства и распределением». Неру полагал,

что государство должно быть организовано на принципах, которые лишили бы горстку людей возможности накапливать огромные богатства за счет эксплуатации других. А это, в свою очередь, порождало необходимость в выработке и выдвижении масштабной экономической программы. Однако разработанная Неру программа носила довольно осторожный, эклектичный характер. Она предусматривала отмену помещичьего землевладения с выплатой компенсации и раздачу земли во владение крестьянам-производителям без права отчуждения. Предусматривалось также создание образцово-показательных кооперативных хозяйств. Задолженность крестьян должна была быть отменена после частичной выплаты. Государство постепенно должно было взять под контроль ведущие отрасли промышленности, обеспечить минимальный уровень заработной платы и ввести пропорциональные прямые налоги, налог на наследство и на сельскохозяйственные доходы.

Для осуществления целей, выдвинутых Лигой, Неру стремился привлечь молодежь. Но в этом он преуспел мало. Да и сама Лига не смогла стать массовой организацией и скоро (в начале 1929 года) практически перестала существовать.

Эпизод с Лигой за независимость Индии показывает, что жажда действий во имя благородных целей Неру не была еще подкреплена необходимыми организационными мерами, поддержкой масс и потому — обречена на неудачу. И все же деятельность Джавахарлала беспокоила и раздражала власти. Секретарь генерал-губернатора потребовал от полиции: «Его превосходительство желает, чтобы за всеми выступлениями Джавахарлала Неру тщательно следили».

Тем временем после долгого и кропотливого труда Мотилал Неру и его коллеги завершили проект конституции Индии. Он состоял из трех частей: в первой определялись отношения Индии с Англией и ее международный статут, во второй определялись права и обязанности граждан Ин-

дии, в третьей регламентировались отношения между индусской и мусульманской общинами.

Важнейшим положением первого раздела было предоставление Индии статуса доминиона и передача всей полноты государственной власти национальному индийскому правительству, ответственному перед Законодательным собранием страны. Вопросы внешних сношений и обороны Индии оставались прерогативой правительства Великобритании.

Во втором разделе провозглашались свобода слова, печати, собраний и другие гражданские права, но вопросы земельной собственности и отношения предпринимателей и рабочих специально не рассматривались.

В третьем разделе отменялись существовавшие избирательные курии, основанные на религиозном принципе, и вводилось единое всеобщее избирательное право. Проект конституции полностью отражал политическое кредо Мотилала Неру и суммировал весь опыт его двадцатилетней политической борьбы.

Доклад Мотилала Неру о конституционных реформах был одобрен съездом Конгресса в Калькутте в конце 1928 года, правда, с двумя оговорками: согласие на статус доминиона не означает отказа от конечной цели — достижения полной независимости; если власти не примут предложений и не предоставят Индии статус доминиона в течение года, Конгресс вновь возобновит борьбу за достижение полной независимости. Среди рядовых членов партии робость и половинчатость требований, выдвинутых в проекте М. Неру, вызвали заметное недовольство. В этих условиях опытный политик Мотилал Неру и другие умеренные руководители партии организовали широкую сеть комитетов для поддержки конституции. Джавахарлал считал, что проект конституции не отражает целей борьбы народа, достигнутого в стране уровня демократического движения, и в сентябре 1928 года подал в отставку с поста генерального секретаря Конгресса. Однако Рабочий комитет партии ее не принял.

«Конституция Неру» не была принята во внимание комиссией Саймона, надежды умеренной части руководства Национального конгресса на получение определенных уступок от англичан конституционными средствами не оправдались. Англичане, обещавшие в случае создания приемлемого для них проекта конституции поддержать его, по существу взяли свои слова обратно, несмотря на встречи Ганди с вице-королем Ирвином и заверения последнего, что власти будут верны своим обязательствам, а также на то, что к этому времени к власти в Лондоне пришло второе лейбористское правительство, лидеры которого накануне выборов неоднократно заявляли о готовности предоставить Индии статус доминиона. Конгрессу, терявшему влияние в стране и раздираемому внутренними противоречиями, предстояло в самом ближайшем будущем принять новые решения о формах и методах дальнейшей борьбы за независимость.

Принять эти решения предстояло в обстановке начавшегося стихийного подъема борьбы широких масс индийского народа. Причем эта борьба теперь все больше приобретала не только антиколониальный, национально-освободительный, но и социально-классовый характер.

Десятилетие, прошедшее после первой мировой империалистической войны, ознаменовалось в Индии быстрым ростом численности рабочего класса и усилением его концентрации. В таких крупных промышленных центрах, как Бомбей, Калькутта, Мадрас и некоторых других, сформировался довольно многочисленный промышленный пролетариат. Условия труда и жизни индийских рабочих были ужасными. Джавахарлал Неру, конечно, знал, что индийские рабочие бедствуют, но то, что он увидел, когда однажды решил посетить трущобы, превзошло самые мрачные его ожидания, духовно опустошило его. «...У меня спирало дыхание,— писал он,— и я выходил оттуда ошеломленный, охваченный ужасом и гневом. Помню также, как я спустился в каменноугольную шахту в Джхари (Бенгалия) и наблюдал, в каких условиях работали там

женщины. Я не могу забыть ни того, что представилось моим глазам, ни потрясения, которое я испытал, увидев, что люди вынуждены работать в таких нечеловеческих условиях».

Постепенно, но неуклонно индийский рабочий класс осознавал глубину и унижительность своего бедственного положения, организовывался для активного действия в защиту своих прав и интересов. Еще в конце октября 1920 года в Бомбее были созданы Общеиндийский профсоюзный центр и Всеиндийский конгресс профсоюзов. Одновременно росло и ширилось стачечное и забастовочное движение.

В разных городах страны создавались коммунистические группы. В 1925 году на конференции в Канпуре разрозненные коммунистические и марксистские группы объединились, и была создана Коммунистическая партия Индии. У рабочего класса Индии появилась теперь своя политическая партия. Это была еще небольшая, но сильная четкой волей, дисциплиной и динамизмом организация трудящихся.

В 1928—1929 годах растет влияние индийских коммунистов в профсоюзных организациях. Они придают боевой характер выступлениям рабочего класса, смело берут на себя инициативу в организации забастовок и стачек.

Джавахарлал Неру заинтересованно следил за самостоятельными шагами рабочего класса Индии и понимал, что его роль в общественно-политической жизни будет расти. Он писал: «В двадцатых годах впервые раздался слабый голос промышленных рабочих. Его можно было бы игнорировать, если бы не русская революция, которая показала значение промышленного пролетариата». К концу двадцатых годов голос рабочего класса обрел подобающую ему силу.

Национальный конгресс предлагал народу свои методы борьбы, основанные на ненасилии, но лидеры профсоюзов и коммунисты считали их малоэффективными. К началу тридцатых годов самосознание и организованность рабочего класса значительно выросли. «Передовые рабочие,— пришел к выводу Джавахарлал Неру,— сторонились Национа-

льного конгресса. Они не доверяли его лидерам и считали его идеологию буржуазной и реакционной. Такой она и была в действительности с точки зрения рабочего класса». Сам Джавахарлал Неру, хотя и не принимал коммунистическое мировоззрение и тактические формы борьбы пролетариата, с пониманием и уважением относился к его самоотверженной, мужественной борьбе против английского империализма. Его восхищала преданность коммунистов идее, их бескомпромиссность в принципиальных вопросах национально-освободительного движения, одержимость, с которой они боролись. «Я всегда восхищался их огромным мужеством и самоотверженностью, поражался, как страдают, к несчастью, бесчисленные миллионы людей, но не склоняются слепо перед злой и всесильной судьбой. Как человеческие существа, они страдают, и в этом страдании есть некое трагическое благородство».

В декабре 1928 года в городе Джхария состоялся съезд Всеиндийского конгресса профсоюзов, на первом заседании которого присутствовал Джавахарлал Неру. Рабочие с признательностью оценили прибытие на их съезд одного из признанных лидеров Конгресса и избрали его председателем Всеиндийского конгресса профсоюзов. Это было для него полной неожиданностью. «Если бы я находился в день выборов в Джхарии,— писал он,— я, несомненно, снял бы свою кандидатуру в пользу рабочего кандидата». И все же Неру видел в своем избрании высокое доверие к себе рабочих, а также признак укрепления связи между Национальным конгрессом и профсоюзами. Он вспоминал: «Это было редким совпадением, чтобы одному и тому же лицу пришлось в течение каких-нибудь нескольких недель представлять как на съезде Национального конгресса, так и на съезде Конгресса профсоюзов. Я надеялся, что мне, быть может, удастся стать связующим, звеном между обеими этими организациями и добиться их сближения... Я надеялся, что ход событий и участие в прямых действиях неизбежно приведут Конгресс к более

радикальной идеологии и заставят подойти вплотную к решению социальных и экономических проблем».

Оценка Неру была дальновидной. Рабочий класс Индии все яснее и четче понимал необходимость ниспровержения колониального ига как главной и первой задачи дня на пути улучшения своего положения. В свою очередь лидер Национального конгресса пришел к выводу, что без участия в антиколониальной борьбе рабочего класса освобождение Индии невозможно. Это вызывало большую тревогу англо-индийских властей. В секретном циркуляре, изданном властями в 1927 году, в частности, указывалось: «В настоящее время наблюдается тенденция к слиянию национального революционного движения с коммунистическим, и крайний националист Неру немало способствует этому, ибо является искренним приверженцем некоторых социалистических доктрин».

Колониальные власти сознавали опасность, исходившую от организованного рабочего класса и коммунистов. На пролетарские организации был обрушен тяжкий меч британской Фемиды. Еще в 1924 году в Канпуре начался шумно раздуваемый реакционной прессой процесс «о коммунистическом заговоре». Четырём арестованным коммунистам было предъявлено обвинение в «заговоре против короля-императора с целью лишить его власти над Британской Индией путем насильственной революции». Было ясно, что коммунистов судят не за действия, а за убеждения. И все же, несмотря на отсутствие доказательств, обвиняемые были приговорены к четырем годам заключения каждый.

В марте 1929 года колониальные власти организовали новый антикоммунистический процесс, избрав местом его проведения небольшой город Мирут. 33 ведущим индийским коммунистам и руководителям профсоюзов было предъявлено то же обвинение, что и обвиняемым по канпурскому процессу: «заговор против короля-императора» (коммунистов было 14, остальные — левые лидеры профсоюзов, находящихся под влиянием Конгресса). По замыслу ор-

ганизаторов процесса, арест и последующее осуждение такой большой группы руководителей рабочего класса должны были ослабить национально-освободительное движение, запугать народ и дискредитировать в массах идеи научного социализма. В отличие от канпурского процесса, мирутский был более масштабным и, как казалось властям, более подготовленным. Однако замысел этот реализовать не удалось. По всей Индии стихийно начали создаваться комитеты защиты узников Мирута. О солидарности с ними заявляли рабочие и крестьянские организации, им сочувствовали политические деятели самых разных убеждений. Национальный конгресс назначил в защиту мирутцев специальный комитет во главе с Джавахарлалом Неру. Мотилал Неру, один из наиболее известных и авторитетных адвокатов страны, выступил на процессе в качестве защитника. Он показал несостоятельность обвинения, незаконность ареста коммунистов и профсоюзных деятелей и выразил восхищение их мужеством. М. К. Ганди специально приехал в Мирут, чтобы встретиться с заключенными и сказать им слова ободрения и поддержки. Почти четыре года длился процесс в Мируте. Несмотря на отсутствие доказательств, рабочим лидерам были вынесены неоправданно суровые приговоры. Обвиняемые держались с мужеством, достойным восхищения и подражания. Многие газеты перепечатывали их речи, в которых они отстаивали свои политические убеждения. Вопреки расчетам колонизаторов социалистические идеи вызвали живейший интерес народа, а его симпатии были всецело на стороне обвиняемых. Мирутский процесс, хотя и нанес сильный удар по рабочему движению в начале 30-х годов, не мог ослабить его в плане широкой исторической перспективы и даже, более того, привлек к активной политической борьбе новые десятки и сотни тысяч бойцов.

В то же время, когда шел мирутский процесс над лидерами рабочего класса и их мировоззрением, в Лахоре начался процесс над группой левых террористов.

Террористическая деятельность, в которую была вовлечена часть индийской молодежи, мыслилась альтернативой ненасильственной деятельности Национального конгресса. Со свойственной молодости бескомпромиссностью и максимализмом они не могли, а может быть, не хотели ни понять, ни принять тактики ненасилия после амритсарской бойни, после непрекращающегося вооруженного террора, к которому неоднократно обращались власти. Они считали, что за оскорбленное национальное достоинство надо отвечать не разговорами и петициями, а бомбой и пистолетом. Один из обвиняемых (впоследствии порвавший с террористами видный марксист, возглавивший Коммунистическую партию Индии) Аджой Гхош писал: «Мы потеряли веру в признанных руководителей национально-освободительного движения в стране, в их конституционализм, а выдвинутый ими лозунг завоевания свараджа изнутри вызвал у нас отвращение». Террористические акции должны были, по их мнению, вырвать народ «из когтей страха» и поднять его на активную борьбу за свободу. Искренние и отчаянные молодые люди искали путь в светлое будущее независимости, больно ударяясь об острые углы судьбы. Смелости им было не занимать, а вот политической зрелости и теоретической мудрости им явно не хватало.

Джавахарлал Неру внимательно следил за лахорским процессом. Он пытался правильно понять побудительные причины действий террористов и их цели. Он приехал в Лахор, когда подсудимые объявили голодовку, и добился свидания с ними. Но симпатизируя террористам, как борцам за свободу, их методы и средства Джавахарлал Неру принять не мог. Их экстремизм он считал делом обреченным. Более того, он полагал его объективно вредным для борьбы народа за независимость. Убили чиновника. Ограбили арсенал. Но чего добились? И главное, чего хотели? Ради чего шли на эшафот, виселицы? Призрак поражения витал над ними с первой же террористической акции.

Джавахарлал Неру, отвергая терроризм, понимал, что его истоки во многом кроются в пассивности действий Конгресса и что для усиления влияния его партии нужна смелая радикальная политика, способная увлечь народные массы. Необходимость перемен была очевидной, и это хорошо понимали лидеры национального движения.

Джавахарлал Неру, внимательно изучавший материалы процессов, полагал, что ни те, ни другие не способны привести народ Индии к освобождению. Он писал: «...Я считаю, что при всей буржуазности мировоззрения Национального конгресса он представлял собой единственную, по-настоящему революционную силу в стране». К этой оценке можно относиться по-разному, но то, что народные массы шли за Национальным конгрессом, было политической реальностью, так же, впрочем, как и то, что революционность была дефицитом в теории и практике Конгресса.

События в Индии наглядно показывали, что в национально-освободительное движение Индии, возглавляемое Конгрессом, все шире вовлекались эксплуатируемые классы — крестьяне и рабочие. Это движение все чаще сливалось и переплеталось с борьбой трудящихся и эксплуатируемых масс за свои жизненные интересы и демократические права. Это не могло не наложить своего отпечатка на национально-освободительное движение, порождало определенные процессы в самом Национальном конгрессе. В то же время Национальный конгресс продолжал, под влиянием Ганди и других умеренно настроенных лидеров, придерживаться своих прежних тактических форм борьбы и оставался верным принципам ненасилия, хотя далеко не все верили в эффективность таких средств политического действия. В результате в Конгрессе вновь резко проявились противоречия между радикалами и «умеренными».

Ганди, конечно, видел и понимал новые тенденции в развитии обстановки в стране, характер и содержание противоречий в партии. Не занимая в ней официальных постов, Ганди был не только непререкаемым идейным

вождем, но и фактическим руководителем Конгресса. Период спада национально-освободительного движения после Бардолийской резолюции привел к резкому, если не сказать катастрофическому, падению авторитета Конгресса в народе. Развернувшийся затем бойкот комиссии Саймона и героическое поведение во время этой кампании многих видных деятелей партии способствовали возрождению его популярности и росту числа членов Конгресса. Для полного восстановления его престижа требовался новый руководитель, имевший популярность в широких массах народа, преданный делу свободы, но и достаточно лояльный, чтобы оставить идейное руководство за Махатмой Ганди, чтобы не увести Конгресс слишком далеко влево. Выбор М. К. Ганди пал на Джавахарлала Неру.

Именно его он предложил избрать председателем партии на предстоящей в 1929 году сессии Национального конгресса в Лахоре. Этим жестом Ганди показал, что готов поддерживать радикальное крыло и тем самым сохранить единство партии, а заодно надеялся сохранить руководство над уходящим из-под его безусловного контроля Конгрессом. Предлагая кандидатуру Джавахарлала на пост председателя Конгресса, Ганди в своей характеристике кандидата как бы ставил определенные рамки, которых тот должен был придерживаться: «Будучи приверженцем дисциплины, он (Джавахарлал Неру.— Авт.) доказал, что в состоянии неукоснительно подчиняться ей даже тогда, когда это ему в тягость. Он, несомненно, является максималистом, в своих идеях идущим гораздо дальше своего окружения. Но он обладает смирением и достаточно практичен; он поэтому не станет форсировать события, если это грозит опасностью». Ганди был уверен, что политический максимализм Джавахарлала не перехлестнет рамки, очерченные умеренным большинством руководства партии.

Лахорская сессия Национального конгресса, состоявшаяся в декабре 1929 года, оставила яркое впечатление в памяти Джавахарлала Неру — это был первый съезд,

который он возглавлял как председатель партии. Это был его съезд не только потому, что он председательствовал, но и потому, что он выдвинул программу, которая была принята. В этот же год ему исполнилось сорок лет, и он был, пожалуй, самым молодым председателем Конгресса за всю его предыдущую историю. На сессии в Лахоре произошло столкновение между крайне левым крылом Конгресса во главе с бенгальцем С. Ч. Босом¹ и «умеренными».

Джавахарлал Неру в своем выступлении в качестве председателя Конгресса четко и определенно декларировал свою главную мысль: «Независимость означает для нас полную свободу от английского владычества и английского империализма». Неру подчеркивал далее, что во всем мире происходят изменения, которые будут иметь важные последствия для судеб всего человечества. В этих изменениях важную роль предстоит сыграть Азии, и в частности Индии. Час свержения господства здесь европейцев близок. Будущее принадлежит Азии. Индия не только должна показать миру, на что она способна. Ей предстоит и многому научиться, многое позаимствовать у других. Он высказался за полную независимость Индии, поставив под сомнение возможность сотрудничества с Англией в качестве доминиона, поскольку в основе политики Англии лежат империалистические цели.

«Я должен откровенно признаться,— заявил Неру,— что по убеждениям я — социалист и республиканец. Я не верю в королей и князей, а также в общественный порядок, порождающий современных королей промышленности, которые имеют еще большую власть над жизнью и судьбами людей, чем короли в прежние времена, и действия которых не менее грабительские, чем у старой феодальной

¹ Субхас Чандра Бос родился в 1897 году в семье помещика. Образование получил сначала в Калькутте, а затем в Кембридже. В 1922—1924 годах Бос издавал в Бенгалии прогрессивную газету «Форвард». По своим взглядам он был в Конгрессе крайне левым. «Я экстремист,— заявлял Бос.— Я придерживаюсь принципа — все или ничего».

аристократии». Неру допускал, что Конгресс не сможет принять всестороннюю социалистическую программу. Но он подчеркивал, что другого пути покончить с нищетой и неравенством, по его мнению, не было.

Главная проблема дня — достижение свободы. Во имя свободы должны быть использованы все средства, главным образом ненасильственные. «Но если Конгресс или народ в будущем, — подчеркивал Неру, — придут к выводу, что насильственные методы избавят нас от рабства, я не сомневаюсь, что они их применят. Насилие отвратительно, но рабство еще хуже». Неру выступал очень темпераментно, подчеркивая главную мысль энергичным жестом. Его речь надо было слушать с напряжением ума и сердца, воспринимая ее политический смысл и призыв к действию. В качестве конкретной программы действий Неру предлагал политический и экономический бойкот правительства.

Подпольный журнал индийских коммунистов оценил речь Неру в Лакхнау как «самый ясный антиимпериалистический призыв, когда-либо сделанный с председательской трибуны Конгресса».

Было принято решение о проведении кампании несотрудничества для претворения этой программы в жизнь. В нем указывалось, что день 26 января 1930 года будет отмечен как День независимости Индии, и он знаменует начало этой кампании.

Таким образом, в Национальном конгрессе — партии, безусловно, наиболее влиятельной в Индии, во многом формировавшей ее общественное сознание и руководившей борьбой ее народа, образовались три группы: умеренная, возглавляемая основоположниками партии, стремившаяся добиться статуса доминиона в рамках Британской империи; радикальная, во главе которой стоял Джавахарлал Неру, требовавшая полной политической и экономической независимости, избравшая средством ее достижения массовое движение всех социальных слоев на ненасильственной основе, и, наконец, максималистская, руководимая С. Ч. Бо-

сом, стремившаяся достичь независимости путем вооруженного восстания. Конечно, это размежевание было условным, в жизни проходила непрерывная, если можно так выразиться, идейно-политическая диффузия.

Сторонники крайних действий во главе с Босом остались на съезде в Лахоре в меньшинстве. Не смогли добиться своего и умеренные. Восторжествовала линия Неру, удовлетворившая, хотя и не полностью, представителей различных взглядов. Эта линия вела к действию во имя свободы страны и отвечала широко распространенным в то время в стране настроениям.

Лахорская сессия продемонстрировала усиление влияния радикально настроенных элементов в Конгрессе, что обусловило не только сохранение его влияния над массами, но и обеспечило руководство начавшимся подъемом национально-освободительного движения. Все это справедливо связывалось с именем Джавахарлала Неру. Его авторитет среди конгрессистов и популярность в массах еще более возросли.

Выдающийся организатор по натуре, человек активного и конкретного дела, Джавахарлал Неру сумел ограничить сохранившуюся в деятельности Конгресса приверженность к робкой критике колониальных порядков и платоническим призывам к справедливому правлению и, с другой стороны, не дать простора для таких поборников крайних мер, как С. Ч. Бос. «Наши решения,— считал председатель,— должны были сводиться не просто к критике, протестам или изложению нашей точки зрения — они должны были явиться призывом к действию, которому суждено было до основания потрясти всю страну и оказать влияние на жизнь миллионов людей».

Резолюция о начале кампании гражданского неповиновения была важнейшим решением лахорской сессии Конгресса. Если мадрасская сессия поставила достижение независимости Индии в форме доминиона Британии конечной целью Конгресса, то лахорская — выдвинула

требование предоставления полной независимости в качестве ближайшей задачи. Это свидетельствовало о радикализации Конгресса и повышении эффективности его действий. Влияние партии в массах было сохранено и упрочено. Неру показал себя как лидер, постигший сложные законы большой политики.

Сессия в Лахоре показала также, что в те годы стала вырисовываться своеобразная двойственность позиции Джавахарлала Неру как политического деятеля и лидера Конгресса. С одной стороны, он представал как убежденный патриот-националист, последовательный борец за полную независимость Индии, возглавивший борьбу широких масс народа, сторонник глубоких социально-экономических преобразований ее структуры. С другой стороны, он продолжал считать Конгресс единственной партией, способной добиться свободы Индии, по-прежнему признавал безраздельное руководство Ганди с его принципами ненасильственных действий.

Вспоминая о Джавахарлале Неру и сравнивая его с Ганди, известный индийский дипломат, бывший посол Индии в СССР Т. Н. Кауль позднее напишет: «Если Ганди взывал к сердцу и душе человека, вызывая некое душевное спокойствие, то Неру оказывал электризирующее влияние на людей, наполняя их энтузиазмом и нетерпением в достижении желаемой цели». Образно говоря, Ганди вел массы под религиозной хоругвью, Неру — под войсковым штандартом. Но маршрут движения был один. Конгресс не изменил тактических форм борьбы и остался верным гандистским принципам ненасилия.

Леворадикальные конгрессиистские деятели в то время не раз критиковали Неру. В частности, известны знаменитые слова одного из них — С. Ч. Боса: «Мы в Бенгалии являемся истинной революционной силой. Джавахарлал только говорит, мы действуем!» С ним было трудно согласиться.

Лахорская сессия Конгресса утвердила роль Джавахарлала Неру как признанного руководителя национально-

освободительного движения общеиндийского масштаба. Его отличали радикализм в идеях, конструктивизм в подходах к решению сложных стратегических и тактических задач, политический реализм, опирающийся на движение масс. В Национальном конгрессе он возглавил его левое крыло, последовательно отстаивая интересы не исчерпавших прогрессивных потенциалов национальной буржуазии и средних слоев. Именно эти общественные силы повели борьбу за независимость Индии, отвечающую требованиям всех классов и различных социальных сил многонациональной и многоукладной страны, для которых обретение суверенитета было первым и необходимым условием решения острейших социальных проблем.

Табличка
с именем
Джавахарлала Неру
«Ананд Бхаван»,
Аллахабад

● «СОЛЯНОЙ ПОХОД» ● СМЕРТЬ
ОТЦА ● СЕССИЯ КОНГРЕССА В
КАРАЧИ ●

Итак, Национальный конгресс призвал индийский народ к «ненасильственной революции». Начало массовой кампании гражданского несотрудничества, как уже говорилось, было назначено на 26 января 1930 года.

В этот день Джавахарлал Неру выступал перед огромной толпой лахорцев на берегу реки Рави. Была уже ночь, и свет тысяч факелов прорезал ее темноту. В центре на возвышении, освещенный лучами прожекторов, стоял Джавахарлал Неру. Он громко и внятно зачитал Клятву независимости, и тысячи людей, затаив дыхание, слушали ее вдохновенный текст: «Мы считаем неотъемлемым правом индийского народа, как и любого другого народа, право на свободу, право пользоваться плодами своего труда и право на необходимые средства к жизни... Мы считаем поэтому, что Индия должна порвать узы, связывающие ее с Англией, и добиться *пурна свараджа*, то есть полной независимости».

Народ Индии будет не жалея сил бороться за свою свободу, говорилось

в клятве, и начинает эту борьбу массовой кампанией гражданского неповиновения. «Мы признаем, однако,— подчеркивалось в клятве,— что наиболее эффективный путь к нашей свободе лежит не через насилие. Поэтому мы должны готовиться к борьбе путем прекращения, насколько это возможно, всех видов добровольного сотрудничества с английским правительством, а также должны готовиться к движению гражданского неповиновения, включая неуплату налогов. Мы убеждены, что стоит нам только прекратить добровольную помощь и выплату налогов, не прибегая к насилию даже в случаях провокации, как этот нечеловеческий режим будет обречен».

Миллионы людей в городах и селах Индии с энтузиазмом повторяли эту клятву.

Тысячи, десятки, сотни тысяч людей по всей Индии вышли в этот день на улицы, неся лозунги: «Да здравствует ненасильственная революция!», «Революция и независимость!», «Индия — индийцам!» В демонстрациях участвовали все — рабочие и торговцы, крестьяне и интеллигенты, конгрессисты и коммунисты. Движение приобретало массовый, подлинно национальный характер. Начавшаяся кампания гражданского несотрудничества включала в себя сознательное нарушение английских колониальных законов (в первую очередь закона о соляной монополии правительства), отказ от занимаемых в колониальном аппарате и выборных органах постов, отказ от посещения английских учебных заведений, бойкот английских товаров, воздержание от употребления спиртных напитков, массовые харталы, демонстрации и т. д. Как видно, основные требования начавшейся кампании совпадали с требованиями кампании начала 20-х годов. Однако между ними лежало не только почти десятилетие. Между ними было время, насыщенное бурными событиями, в которых народ боролся и окреп, воспитал в себе тягу к свободе и умение за нее бороться, короче — обрел опыт политического действия. В эти годы образовалась коммунистическая партия, возникли

профсоюзы, прошли судебные политические процессы, всколыхнувшие страну и открывшие глаза на многие явления в жизни. Вот почему новая кампания началась при неизмеримо большей активности самых широких слоев населения. Пробудилось к движению многомиллионное индийское крестьянство, в гуще которого Национальный конгресс уже имел широко разветвленную сеть низовых организаций. Включился в борьбу рабочий класс Индии, с каждым годом набиравший политический опыт, познавший трудную радость побед и горечь поражений в забастовочной борьбе. Активизировались студенчество, интеллигенция, средние городские слои, — складывалась новая, демократическая политическая культура.

В развернувшейся борьбе развивался объективный двуединый процесс: с одной стороны, под влиянием Конгресса крепла организованность масс, с другой — под воздействием масс Конгресс стал занимать более радикальные позиции. Вовлекая массы в борьбу и возглавляя народное движение, Конгресс сам становился демократичнее и радикальнее. В периоды подъема национально-освободительного движения он выражал интересы большинства индийского народа, в том числе наиболее радикально настроенных слоев, и это беспокоило некоторых лидеров партии. «Эта тревожная перспектива, — писал Неру о нарастании движения в 1930 году, — отпугнула привилегированные группы и заставила их выступить против сколько-нибудь глубоких политических изменений».

Руководители Конгресса, и в первую очередь М. К. Ганди, стремились к тому, чтобы во что бы то ни стало сохранить свой полный и безусловный контроль над массами, старались, чтобы национальная борьба не приобрела классовый характер. Они опасались, как бы активизация крестьянской стихии не распространилась на отношения с помещиками-заминдарами, с которыми Конгресс никогда не расходился интересами, а забастовочное движение рабочего класса не приняло антикапиталистическую направ-

ленность. Призрак крестьянского бунта в Чаури-Чаура вставал перед ними грозным напоминанием. Ганди тревожно говорил Джавахарлалу Неру: «Если насилие станет в какой-то мере частью движения, тогда оно перестанет быть мирным движением гражданского несотрудничества и его необходимо будет ограничить или направить по другому пути». Было очевидным, что создавалась взрывоопасная ситуация. Долгие и трудные раздумья Ганди, какую форму придать движению, чтобы, не теряя при этом престижа, сохранить свое руководство, привели к неожиданному и, на первый взгляд, странному решению: «соли!» Первый пункт требований Конгресса, как известно, включал в себя отмену соляной монополии правительства. Ганди принял необычное решение: организовать массовое, всеиндийское выпаривание соли из морской воды и тем самым нарушить закон о монополии правительства на соль.

В начале марта 1930 года Ганди начал подготовку к очередному тактическому эксперименту. В Сатьяграха — ашраме — резиденции Ганди, представлявшей собой небольшую группу белых домиков с камышовыми крышами и расположенной на берегу реки Сабармати в нескольких милях от Ахмадабада, собрались ближайшие ученики и последователи Ганди. Решено было отправиться пешком в местечко Данди — селение округа Сурат, расположенное на берегу Аравийского моря в 150 милях от Сатьяграха — ашрама, и там начать выпаривание соли. План Ганди был предварительно обсужден и одобрен Всеиндийским комитетом Конгресса и через англичанина Рейнольдса доведен до сведения вице-короля.

Добровольцев тщательно и продуманно отбирал сам Ганди. Путь был трудным и долгим (он рассчитывал на месяц), и он выдвинул первое условие — в колонне должны идти только здоровые мужчины. Вторым условием была преданность идее ненасилия. Добровольцы не должны были брать с собой ничего, кроме посоха, — предполагалось, что кормить их будут крестьяне деревень, мимо которых они

проследуют. Примечательно, что в колонну Ганди сознательно подбирали людей разных религий и разных каст.

11 марта, едва забрезжил рассвет, Махатма, одетый в дхоти и сандалии на босу ногу, с высоким посохом в руке, похожий на святого, вышел из своего скромного домика. Медленно взошел он на пригорок на берегу Сабарматии. Семьдесят девять добровольцев стояли рядом с ним. Сзади толпилось множество людей, пришедших проводить колонну. Ганди декламировал стихи из священной книги индусов «Гита», за ним маулана пропел суру из Корана, парс совершил молитву из «Авесты» и наконец христианский священник прочитал отрывок из Библии. Колонна неспешно тронулась в путь. В местечке Джамбусар процессию Ганди встретили Мотилал и Джавахарлал Неру и Раджендра Прасад. Несколько километров они прошли вместе. Джавахарлал Неру вспоминал о Ганди: «С посохом в руке, с мирным, но неустрашимым видом он твердо шагал во главе своих последователей. Это было волнующее зрелище».

Ганди и гандисты останавливались в деревнях и организовывали импровизированные митинги, на которых рассказывали о программе Конгресса и целях «сатьяграхи» и соляной кампании. Многие присоединились к колонне участников похода. О маршруте и движении колонны Ганди писала вся индийская пресса — журналисты приняли участие в походе, описывая все подробности. Ганди и его поход привлекли внимание всей Индии. Собственно, на это он и рассчитывал.

5 апреля выросшая в несколько раз колонна достигла Данди и разбила там палатки. 6 апреля, в годовщину первой сатьяграхи, на берегу моря вспыхнули десятки костров: Ганди и добровольцы начали варить соль.

У Ганди появились последователи в других провинциях страны. Соль варили все, всюду, где только возможно. Была выпущена специальная листовка, в которой звучал призыв варить соль и давалась нехитрая инструкция, как это

делать. Джавахарлал Неру также включился в эту общендийскую кампанию, хотя и понимал смысл тонкого отвлекающего маневра Ганди. Дело было незнакомым и удалось не сразу. «...Наконец нам удалось,— вспоминал он,— произвести какое-то грязноватое вещество, которым мы страшно гордились».

Правительство, с недоумением смотревшее на мало понятную для европейцев «соляную революцию», решило пресечь ее. Английские власти запретили проведение кампании несотрудничества. Начались массовые аресты. Рабочий комитет Конгресса был объявлен вне закона. 14 апреля, на пути в Райпур, где он должен был присутствовать на конференции местной организации Конгресса, Джавахарлал арестовали за оказание помощи в добыче соли в Чеоки, в нескольких милях от Аллахабада. Его судили в тюрьме Наини и приговорили к шести месяцам заключения. 5 мая арестовали Ганди. Но соль продолжали варить. Даже заметный постаревший (ему шел семидесятый год), но сохранивший аристократическую моложавость Мотилал Неру взялся за покрытую копотью посуду для солеварения, которую оставил его сын. Мотилал чувствовал, что Джавахарлал превзошел его в своей неутомимой деятельности на пользу Индии. Мотилал Неру был горд сыном.

Джавахарлал редко бывал дома, в Аллахабаде. Он беспрерывно разъезжал по Индии, занимаясь исключительно политической работой. Забота о семье сына, да и о нем самом лежала на Мотилале, и он старался не покидать «Ананд Бхаван». В Аллахабад часто приезжал Ганди. В одной из откровенных бесед Мотилал с необычайной для его жизнерадостного характера грустью, глядя в окно, сказал ему: «Я скоро уйду, Махатмаджи, и не увижу свараджа. Но я знаю, что вы его завоевали и вскоре будете обладать им». Однажды Ганди посоветовал старому адвокату подарить Национальному конгрессу «Ананд Бхаван». Мотилал, от природы щедрый, не долго раздумывал, и партия приобрела новое прекрасное помещение своей штаб-квартиры, получившее

название «Сварадж Бхаван» («Обитель свободы»). Для своей семьи и семьи сына Мотилал построил в этом же саду новое красивое здание, которому оставил старое название «Ананд Бхаван».

Мотилал Неру знал, что, приступая к выпариванию соли, он нарушает закон, знал, как быстры на расправу колониальные власти. Он действовал так, как ему подсказал долг отца и патриота, и не боялся ареста. Полиция не заставила себя долго ждать. 30 июня Мотилал Неру был арестован. Отец и сын встретились в уже «обжитой» ими тюрьме Наини. Потянулись однообразные дни заключения, похожие один на другой, как скучные мундиры охранников. Так должно было продлиться шесть месяцев. Неожиданно 10 августа обоим Неру предложили собраться. Их привезли на вокзал и посадили в тюремный вагон. Только в пути они узнали, что направляются в центральную тюрьму Иеравда, расположенную в Махараштре близ Пуны. В Иеравде содержался в заключении М. К. Ганди.

Расчеты колониальных властей на то, что кампания неповиновения, лишившись своих вождей, сойдет на нет, не оправдались. Более того, движение гражданского несотрудничества переросло масштабы «соляной революции» и обрело известную уже форму бойкота английских товаров, харталов, забастовок и т. д. Кульминацией освободительной борьбы стали вооруженные восстания, крупнейшие из которых произошли в городах Пешаваре, Читтагоне и Шолапуре. Хотя английские войска вошли в Пешавар 4 мая, они только к середине месяца смогли восстановить полный контроль над городом.

Пешаварское восстание послужило сигналом к массовым антианглийским выступлениям патанского крестьянства. В течение 1930—1931 годов во многих крупнейших центрах страны, в том числе в Бомбее, Калькутте, Мадрасе, Дели, Карачи, прошли политические забастовки.

Лидеры Конгресса, находившиеся в Иеравде, получили приглашение начать письменные переговоры об условиях

прекращения народной кампании. Сама по себе форма «переговоров» была вопиюще недемократична: одна сторона — руководители Конгресса М. К. Ганди, Мотилал и Джавахарлал Неру, Валлабхай Патель, Сароджини Найду, Джаирамдас Дулатрам и Сайед Махмуд, была в тюрьме, а другая — власти, в чьих руках была судьба первой договаривающейся стороны, восседала в своих кабинетах и могла увеличить в случае строптивости срок заключения. И все же, поддерживая друг друга, лидеры Конгресса представляли свои требования, полные веры в движение и достойно отражающие надежды народа. Из-за тюремной решетки руководители движения требовали права Индии на выход из Британской империи, освобождения политзаключенных и отмены чрезвычайных указов вице-короля. Колонизаторы, рассчитывавшие на сговорчивость индийских лидеров после пребывания в тюрьме, были разочарованы и прекратили бесполезные переговоры, которые продолжались три дня — с 13 по 15 августа 1930 года.

Через некоторое время Мотилала освободили из-за плохого состояния здоровья; шестимесячный срок пребывания Джавахарлала в тюрьме тоже подходил к концу — 11 октября он вышел на свободу.

Джавахарлал Неру недолго отдыхал в «Ананд Бхаване». В это время в Аллахабаде проходила конференция крестьян Соединенных провинций. 1600 представителей земледельцев долины Ганга и Джамны съехались, чтобы обсудить свои насущные проблемы. Они помнили, как Джавахарлал Неру ходил по их деревням в 1920 году, как позднее неоднократно выступал перед ними, они знали о его самоотверженной политической борьбе в течение всех прошедших лет и обратились к нему с просьбой выступить на их конференции. Нужно сказать, что, хотя Ганди и другие лидеры Конгресса не раз обращались к крестьянству, призывая его к сатьяграхе и ненасильственному сопротивлению, они не выдвинули четкой программы решения аграрного вопроса, и в первую очередь вопроса о земле. «Мы старались,— писал Неру,—

полностью отделить аграрную проблему от общего вопроса о движении гражданского неповиновения». Встречу с крестьянами Соединенных провинций он считал важной не только и не столько для своей популярности в родной области, но и для определения своей позиции в аграрном вопросе. Важно отметить, что крестьянство Соединенных провинций в начале 30-х годов занимало ведущие позиции в антиколониальном движении, а комитет Национального конгресса провинции (его председателем в это время был Джавахарлал Неру) уделял этой проблеме больше внимания, чем комитеты в других областях страны. В марте 1930 года комитет предложил включить в свои требования пункты о снижении поземельного налога, об отсрочке старых долгов с выплатой частичной компенсации ростовщикам и т. п., что реально ограничивало произвол помещиков над крестьянами.

Аллахабадская конференция должна была обсудить эти предложения комитета. Правительство категорически запретило Неру какие-либо выступления перед народом, но отказать крестьянам он не мог и произнес яркую речь на их конференции, призвав начать кампанию неуплаты арендной платы и земельного налога.

Расплата не заставила себя ждать. Неру был вновь осужден на два года тюремного заключения. Оно было пятым по счету. Неру очень скучал по своей семье. С головой ушедший в кипучую политическую деятельность, часто попадая за нее в заключение, он месяцами и даже годами не бывал дома и не видел Камалы и Индиры. И чем реже становились встречи, тем драгоценнее и желаннее они были. Теперь он часто вспоминал о них. Индира выросла, и он с тревогой думал, какую дорогу в жизни она себе выберет. Индира впоследствии получила хорошее образование. В течение двух лет она изучала французский язык в Швейцарии, потом — колледж Вишвабхарати при знаменитом университете Шантиникетан, созданном великим Тагором. Затем она снова вернется для учебы в Швейцарию, после

чего завершит учебу в известном Сомервилльском колледже Оксфордского университета. В доме отца и деда Индира всегда была среди людей, полных страстного стремления изменить существовавшие в Индии колониальные порядки. Она слышала их жаркие споры и была в курсе многих политических событий. Когда ей было только двенадцать лет, она организовала детскую организацию «Ванар сена», которая чем могла помогала Национальному конгрессу в борьбе за свободу. Неру с удивлением и гордостью видел, что его дочь чаще держит в руках флажок Конгресса, чем куклы и игрушки. Осенью 1930 года Индире исполнилось тринадцать лет. Как это часто бывало раньше, он не мог преподнести ей подарок и сесть вместе со всей семьей за праздничный стол. Добившись разрешения тюремной администрации на переписку с дочерью, Джавахарлал примостился в своей камере к небольшому столику и начал писать.

«В день рождения ты привыкла получать подарки и добрые пожелания. Пожеланий ты получишь и на этот раз полную меру, но какой же подарок могу я прислать тебе из тюрьмы Наини?» Письмо писалось легко. Можно посадить за решетку человека, но мысль всегда свободна. Неру вел с дочерью доверительную беседу, давал ей советы, как строить свою жизнь, какие выбирать принципы и как стать достойной дочерью своей родины. «Будь смелой, и все остальное приложится,— писал он.— Если ты будешь смелой, ты не будешь бояться и не сделаешь ничего такого, чего стала бы стыдиться... Мы трудимся при свете солнца. Будем и в нашей частной жизни такими же друзьями солнца, будем работать на свету и ничего не делать по секрету или украдкой. Тайны мы, разумеется, можем и должны иметь, но это совсем не то же самое, что секретничанье. И если ты будешь поступать так, моя дорогая, то вырастешь, как дитя света, не ведающее страха...» Мысль Неру устремлялась все дальше и дальше. Он рассуждал о судьбах Индии и времени, в котором родилась его дочь. Он считал важным и необходимым подчеркнуть: «Год, в который ты родилась,

1917 год, был одним из самых замечательных в истории, когда великий вождь, с сердцем, преисполненным любви и сочувствия к страдающим беднякам, побудил свой народ вписать в историю благородные страницы, которые никогда не будут забыты. В тот самый месяц, когда ты родилась, Ленин начал великую революцию, изменившую лицо России и Сибири». Свое пространное письмо Неру закончил пожеланием: «До свидания, маленькая, расти храбрым солдатом на службе Индии».

Неру разрешалось писать одно письмо в две недели, и он продолжил свои пожелания дочери, одновременно излагая свой взгляд на всемирную историю и место в ней Индии. В конце марта 1932 года после четырнадцатимесячного перерыва Неру, снова оказавшись в заключении, возобновил свой рассказ в письмах. Всего с октября 1930 по август 1933 года он написал Индире 196 писем-бесед, простых по форме, но эмоциональных, мудрых по содержанию. Письма к дочери будут изданы под названием «Взгляд на всемирную историю». «Эти письма родились сами собой,— пишет он в предисловии.— У меня не было особого замысла, и я никогда не думал, что они в такой степени разрастутся». Получилась книга вольная, раскованная, книга-размышление, свободная от строгих рамок фундаментальных академических исследований. Ее написание не было делом целенаправленным, но результат оказался блестящим — личные письма отца дочери стали фактом исторической науки. В этих письмах Неру выступает истинным «гражданином мира», воспринимающим историю человечества как нечто глубоко личное, переживающим боль людей и народов как осознанную личную боль. Воссоздание точных фактов не было первостепенной задачей новой работы Неру. Он показал в ней ошибочность европоцентристских идей и осветил достойный вклад своей родины в историю мировой цивилизации. Неру изложил оригинальную и цельную концепцию своего понимания развития человечества. Позднее Джавахарлал Неру напишет: «Я написал работу «Взгляд

на всемирную историю» для того, чтобы увидеть свою страну и свой век в истинной перспективе мировой истории».

9 августа 1933 года Джавахарлал Неру написал Индире последнее письмо. Он писал: «Я бродил, перескакивая порой через целые столетия и многие важнейшие события, а затем вдруг делал довольно долгий привал у события, которое меня интересовало». Таким событием была и революция в России, к которой он возвращался неоднократно. Он дает яркие, образные эмоциональные портреты политических деятелей разных времен и народов. Но с особым уважением он называет имя Ленина. Перед Индирой вставал образ мудрого политического деятеля, гениального вождя и чуткого человека. Он приводит слова Луначарского, Горького, Джона Рида, Локкарта и других, показывающие многогранность личности Ленина. Неру убежденно писал: «...Ленин уже стал неотъемлемой частью не только его родной России, но и всего мира. И по мере того, как идет время, величие его растет, он теперь один из немногих мировых деятелей, чья слава бессмертна».

Неру уделял большое внимание грандиозному социальному эксперименту, который совершался на необъятных просторах северного соседа Индии. Его сто пятидесятое письмо рассказывало об Октябре и имело заголовок «Конец царизма в России», следующее — «Большевики берут власть», затем — «Советы побеждают». Сто семьдесят девятое письмо называлось «Союз Советских Социалистических Республик» и посвящалось, главным образом, национальной политике в СССР, сто восьмидесятое — «Пятилетка, или русский пятилетний план», следующее — «Трудности, неудачи и успехи Советского Союза».

В письмах-рассуждениях Неру упорно искал ответ на вопрос о путях развития Индии. Искал, но так еще и не находил. В последнем письме он написал о трудном времени, в котором жил: «...это век разочарования, сомнений, неуверенности, вопросов и исканий. Мы больше не можем признать многие из старых убеждений и обычаев;

мы больше не верим в них ни в Азии, ни в Европе, ни в Америке. Поэтому мы ищем новые пути, новые аспекты истины...»

В первый день 1931 года Джавахарлал Неру получил известие об аресте своей жены Камалы. Она вместе с его сестрами приняла участие в движении ненасильственного сопротивления в Аллахабаде. Когда полицейские препроводили ее в участок и попытались припугнуть участием супруга, она смело заявила журналистам, оказавшимся в полиции: «Я безмерно счастлива и горда тем, что следую по стопам моего мужа. Я надеюсь, что народ будет высоко держать знамя».

Джавахарлал Неру был глубоко взволнован и растроган смелым поступком жены. Его радовало установление новых отношений с Камалой, отношений товарищей по общей борьбе за свободу Индии, общность их политических устремлений и оценки высокого смысла их жизни.

Утро 26 января 1931 года Джавахарлал Неру встретил в тюрьме, но днем его вызвало тюремное начальство и объявило, что он свободен. В этот же день был освобожден и М. К. Ганди.

Когда Джавахарлал Неру прибыл в Аллахабад, он с тревогой узнал, что его всегда такой жизнелюбивый и бодрый отец тяжело заболел. Было непривычно и горько видеть его крупное, когда-то могучее тело беспомощно распростертым на холодных простынях. О болезни Мотилала сообщили Ганди, и он немедленно прибыл в Аллахабад.

В местных больницах не было рентгеновской установки для установления точного диагноза болезни Мотилала Неру, и 4 февраля его повезли в Лакхнау.

Рано утром 6 февраля Джавахарлал Неру сидел у изголовья своего отца. Ночь прошла тяжело и беспокойно: отец впадал в забытие и тихо стонал, лицо его искажали боль и усталость. Вдруг оно стало спокойным, и сын подумал, что отец наконец-то крепко заснул. Но это был уже вечный сон, от которого не бывает пробуждения.

В тот же день тело Мотилала Неру было доставлено в Аллахабад. Гроб обернули национальным флагом. На траурном митинге при огромном стечении народа выступил Ганди.

На берегу Сангама, там, где сливается Джамна и Ганг, в тяжелый зимний день, когда опустившиеся вечерние сумерки окутали берега, огромное пламя поглотило тело человека, который так много сделал для свободы Индии.

Смерть отца была тяжелым ударом для Джавахарлала Неру. Скольким он был обязан ему в своей жизни! Перед ним пробегали далекие дни безмятежного детства, он вспоминал свое приобщение к политике, когда огромный опыт и авторитет в партии Мотилала Неру помогали ему делать первые шаги. Джавахарлал Неру, чтобы отвлечься от горестных мыслей, выехал с женой и дочерью на Цейлон.

Политическая ситуация в Индии продолжала оставаться напряженной. Правительству никак не удавалось овладеть положением. Борьбу индийского народа по-прежнему направлял Национальный конгресс, руководивший продолжавшейся кампанией гражданского несотрудничества. По стране прокатывались харталы, в городах непрестанно шли митинги, волнения охватывали деревни. Власти теряли контроль над беспокойной, взбудораженной колонией. Руководители колониальной администрации решили начать новые переговоры с лидером индийцев Ганди. В первой половине февраля 1931 года в Аллахабад, где в штаб-квартире партии находился в то время Ганди, прибыла группа видных индийцев во главе с Бахадуром Сапру и предложила Ганди встретиться в Дели с вице-королем лордом Ирвином. Ганди дал свое согласие на встречу и выехал в столицу. Начались длинные и трудные переговоры, в которых Ганди помогали члены Рабочего комитета Конгресса и, в первую очередь, возвратившийся с Цейлона Джавахарлал Неру.

Хотя Национальный конгресс за десять лет после Нагпурской сессии в 1920 году в корне изменился по своему составу и организации, тень его вдохновителя Юма всегда витала в штаб-квартире партии. Некоторые лидеры Нацио-

нального конгресса и, в первую очередь, Ганди использовали контролируемый ими подъем масс с целью добиться уступок в переговорах с колониальными властями.

Встречи в помпезном дворце между респектабельным вице-королем Индии лордом Ирвином и подчеркнуто скромно одетым только в дхоти и простые сандалии Мохандасом Карамчандом Ганди, вид которого так не гармонировал с роскошью зала, проходили ежедневно с небольшими перерывами, когда вице-король делал запросы в Лондон. В то время как в Лондоне развлекались остротами в адрес «полуголого факира» Ганди, в Индии продолжалась сложная политическая игра, в ходе которой вице-король пытался использовать в своих интересах признанного народом лидера и сбить накал борьбы масс. По утрам Ганди часто обсуждал свои предложения с Джавахарлалом Неру, после чего шел во дворец, где беседовал с Ирвином один на один. По возвращении он делал доклад Рабочему комитету. Переговоры близились к концу. 5 марта члены Комитета ждали возвращения Ганди от Ирвина особенно долго. Он прибыл, когда было уже около двух часов ночи, и показал текст подписанного им соглашения. Делийский пакт Ганди — Ирвина предусматривал прекращение Национальным конгрессом кампании гражданского несотрудничества, а правительство Индии обязалось прекратить преследования и репрессии ее участников (за исключением лиц, обвиняемых в «коммунистической угрозе» и терроризме). Никакие другие требования Конгресса, касающиеся налога на соль, земельных отношений и других, соглашение не предусматривало. Его вторая статья гласила, что переговоры о предоставлении Индии независимости переносятся на будущее (при этом не указывалось конкретно — какое). Последний, двадцать первый пункт был сформулирован более определенно: «В том случае, если Конгресс не сможет обеспечить выполнения этого соглашения, правительство предпримет для обеспечения законности и порядка те меры, которые оно считает нужным».

Большинство членов Комитета ознакомилось с соглашением и в принципе одобрило его. С тяжелым чувством разочарования читал соглашение Джавахарлал Неру. Это была капитуляция. Он ожидал, что в соглашении главным будет пункт о предоставлении независимости. За что народ боролся с таким мужеством? За что тысячи, десятки тысяч людей сидели в тюрьмах? Возвратив текст соглашения Ганди и не сказав ему ни слова, Неру ушел. «...На душе у меня было пусто, словно нечто дорогое было утрачено почти безвозвратно», — с горечью вспоминал он. Раджендра Прасад писал: «...все члены Рабочего комитета, за исключением Джавахарлала Неру, приветствовали пакт Ганди — Ирвина. Гандиджи приложил все усилия, чтобы переубедить Джавахарлала, но ничего не добился». Ганди удовлетворился частичными уступками и объявил о прекращении борьбы.

С кампанией гражданского несотрудничества было покончено. Национальный конгресс вновь вступил в контакты с колониальным правительством и государственными учреждениями в центре и на местах. Делийский пакт не принес Индии социального мира ни в городе, ни в деревне. Он не решал ни одной из болезненных проблем страны. Народ был растерян и разочарован. Росло недовольство среди рядовых конгрессистов. Ряд провинциальных комитетов партии не одобрили этого соглашения. В этой обстановке спада национального движения в 1931 году состоялась очередная сессия Конгресса в Карачи — подальше от главных центров затихавшего народного движения. Сессия должна была обсудить результаты делийских переговоров Ганди. Вопрос был щекотливым, и Ганди попросил, чтобы с проектом, одобряющим соглашение Ганди — Ирвина, выступил Джавахарлал Неру. Теперь Ганди предлагал ему защищать на съезде партии непопулярное в народе капитулянтское соглашение. Неру долго колебался, прежде чем согласиться на этот шаг. Он не одобрял соглашения, но боялся разногласий в партии, опасался разрыва между руководством и рядовыми членами и, как он вспоминал

позднее, решился выступить «чуть ли не в последний момент, за несколько минут».

Сессия Конгресса в Карачи большинством голосов одобрила Делийский пакт. Неру эта победа удовлетворения не доставила. Более важным вопросом Джавахарлал Неру считал обсуждение внесенной им резолюции по экономическим вопросам. Дело в том, что в абсолютном большинстве решений партии не предлагалось четкой программы экономической политики, не было там и идеи о взаимосвязи борьбы за политическую независимость и экономические преобразования. Неру предложил важную резолюцию «Об основных правах и экономической программе», которая вносила ясность в этот вопрос. Положение о завоевании экономической независимости как условия подлинного политического суверенитета было особенно важно для Неру. «Последняя резолюция, — подчеркивал он, — особенно интересовала меня. Отчасти это было вызвано ее содержанием и в еще большей степени тем, что она представляла нечто новое в воззрениях Конгресса. До сих пор Конгресс мыслил в чисто националистическом плане и избегал экономических проблем... В резолюции, принятой в Карачи, он сделал еще один шаг в реформистском направлении, высказавшись за национализацию основных отраслей промышленности и коммунальных предприятий и за ряд других мер, направленных на то, чтобы облегчить бремя бедных».

В резолюции подчеркивалось: «Чтобы покончить с эксплуатацией масс, политическая свобода должна включать в себя подлинную экономическую свободу для миллионов голодающих».

Таким образом, Джавахарлал Неру дальновидно поставил условием осуществления подлинного политического суверенитета завоевание экономической независимости, развитие национальной промышленности.

В области политики в отношении промышленности резолюция впервые намечала создание государственного

сектора: «Государство будет владеть ключевыми отраслями промышленности и услуг, минеральными ресурсами, железными дорогами, водными путями, судами и другими средствами транспорта или осуществлять контроль над ними».

Резолюция, также впервые в истории партии, предлагала конкретный путь решения болезненной для Индии аграрной проблемы: «Система землевладения должна быть реформирована. Должна быть справедливо отрегулирована нагрузка на обрабатываемые земли, немедленно предоставлена помощь мелким держателям путем существенного снижения сельскохозяйственной ренты, отмены подоходного налога, и в случае неэкономичности хозяйства оно должно быть освобождено от ренты на необходимый срок».

Конечно, экономическая программа, предложенная Джавахарлалом Неру, не ставила своей целью социалистические преобразования в Индии после завоевания независимости. Он писал по этому поводу: «Капиталистическое государство легко могло бы принять почти все содержащееся в этой резолюции». Но несомненная заслуга Джавахарлала Неру перед индийским национально-освободительным движением заключается в том, что он дал на тот момент наиболее полную, развернутую программу буржуазно-демократических преобразований в области экономики. Эта программа могла стать и стала документом большой мобилизующей силы. Единство борьбы за политическую и экономическую независимость от империализма стало важным теоретическим и политическим завоеванием партии.

После сессии Конгресса в Карачи собралось заседание Всеиндийского комитета Конгресса. Одним из пунктов его повестки дня был вопрос о национальном флаге. Рекомендовано было трехполосное полотнище: верхняя полоса — шафрановая, средняя — белая, а нижняя — зеленая. Каждая полоса олицетворяла цвета основных религий Индии: индуизм, сикхизм и ислам. В центре флага в качестве эмблемы была изображена чаркха.

Активная деятельность еще больше укрепила влияние Неру в Национальном конгрессе и среди всего индийского народа. В его действиях, конечно, была определенная, даже неизбежная непоследовательность (например, его позиция по отношению к Делийскому пакту), но он был антиимпериалистом, он выработал экономическую программу и возглавлял наиболее радикально настроенное крыло партии. К сожалению, это не смогли оценить руководители Антиимпериалистической лиги в Брюсселе, которые выступили с нападками на Неру, обвиняя его в «соглашательстве» и других грехах.

Еще 30 января 1930 года Джавахарлал Неру направил Международному секретариату Лиги большое письмо, в котором с огорчением сообщал: «Странно, что вы избрали для нападков на нас такой момент, когда Конгресс более прогрессивен в своих взглядах, как политических, так и социальных, чем когда-либо раньше, и когда он развернул революционную борьбу. Капиталистические и заминдарские элементы ушли и открыто стали на сторону британского правительства. Многие состоятельные адвокаты и учителя держатся в стороне от нас, боясь быть втянутыми в борьбу за независимость. Многие депутаты с большим стажем постепенно отошли от нас из-за той же болезни, а также потому, что Конгресс стал массовой организацией и развивает социалистические воззрения. Сегодня Конгресс, несмотря на это дезертирство, сильнее, чем он был когда-либо с 1921 года, и может стать еще более сильным. И этот критический момент вы избрали для атак и для того, чтобы вызвать раскол... Четыре дня тому назад страна отпраздновала по призыву Конгресса День независимости. Это празднование приняло широкий размах, и успех превзошел наши ожидания. Миллионы участвовали в этом празднестве. В вашем обращении по этому поводу вы призывали, чтобы руководство празднеством было вырвано из рук Конгресса. Какое странное отношение к примыкающей организации. К счастью, ваш циркуляр ни на кого не оказал влияния, и

празднование способствовало еще большему росту престижа конгрессовских организаций... Мы ценим ваши мотивы и верим, что вы искренне желаете свободы для Индии. Но ваши хорошие и серьезные мотивы не вытекают из знания действительного положения в стране и могут поэтому принести вред нашему движению... Сегодня в Индии могут быть две партии — те, кто сотрудничает с Конгрессом за независимость Индии, и те, кто прямо или косвенно выступает против Конгресса и тем самым помогает британскому правительству. Конгресс оказал мне высокую честь, избрав своим председателем на год, и возложил на г-на Ганди руководство движением. Согласны ли вы с ним или не согласны, вы должны понять, что он является единственно возможным лидером сегодня, и таково убеждение, по меньшей мере, огромного большинства народа, хотя многие не во всем с ним согласны... Вы оказали мне честь, избрав меня в члены Исполкома. Я не в состоянии сделать многое, поскольку не могу участвовать в ваших заседаниях. Тем не менее я готов остаться в Исполкоме Лиги, если вопрос о положении некоммунистов в Лиге стал яснее. В противном случае прошу считать это мое письмо заявлением о выходе из совета Лиги».

Вскоре он получил сообщение из Брюсселя о том, что на состоявшемся заседании бюро Антиимпериалистической лиги он был специальным решением исключен из его членов за содействие заключению капитулянтского Делийского соглашения.

Нужно сказать, что сама Антиимпериалистическая лига испытывала на себе усиливавшееся давление сталинских сектантских установок, сказавшихся, в первую очередь, на деятельности Коминтерна. Коминтерн и коммунисты, сотрудничавшие с Лигой, вытесняли из нее демократических лидеров буржуазно-либерального толка, что не могло не ослабить ее влияния в широких массах.

Неру писал: «В последующие годы Антиимпериалистическая лига более сблизилась с коммунистами, хотя, на-

сколько мне известно, она никогда не утрачивала своего самостоятельного характера. Я мог поддерживать связь с ней лишь путем переписки. В 1931 году Лига чрезвычайно рассердилась на меня за ту роль, которую я сыграл в делийском перемирии между Конгрессом и английским правительством в Индии, и торжественно объявила о моем отлучении, или, точнее говоря, приняла специальную резолюцию о моем исключении».

«Я должен признаться, — самокритично писал Неру, — что у нее был для этого серьезный повод, но она могла все же предоставить мне какую-то возможность объяснить мои действия». Решение Лиги огорчило Неру, так как ослабляло интернационалистские связи индийского народа. А в Индии начинались новые бои.

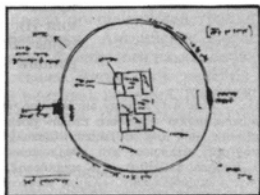

Рисунок барака № 6
тюрьмы Наунни
(из дневника Дж. Неру)

● ЕЩЕ ОДНА КАМПАНИЯ НЕНАСИЛЬСТВЕННОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ ● СМЕРТЬ ЖЕНЫ ●

Летом 1931 года в Лондон для участия во второй конференции «круглого стола», на которой индийцы предполагали высказать свои претензии английскому правительству, отбыла делегация Индии. Национальный Конгресс в ней представлял М. К. Ганди¹. Руководители британской колониальной политики хотели продемонстрировать индийскому народу свою «добрую волю», вступив в переговоры с его признанным лидером, и тем самым сбить накал национально-освободительного движения, а в случае неудачи конференции возложить вину на «несговорчивого» Ганди и других представителей общественного мнения Индии. Позиция английской стороны была определенной — конференция мыслилась как отвлекающий

¹ Еще в 1929 году английское правительство предложило собрать на конференцию «круглого стола» представителей индийских политических организаций для обсуждения доклада комиссии Саймона. Национальный конгресс отклонил это предложение. Первая конференция состоялась в Лондоне в 1930 году. С индийской стороны были представлены князь, Мусульманская лига, «Хинду махасабха», Либеральная федерация и Федерация «неприкасаемых».

маневр, за которым скрывалась основная цель — оставить все по-прежнему и ослабить влияние противников британского радж (правления — Авт.) любыми средствами.

Конференция сразу потекла по заранее подготовленному в Лондоне сценарию: вопрос о предоставлении Индии независимости был сознательно лишен подобающего ему внимания, тогда как на первом плане оказалась проблема национальных меньшинств и взаимоотношения религиозных общин. Устроители конференции рассчитывали на то, что им удастся завести индийских представителей в дебри взаимных споров и разногласий по этим действительно сложным и не решенным в Индии вопросам.

Ганди прозорливо понял стратегический замысел опытных британских дипломатов. Он заявил, что эти болезненные проблемы при всей их важности являются вторичными, а основным, главным вопросом является вопрос самоуправления Индии. «Я ни минуты не сомневаюсь, — заявил он, — что айсберги общинной розни растают под солнцем свободы». Конференция «круглого стола» зашла в тупик: английская сторона не желала решить вопрос о предоставлении Индии независимости, индийской же никак не удавалось найти пути разрешения проблем национальных меньшинств и религиозных общин. Ганди отказался от участия в бесплодной конференции.

Итоги, а точнее отсутствие итогов конференции «круглого стола» вызвали возмущение в индийском народе. В ряде городов еще до возвращения Ганди прошли демонстрации протеста и политические забастовки. Английские колониальные власти, нарушив условия Делийского пакта, снова прибегли к репрессивным действиям. Вновь были переполнены тюрьмы и гремели залпы винтовок полиции, расправлявшейся с мирными демонстрантами. Правительство обрушило на народ Индии удар более сильный, чем в памятные дни 1930 года.

Джавахарлал Неру вместе с видным конгрессистом из Бихара Раджендрой Прасадом выехал, чтобы встретить

Ганди в Бомбее. Но не успели они отъехать от Аллахабада, как на небольшой станции в их вагон вошли полицейские. Джавахарлалу с вежливой издевкой предложили пересестись из купе поезда в «черную Марию», как называли в Индии тюремный автомобиль. Он вновь оказался в тюрьме в Наини. Очередное заточение Неру длилось почти два года.

Между тем по решению Рабочего комитета Конгресса в стране началась новая кампания гражданского несотрудничества. «Правительство бесстыдно нарушило Делийский пакт...— заявил Ганди.— Нация должна ответить на этот вызов». Он одобрил решение Рабочего комитета Конгресса и призвал свободные народы мира и их правительства проявить солидарность с борющейся Индией. 4 января 1932 года власти арестовали Ганди и заточили его в тюрьму.

Несмотря на то что кампания гражданского несотрудничества проходила в третий раз, в сознании колонизаторов не укладывалось, почему торговцы закрывают свои лавки, отказываются торговать и получать прибыль; верой и правдой стоявшие ранее на страже порядка судьи сознательно нарушали законы и шли в тюрьму; знатные люди отказывались от своих громких и почетных титулов и званий. Огромная страна самозабвенно следовала призывам маленького, тщедушного, бедно одетого человека, возведенного народом в ранг пророка и отца нации.

Сама идея несопротивления злу насилием стара как мир. Она лежит в основе догматов почти всех религий, в том числе индуизма, сикхизма и буддизма. Ганди, как никто другой до него, использовал близкую религиозному сознанию населения Индии идею ненасилия как средство массовой борьбы против английских колониальных порядков. Для пробуждения национальных чувств угнетенного народа, для его объединения в антиколониальной борьбе идеи гандизма, несомненно, сыграли на определенном этапе свою положительную роль. Однако с неизбежным перерастанием в ходе упорной и непрерывающейся борьбы национального самосознания в классовое идеи ненасильственной борьбы

утрачивали свое первоначальное значение. В. И. Ленин, непревзойденный стратег и тактик революционной борьбы, видел задачу боевой партии в том, чтобы «превратить пассивное состояние гнета в активное состояние возмущения и восстания». Ганди, как бы споря с Лениным, боялся перехода от пассивности ненасильственного сопротивления к активным методам классовой борьбы. Он опасался, как бы классовая борьба не разрушила национальный консенсус, являвшийся, по его мнению, основой борьбы за независимость. Начавшаяся третья кампания зримо обнаружила слабости этой формы выступления народных масс, которые уже начинали понимать, что ее победный исход маловероятен. Перед индийским народом вставали и не находили ответа мучительные вопросы: почему Ганди, так много и искренне говоривший о своем стремлении помочь обездоленным и угнетенным, терпимо относится к системе, которая основана на эксплуатации и угнетении? Почему он провозглашает принцип ненасилия и одновременно поддерживает социальный строй, фундаментом которого являются эксплуатация и принуждение? Эти вопросы задавал себе в тюрьме и Джавахарлал Неру. Они вставали перед ним остро и неотступно.

«...Я сознавал, — пришел к выводу Неру, — что по многим вопросам у меня имеется ясная и определенная точка зрения, противоположная его взглядам». И все же другие формы борьбы он принять не хотел и не мог. «Я не был безоговорочным сторонником доктрины ненасилия и не принимал ее на века вечные, — писал Неру, — но она все больше привлекала меня, и во мне крепло убеждение, что при нашем положении в Индии, с нашим прошлым и нашими традициями это было для нас правильным политическим курсом».

В рассуждениях Неру очевидны внутренние противоречия индийского лидера: с одной стороны, он понимал, что трудно противостоять колониальной машине принципами ненасилия, с другой — он опасался последствий разрушительной силы народной стихии.

Нужно сказать, что колониальные власти, испытавшие в кампаниях 1920 и 1930 годов определенную растерянность, сумели на этот раз подготовить свой репрессивный аппарат к решительным действиям. Был издан закон, ограничивающий печать, и закон о специальных полномочиях властей, равносильный введению военного положения. Национальный конгресс был объявлен вне закона, а его штаб-квартира в Аллахабаде «Сварадж Бхаван» конфискована. Был запрещен траурный митинг памяти Мотилала Неру.

Одновременно с репрессиями англо-индийские власти затеяли новые политические маневры, стремясь вызвать распри в отношениях между религиозными общинами, рассчитывая свести антиколониальные выступления масс к столкновениям на религиозной почве, — после консультаций с лидерами индийских общинных партий английское правительство Р. Макдональда одобрило Закон об общинном представительстве в индийских законодательных органах. Религиозная разобщенность индийцев теперь переносилась в сами «органы власти». Ганди решил нейтрализовать английские маневры по противопоставлению «кастовых индусов» «неприкасаемым» — хариджанам — беднейшим и самым бесправным слоям индийского общества. О своем намерении Ганди предварительно уведомил премьер-министра Англии Р. Макдональда, однако тот их проигнорировал. Ганди решил начать борьбу единственно возможным в тюрьме способом — объявить голодовку протеста.

Во время голодовки Ганди направил телеграмму Неру, в которой сообщал: «В течение всех этих дней страданий Вы стоите перед моим мысленным взором. Очень хочу знать Ваше мнение. Вы знаете, как я ценю Ваше мнение. Видел Инду (и) детей Сварупы. У Инды счастливый и более здоровый вид¹. Чувствую себя очень хорошо. Телеграфируйте ответ. Шлю свою любовь».

¹ Инда — Индира, дочь Джавахарлала Неру, перенесшая накануне его ареста болезнь. Сварупа — его сестра, находившаяся в тюрьме за участие в кампании гражданского неповиновения.

Джавахарлал послал в ответ телеграмму следующего содержания: «...Первые известия о принятом Вами решении объявить голодовку вызвали душевные страдания и смятение, но в конечном счете оптимизм восторжествовал, и я вновь обрел душевный мир. Никакая жертва не является слишком большой, если она принесена ради угнетенных, обездоленных каст. О свободе нужно судить по степени свободы самых низших, но я опасаюсь, как бы другие проблемы (то есть вопрос о британском владычестве — *Авт.*) не отодвинули на задний план единственную цель. Не могу судить об этом с религиозной точки зрения... Шлю свою любовь».

Эти телеграммы свидетельствуют об огромном уважении, с которым относились друг к другу оба выдающихся лидера индийского национально-освободительного движения и об их полном взаимном доверии, несмотря на расхождения в тактике. Ганди голодал три недели. Газеты широко оповестили о решении Махатмы бороться против религиозной розни таким способом. В Пуну, где содержался в Иервадской тюрьме Ганди, прибыли руководители Конгресса и великий бенгальский поэт Рабиндранат Тагор. Их попытка уговорить Ганди бросить голодовку не имела успеха. Начавшиеся в стране широкие волнения в связи с голодовкой Ганди, прямая угроза его быстрой кончины подстегивали ход переговоров между лидерами организации «неприкасаемых», индуистской общинной партией «Хинду махасабха» и Конгрессом. В результате в Пуне был подписан соответствующий пакт. Однако Махатма все еще не прекращал голодовки: он требовал официального одобрения «пунского пункта» английским правительством. В Лондон на Даунинг-стрит, 10, отправлялись спешные депеши. Ответная телеграмма от премьер-министра Р. Макдональда пришла 26 сентября 1932 года.

Раджендра Прасад вспоминал о том, как они получили известие об этом решении, и о конце голодовки Ганди: «Все мы, находившиеся там, начали молиться. Рабиндранат спел песню и дал нам свое благословение. Затем Гандиджи

выпил несколько глотков апельсинового сока и тем прекратил голодовку». Вся страна приняла это известие с большой радостью. Голодовка Ганди укрепила его авторитет в народе и в Конгрессе, который пошатнулся после непонятого и не принятого массами Делийского пакта.

В середине 1933 года Неру был освобожден из тюрьмы и, вернувшись домой, написал серию статей под многозначительным заголовком «Куда идет Индия?». В этих статьях — трудные поиски пути, по которому должна, по мнению Неру, идти Индия, его понимание содержания независимости и средств ее достижения. Он спрашивал: «Чего мы добиваемся? Свободы? Свараджа? Независимости? Статуса доминиона? Эти слова могут означать и много, и мало, и вообще ничего не означать». Джавахарлал резонно рассуждал, что в борьбе за сварадж крестьяне мечтали о получении своей земли, рабочий класс — о праве на человеческие условия жизни и по достоинству оплачиваемый труд, национальная буржуазия — о свободном предпринимательстве и избавлении от иностранной конкуренции. Интересы каждого класса и каждой социальной группы накладывали свой отпечаток на свойственное ему понимание политической независимости. Неру пришел к важному заключению, что, несмотря на все эти различия, есть то основное и главное, что определяет содержание национально-освободительной борьбы. Это политическая и экономическая независимость. Он писал: «Если есть что-либо поучительное в истории, то оно состоит в том, что политические взгляды групп и планов определяются их экономическими интересами».

Несомненно, этот подход к пониманию борьбы за независимость был новаторским. Тогда большинство руководителей Конгресса еще не соединяли в своих теоретических рассуждениях и практической деятельности борьбу за политическую и экономическую независимость. Неру же высказался четко и с полной определенностью: «Все основы и все мотивы национального движения вытекают из жела-

Семья М. Неру

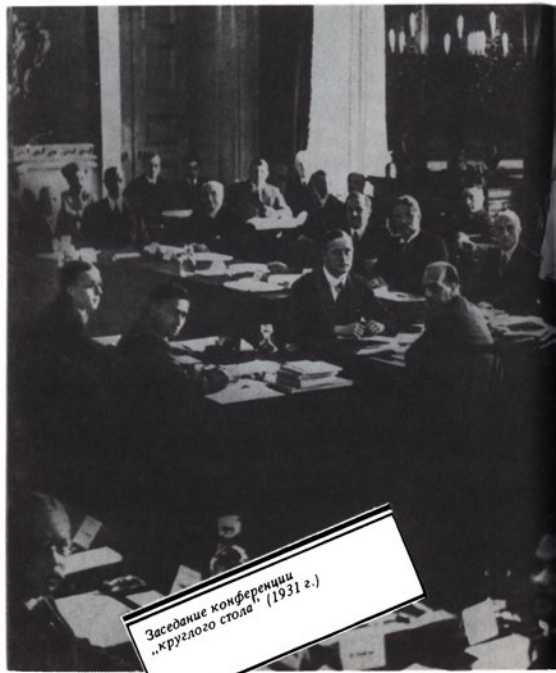

Джавахарлал и Камала Неру
с маленькой Индирой

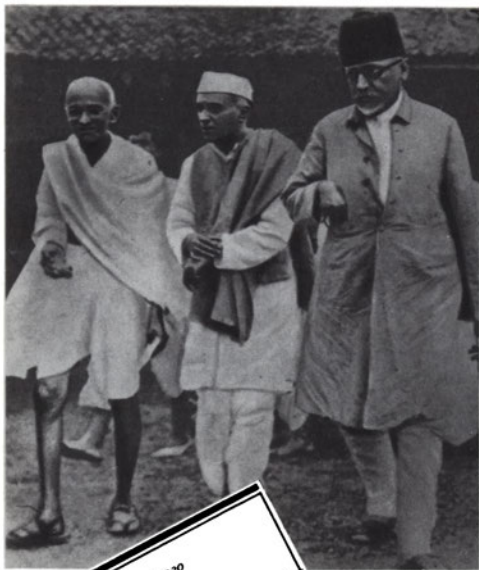
Дж. Неру
выступает перед крестьянами
„Соляной поход“
М. Ганди

Заседание конференции
„круглого стола“ (1931 г.)

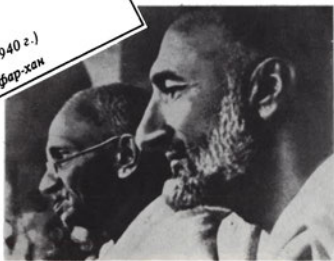

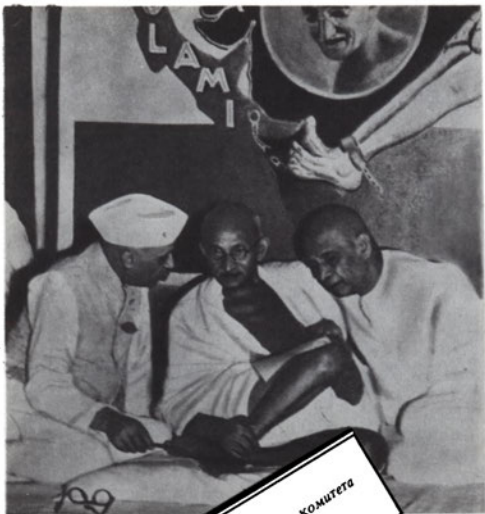

Деятели
Индийского национального
конгресса – М. Ганди,
Дж. Неру, А. К. Азад

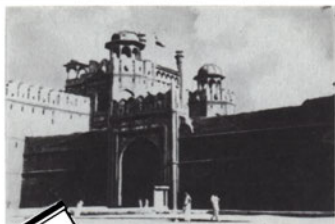
Неру, Ганди и С. Ч. Бос
следуют на заседание
Рабочего комитета
Конгресса (Вардха, 1940 г.)
Ганди и Абдул Гаффар-хан

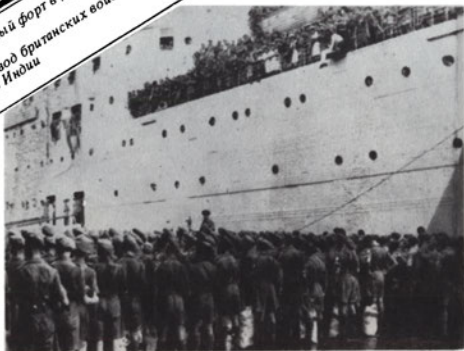

Неру,
Ганди и В. Пателъ
на заседании Всеиндийского комитета
Конгресса (Бомбей, 1946 г.)

Красный форт в Дели
Вывод британских войск
из Индии

Дж. Неру —
первый премьер-министр
независимой Индии

С Уинстоном Черчиллем
в Лондоне
(октябрь 1948 г.)

Дж. Неру
подписывает конституцию
Республики Индии

Дж. Неру с И. Ганди
у Мавзолея В. И. Ленина
(1955 г.)

В Московском метро

Аэродром Палам.
Премьер-министр Дж. Неру
и вице-президент республики
С. Радхакришнан приветствуют
главу Советского правительства
Н. С. Хрущева (1960 г.)

Библиотека им. Неру,
входящая в комплекс
Мемориального музея в Нью-Дели
Кабинет Неру
в Мемориальном музее

ния добиться экономических сдвигов, из желания сбросить бремя, которое несут на себе массы, и желания покончить с эксплуатацией индийского народа. Если это бремя останется и увеличится еще больше, то не потребуется особых усилий, чтобы понять: борьба будет не только продолжаться, но и интенсивно возрастать. Личности и лидеры могут появляться и исчезать, они могут устать или поддаться слабости, они могут заключать компромиссы или совершать предательства, но эксплуатируемые и страдающие массы вынуждены продолжать борьбу, ибо наставником является голод».

Всего пять месяцев пробыл на свободе Джавахарлал Неру. В феврале 1934 года он был вновь арестован, приговорен к двухгодичному заключению и направлен в центральную Алипурскую тюрьму близ Калькутты. Влажная изнуряющая жара Бенгалии губительно действовала на здоровье узника, и по его просьбе в мае месяце он был переведен в Дехрадун, небольшой город в предгорьях Гималаев. Там Джавахарлал Неру почувствовал себя лучше. По утрам он кормил пару скворцов и скоро совсем приручил их. Они прилетали к нему каждый день и, садясь на маленькое окно камеры, шумным щебетанием требовали пищи. Подружился Джавахарлал и с маленькой шустрой белочкой, которая настолько привыкла к нему, что ловко и озорно забиралась к нему на руки и прыгала на стол, путая разложенные на нем бумаги.

Обреченный на вынужденное бездействие в тюрьме, Неру не сложил оружия и продолжал борьбу своим пером. Он начал писать большую работу, которую назвал «Автобиография». В ней — глубокие и эмоциональные раздумья о смысле жизни и о своем месте в ней. Позади были 44 года, наполненные трудной борьбой и тюрьмами. Адвокатскую практику, к которой он себя подготовил, он не вел. Его семья была фактически всегда на иждивении отца, которого не стало. Власти грозили конфисковать их дом, чтобы наказать его за враждебное отношение к существующим порядкам.

Все, что он делал и за что боролся, он делал ради Индии и ее народа. Иногда его одолевали сомнения и он писал: «Я чувствовал себя одиноким и бесприютным, и Индия, которой я отдал свою любовь и ради которой я трудился не покладая рук, казалась мне чужой и непонятной». Но Неру преодолевал минуты слабости и верил, что народ его страны, пробужденный от колониальной летаргии, сбросит иноземное иго, приступит к строительству новой жизни и займет достойное место в огромных преобразованиях, которые вершились в этом растревоженном мире. Он с надеждой думал: «Может быть, и мне в моем уголке мира удастся сыграть какую-то небольшую роль в грядущих великих преобразованиях».

Но больше, чем о себе и о своем месте в жизни, Джавахарлал Неру думал и писал о путях развития Индии. Он пытался вновь и вновь осмыслить бурную эпоху, переживаемую человечеством и в сонмище идей и теорий определить те, которые помогут освобождению его родины. Он пытался сравнить, сопоставить пути, которым шли страны Западной Европы, Соединенные Штаты Америки, Советская Россия и Япония, и применить их к условиям грядущего строительства в Индии нового общества. Он старался быть предельно объективным и занять позицию заинтересованного, но как бы стороннего наблюдателя. Это было трудно, ибо, думая о путях развития стран Западной Европы, он неизменно возвращался к примеру Англии. «Я лично слишком многим обязан Англии в своем духовном развитии,— признавался он себе,— чтобы когда-либо почувствовать себя совершенно чужим ей». И все же, объективно взвесив достижения и неудачи прошлого и настоящего этих стран, Неру пришел к твердому и продуманному убеждению. «При всех своих ошибках Советская Россия преодолела огромные трудности и сделала большой шаг к созданию этого нового строя. В то время когда остальной мир задыхался в тисках депрессии и в некоторых отношениях возвращался вспять, в Советской стране на наших глазах созидался но-

вый большой мир. Следуя заветам великого Ленина, Россия заглянула в будущее и думала только о том, что должно быть, тогда как другие страны лежали придавленные мертвой рукой прошлого и тратили свои силы на то, чтобы сохранить бесполезные реликвии минувшей эпохи. На меня, в частности, произвели сильное впечатление сообщения о больших успехах, достигнутых при Советской власти в отсталых районах Средней Азии. Поэтому в конечном счете я был всецело на стороне России; существование и пример Советского Союза были светлым и отрадным явлением в темном и мрачном мире».

В «Автобиографии» Джавахарлал Неру рассуждал и о причинах неудач ненасильственного движения за сварадж и видел их, в частности, в расплывчатости понятия «сварадж», в нечеткости конечных целей борьбы, в еще недостаточно широком участии и, главное, слабой сознательности политического действия масс. Он подчеркнул: «Главная идея, лежавшая в основе требования о независимости, заключалась в том, чтобы заставить народ понять, что мы боремся за создание совершенно нового политического строя, а не просто индизианского издания нынешнего строя (с сохранением за кулисами английского контроля), которое означает собой статус доминиона... Так я думал тогда. Теперь я добавил бы к этому, что, по моему мнению, подлинная политическая свобода едва ли придет к нам сама собой. Когда она придет, она принесет с собой также в значительной степени и социальную свободу».

Дж. Неру пришел к следующему выводу: «Политическая свобода, независимость, без сомнения, имели существенно важное значение, но это были только шаги в верном направлении; при отсутствии социальной свободы и социалистического строя общества и государства ни страна, ни человеческая личность не могли свободно развиваться».

В книге Джавахарлал Неру вспоминал о своих знакомствах с политическими деятелями других стран и беседах с ними. Ему становилась все более очевидной связь между

борьбой прогрессивных сил мира против империализма и судьбами национально-освободительного движения в Индии. Он писал в «Автобиографии» о совместных действиях угнетенных народов, о том, что «борьба за свободу есть общая борьба против общего противника — империализма и что для этой цели желательно совместно выработать план действий, а по возможности и предпринять совместные действия». Кто мог взять на себя титанический труд и огромную смелость возглавить борьбу тяжелого на подъем многомиллионного инертного, парализованного многолетним рабством народа? Неру признавал: общество можно переустроить, лишь преодолев господствовавшие испокон веку в народной традиции настроения фатализма, зависимости от божественной «судьбы», бессилия что-либо изменить. Он сомневался, что добиться глубоких преобразований в общественной жизни, подлинного национального единства, утверждения общенациональной политической культуры можно, основываясь на ценностях и принципах классического либерализма. Неужели индийские либералы считали, что своими визитами в Лондон и бесчисленными петициями они, обращаясь к совести и добрым чувствам колонизаторов, выпросят свободу Индии? Нет. Неру видел, во-первых, что «индийские либералы обладают поразительным даром видеть мир и, в частности, собственную страну всегда только сквозь английские очки». Во-вторых, «либерализм повсюду доказывал свою полную неспособность справиться с современным положением. Он цеплялся за слова и фразы, воображая, что они могут заменить действие».

Джавахарлал Неру не принимал и пути диктатуры пролетариата с неизбежно острой классовой борьбой, который предлагали коммунисты. Он не верил в силу и возможности гегемонии индийского рабочего класса, хотя, читая работы его идеологов, вынужден был признать: «...высказывания об общеполитическом положении в Индии, сделанные коммунистами, оказались на редкость правильными».

Отношение Неру к научному социализму и коммунистам было неоднозначным. Он видел историческую справедливость социализма и ценил самоотверженную борьбу коммунистов, но не мог понять и принять репрессий, творившихся в Советском Союзе, и догматизма в теории, утвердившегося в общественной мысли в СССР. «Если говорить о выборе между фашизмом и коммунизмом,— писал он,— то мои симпатии находятся целиком на стороне коммунизма. Как показывают эти страницы, я очень далек от того, чтобы быть коммунистом. Истоки моего мировоззрения, вероятно, все еще частично восходят к XIX столетию, либеральные гуманистические традиции оказали на меня слишком большое влияние, чтобы я мог совсем от них освободиться. Это буржуазное воспитание неотделимо от меня и, естественно, вызывает раздражение у многих коммунистов. Мне не нравится догматизм, отношение к трудам Карла Маркса или каким-либо другим книгам, как к непогрешимому священному писанию, регламентация жизни и травля инакомыслящих, составляющие, видимо, характерную черту современного коммунизма. Мне не нравится также многое из того, что произошло в России, и особенно чрезмерное применение насилия в обычной обстановке, и все же я больше склоняюсь к коммунистической философии». Не зная подробностей начавшихся сталинских репрессий, Неру тем не менее предвидел губительность их последствий для прогресса советского общества. «Я слишком мало знаю и не могу судить об их действиях,— сомневался он.— Больше всего я опасюсь, что чрезмерное применение насилия и мер подавления может иметь плохие последствия».

Не строя иллюзий в отношении непоследовательной деятельности либеральной буржуазии и помещиков, не соглашаясь со стратегическими и тактическими принципами рабочего класса, Джавахарлал Неру пришел к следующему теоретическому и политическому выводу: «...в современной Индии самой революционной силой является интеллигенция, связанная со средними классами».

Работа над книгой помогла Джавахарлалу Неру глубже осмыслить и четче сформулировать свои теоретические взгляды. Выход ее в свет стал важным событием в идейной борьбе, которая не прекращаясь велась в Индии. Для Индии эта книга стала символом ее борьбы.

Между тем третья кампания гражданского неповиновения подлинно массового, всеиндийского широкого размаха не получила. Правые элементы возобладали в руководстве Конгресса и не хотели обращаться к народным массам. «Никогда еще за последние пятнадцать лет со времени зарождения несотрудничества, — пришел к выводу Неру, — лидеры Конгресса не высказывались в столь ультраконституционном духе. Даже свараджистская партия середины 20-х годов, которая сама явилась продуктом реакции, была значительно более передовой, нежели новое руководство».

Правые не только не возглавили движение несотрудничества, но и предприняли шаги к участию в очередных выборах в Центральное законодательное собрание. Возродилась свараджистская партия — партия легальной парламентской борьбы. Ганди не пытался приостановить нисходящий ход событий, изменить положение дел в Конгрессе и выбросил белый флаг. 7 апреля 1934 года он опубликовал печально знаменательное заявление: «...Я должен рекомендовать всем конгрессистам отказаться от гражданского сопротивления, осуществляемого во имя осуществления свараджа, кроме случаев выступлений против частных несправедливостей. Конгрессисты должны предоставить это дело мне одному. При моей жизни оно может быть продолжено другими только под моим руководством, если, конечно, не появится человек, который сможет претендовать на то, что он знает эту науку лучше меня, и который внушает доверие. Я выражаю это мнение как основоположник и инициатор сатьяграхи. Отныне, таким образом, те, кто был побужден к гражданскому сопротивлению во имя достижения свараджа по моему совету — данному непосредст-

венно мной или же полученному косвенным путем,— пусть воздержится от гражданского сопротивления».

Прекращение Ганди «сатьяграхи» глубоко поразило многих ее участников, которые увидели в этом акте бесславную капитуляцию. Это решение внесло смятение в среду многих лидеров партии. Джавахарлал Неру узнал о решении Ганди в тюрьме. Он воспринял его «как удар кинжала», оно показалось ему «чудовищным».

«Внезапно я ощутил с острой болью,— писал Неру,— что узы верности, столь долго привязывавшие меня к нему, порвались. В душе моей уже давно шла упорная борьба. Многие из того, что делал Гандиджи, я не понимал или не одобрял». Особенно раздражало Джавахарлала стремление Махатмы увести борьбу в сторону от ранее намеченного пути, делать непредсказуемые и непонятные зигзаги. Таким было и это решение Ганди.

Неру немедленно направил Ганди письмо, полное горечи и недоумения. «Итак, знамя индийской свободы в самой торжественной обстановке передано в руки тех, кто по требованию противника фактически спустил его в разгар нашей национальной борьбы, кто кричал на всех перекрестках о своем отказе от политики — ведь политика была тогда делом отнюдь не безопасным,— но кто сразу же пробился в первые ряды, когда политическая деятельность перестала быть опасной.

А что можно сказать о тех идеалах, к которым они стремятся, выступая, как правило, от имени Конгресса и нации? Жалкая мешанина, попытки обойти реальные вопросы, затушевать и отодвинуть, насколько они могут себе позволить, даже политическую цель Конгресса, проявления трогательной заботы о судьбе своих капиталовложений, готовность склониться перед заклятыми врагами свободы; но в то же время они проявляют огромное упорство и храбрость, когда имеют дело с передовыми и отважными борцами из рядов самого Конгресса». Конечно, влияние Ганди на Джавахарлала Неру сохранилось, но прежнего безусловного

преклонения перед непогрешимостью Махатмы у него уже не было.

Впрочем, не будем спешить с выводами. Можно, разумеется, пенять на нерешительность Ганди, его склонность к компромиссам с властями. Однако не будем забывать, что движение за независимость было сложной и вероятностной «игрой-борьбой», где каждый новый шаг и новое действие одновременно означали и приближение заветной цели, и отсрочку ее. Один из самых искусных политиков XX столетия, М. К. Ганди хорошо представлял себе индийское общество, прекрасно зная сильные и слабые стороны народа и, исходя из этих представлений, принимал решение о начале кампании несотрудничества либо о ее свертывании. Не забудем также и о том, что в ряде случаев тактика ненасильственного сопротивления блестяще себя оправдала.

Отношения Джавахарлала Неру и М. К. Ганди — удивительное явление. Казалось непостижимым, как два человека, разделенные двадцатью годами в возрасте, полной несхожестью характеров, различием в воспитании, с неодинаковыми мировоззренческими позициями, оба с яркой индивидуальностью, возможно даже психологически несовместимые, как эти два человека могли столь продолжительное время работать вместе, удачно дополняя друг друга? Безусловно, они были нужны друг другу, ибо имели общую исходную точку — служение своему народу и общую конечную цель — достижение Индией независимости. Ганди дал индийцам веру, Неру — знание. Ганди обращался к сердцу, Неру — к разуму, Ганди предлагал жертвенность, Неру — борьбу. Но это был отнюдь не утилитарный политический расчет, это было нечто более высокое и благородное — душевное тяготение людей, имевших общее и благородное назначение в жизни.

Демократические силы Индии пытались найти причину поражения кампании ненасильственного сопротивления и приходили к заключению, что она кроется, во-первых, в пораженческой деятельности правых лидеров Конгресса и,

во-вторых, во внутренней слабости самой формы пассивного несотрудничества с властями, ибо она не обеспечивала решения ни национальных, ни, тем более, социальных задач. Среди левых деятелей Конгресса начались поиски новых путей и более эффективных методов антиимпериалистической борьбы.

Джавахарлал Неру пришел к выводу: «В политическом отношении тактика ненасилия пока не увенчалась успехом, ибо Индия все еще зажата в тисках империализма. В социальном же отношении эта тактика и не предусматривала радикальных изменений». Выход из создавшегося положения левые конгрессисты видели в демократизации Национального конгресса и активизации деятельности широчайших слоев населения. Они предлагали создать широкий антиимпериалистический фронт всех партий, организаций и групп (включая коммунистов), способных к борьбе и признающих руководящую роль Конгресса. Опираясь на этот боевой фронт, считали они, Индия способна добиться полной независимости и созвать Учредительное собрание, которое изберет национальное правительство. Освободившаяся от колониальной зависимости Индия приступит, по мнению левых конгрессистов, к строительству социалистического общества. Это был новый путь, который был предложен Индии. Конечно, ясных ориентиров на нем обозначено не было, четких формулировок не дано, но сам факт обращения левых конгрессистов к социализму, как самой справедливой и перспективной социальной системе, знаменателен. Первые конгресс-социалистические организации возникли в 1934 году. В октябре месяце этого года в Бомбее была созвана первая общендийская конференция конгресс-социалистов, принявшая программу и устав этой партии, действовавшей в рамках Национального конгресса.

Новое демократическое течение внутри Конгресса, выдвинувшее социалистические лозунги, группировалось вокруг своего признанного лидера — Джавахарлала Неру. Это понял и оценил М. К. Ганди. В своем письме к человеку

консервативных убеждений сардару Пателю он, в частности, писал: «...существует растущая группа социалистов. Джавахарлал Неру является их авторитетным лидером. Мне хорошо известно, к чему он стремится и за что борется... Члены социалистической группы в большей или меньшей степени разделяют его взгляды, хотя их практические действия, вероятно, не вполне согласуются с его представлениями. Влияние и роль этой группы, несомненно, будут и впредь возрастать... У меня с социалистами существуют коренные расхождения по той программе, которую они изложили в написанных ими брошюрах. Однако, сознавая то, что своим поведением я мог бы оказать на многих моральное давление, я не стал препятствовать распространению идей, пропагандируемых в литературе социалистов».

Ганди видел поляризацию сил в Конгрессе и для сохранения за собой «полной отрешенности и абсолютной свободы действий» 17 октября 1934 года решил выйти из Конгресса. Этот демарш ни в коей мере не означал отхода Ганди от активной политической деятельности и от фактического руководства Конгрессом.

Решение М. К. Ганди выйти из Конгресса всполошило делегатов сессии Конгресса, собравшихся в октябре 1934 года на очередную сессию в Бомбее. Конгресс принял резолюцию, в которой подчеркнул, что он «...безусловно убежден в том, что Ганди следует пересмотреть свое решение о выходе из Конгресса. Но поскольку все попытки убедить его в этом оказались безуспешными, данная сессия Конгресса, весьма неохотно соглашаясь с его решением, отмечает то глубокое чувство благодарности, которое Конгресс питает к нему за огромные услуги, оказанные им нации, и с удовлетворением принимает к сведению, что Конгресс в случае необходимости всегда сможет пользоваться его советами и руководящими указаниями».

И выйдя из Конгресса, М. К. Ганди следил за деятельностью Неру и его сторонников по Конгресс-социалистической партии Конгресса, стараясь сохранить

в отношении их свое влияние. В 1934 году, когда Неру находился в тюрьме, а его друзья обсуждали возможности социалистического развития Индии, Ганди советовал им не торопиться с радикальными планами. Он писал: «Я убежден, что если бы он был среди нас, то он бы, как говорится, поспешал медленно. Я советую вам предложить стране практический социализм, соответствующий индийским условиям, вместо того социализма, о котором говорится в вашей программе. Я рад, что программа, с которой вы меня ознакомили, является лишь проектом, правда, подготовленным авторитетным комитетом, созданным специально для этой цели. Вы поступите благоразумно, если при окончательной доработке своей программы вступите в непосредственное общение с теми людьми, которые сочетают свои социалистические устремления с опытом работы в реальных условиях».

Движение за сплочение антиимпериалистических сил продолжало крепнуть. В конце 1934 года Конгресс-социалистическая партия, Всеиндийский конгресс профсоюзов, Красный конгресс профсоюзов и Национальная федерация профсоюзов объединились на антиимпериалистической основе совместных действий. Росли антиимпериалистические настроения и внутри самого Национального конгресса.

Колонизаторы предприняли очередной конституционный маневр: в августе 1935 года был опубликован новый закон об управлении Индией. Разработку этого закона ускорило развитие таких процессов, как, во-первых, укрепление позиций коммунистов в организованном рабочем и крестьянском движении, а также в деятельности объединений творческой интеллигенции; во-вторых, постепенное формирование неоднородного, но все более усиливавшегося левого и левоцентристского крыла в Национальном конгрессе, включая группировки Дж. Неру, С. Ч. Боса, конгресс-социалистов; в-третьих, изменение международной ситуации, в частности подъем освободительного движения в Азии (Вьетнам, Бирма, Индонезия). По этому закону, вступившему

в силу 1 апреля 1937 года, вся законодательная и исполнительная власть сохранялась за английской администрацией, вопросы международных отношений и обороны оставались также в руках Англии. Закон предусматривал создание законодательных собраний в провинциях Индии, которые формировали местные правительства. Этот шаг открывал определенные возможности расширения местного представительства в органах власти, значительно расширяя избирательный корпус: согласно закону, правом голоса отныне наделялись 35 миллионов индийцев. Английские правящие круги, однако, безраздельно владели ключевыми политическими и экономическими рычагами и не позволяли себе произвести никаких значительных социально-экономических изменений в Индии. Джавахарлал Неру охарактеризовал новый закон как обман ожиданий Индии, так как «представители индийского народа лишались малейшей возможности воздействовать на находящийся под английским контролем государственный аппарат или изменять его. Изменения и улучшения могли быть произведены только английским парламентом».

В этой связи в Индию был назначен новый вице-король лорд Линлитгоу, который должен был ввести в действие новую конституцию.

В эти сложные дни острой политической борьбы Джавахарлал Неру находился в тюрьме. Ему было невыносимо тяжело сидеть сложа руки в то время, когда решались важнейшие вопросы отношений с Англией, когда так осложнилось положение в руководстве Конгресса и в партии в целом. Но больше всего Неру тогда тревожило состояние здоровья Камалы. Он чувствовал, что она чем-то больна, и что каждый новый его арест тяжело сказывался на ее самочувствии. Камала уже привыкла к визитам полиции, но к арестам мужа привыкнуть не могла. Когда в феврале 1934 года вновь нагрянули служители «черной Марии» и Камала пошла собрать вещи, необходимые мужу в тюрьме, Джавахарлал последовал за ней. Прощаясь, он прижал ее к себе.

Вдруг она судорожно схватилась за его плечо и медленно сползла на пол. Обморок был продолжительным и тяжелым.

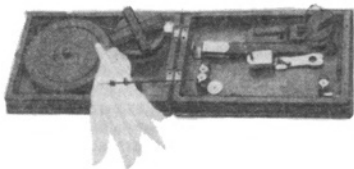
11 августа 1934 года Неру вызвали к начальнику тюрьмы. Ему предложили собраться и в сопровождении полицейского выехать в Аллахабад. Только прибыв домой, Джавахарлал Неру понял, в чем дело. Его встретила исхудавшая, печальная Камала. Она была тяжело больна. Неру не разрешили дожидаться полного выздоровления жены. 23 августа «черная Мария» прибыла в «Ананд Бхаван», чтобы доставить его снова в тюрьму.

В мае 1935 года положение Камалы ухудшилось и ей предложили пройти курс лечения у европейских врачей. Вскоре она выехала в Германию в курортный город Баденвейлер. 4 сентября Джавахарлалу Неру сказали, что срок заключения его в тюрьме прерывается и он сможет выехать к своей жене. Он взял билет на ближайший самолет. Когда Джавахарлал Неру прибыл в Баденвейлер, он понял, что состояние жены очень серьезное. Она слабо улыбнулась и протянула ему худую, прозрачную руку. Целыми днями Джавахарлал вел с ней тихие, долгие беседы, вспоминая друзей, родную Индию и свою беспокойную жизнь. С ними была приехавшая из Швейцарии Индира. Почти каждый день из Германии в Индию шли две телеграммы, в которых сообщалось о здоровье Камалы: одна — ее матери, другая — Махатме Ганди. Когда в состоянии Камалы наступило долгожданное улучшение, Неру с дочерью съездил в Лондон, в котором не был так давно и с которым было связано столько воспоминаний. Вскоре он снова вернулся в Германию. Камала чувствовала себя слабой. В конце января 1936 года Джавахарлал Неру перевез ее из Баденвейлера в санаторий близ Лозанны. Из Индии приходили редкие письма. В одном из них ему сообщили, что он вторично избран председателем Конгресса и ему предстоит организовать и проводить очередную сессию. Дела были неотложными, и он решил выехать в Индию, Камале предстояло остаться в Швейцарии и отдыхать в санатории. Неру заказал билет на само-

лет, вылетающий в Дели 28 февраля. За несколько дней до отлета врач посоветовал Джавахарлалу задержаться.

Рано утром 28 февраля Камала умерла. У ее постели были Джавахарлал Неру, Индира и друг семьи доктор М. Атал. Ее тело было кремировано в Лозанне. Неру и дочь выехали в небольшой городок Монтрё, чтобы оправиться от тяжелого потрясения. Однажды к нему явился итальянский консул в Лозанне, чтобы передать соболезнования Муссолини в связи со смертью жены и предложение посетить дуче в Риме. Джавахарлал был неприятно удивлен этим неожиданным «вниманием» главаря итальянских фашистов и решительно отказался. Однако Муссолини был упрям, и когда самолет, в котором Джавахарлал Неру возвращался домой, приземлился в Риме, к нему подошел высокопоставленный чиновник и вручил новое приглашение дуче, в котором было уже указано место и время встречи. Неру вновь ответил отказом. Это был не отказ расстроенного горем и избегающего общества человека, а твердая позиция политического деятеля, принципиально отвергающего фашизм. Эту позицию Джавахарлал Неру занял прочно и навсегда.

...Через несколько дней Джавахарлал Неру вышел на берег Ганга у родного Аллахабада. Воды реки тихо приняли пепел той, кто столько лет была рядом с ним, как приняли они пепел его отца и миллионов индусов до него, как примут они, когда настанет час, пепел и его бранных останков.

Чаркха
Джавахарлала Неру
в дни движения
«свадеши»

● СЕССИЯ КОНГРЕССА В ЛАКХНАУ ● КАНУН ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ●

Очередная сессия Конгресса состоялась в апреле 1936 года в Лакхнау. Джавахарлал Неру, находившийся в период ее подготовки в Европе, не знал, что выдвижение кандидатуры председателя сессии вызвало определенные осложнения. На этот высокий пост было выдвинуто два человека, олицетворявших разные фланги партии — он и сардар В. Патель. У Пателя была устойчивая и заслуженная репутация сильного человека консервативных убеждений, и борьба вокруг поста председателя имела принципиальный характер. Во многих отношениях В. Патель был незаурядной личностью. Современники всерьез считали, что природа наделила его почти безошибочной интуицией и редко встречающимся политическим чутьем, помогавшим ему улавливать малейшие колебания в политических умонастроениях масс. В. Патель слыл весьма практичным политиком: несмотря на искреннюю приверженность Ганди, он всегда отделял религию от политики,

считая ее личным делом каждого, видел объективные трудности в вовлечении крестьянства в массовые политические действия. В Национальном конгрессе за В. Пателем утвердилась репутация трезвого политического стратега. Противники Неру заявили, что по существующей традиции нельзя избирать председателем сессии выходца из провинции, где она состоится (Лакхнау — центр Соединенных провинций, где расположен Аллахабад). В дело вмешался М. К. Ганди, и его слово оказалось решающим. После внутренней борьбы и тяжелых раздумий Патель, не расставаясь с честолюбивыми замыслами, снял свою кандидатуру в пользу Неру. Свой шаг он объяснил следующим образом: «Мой самоотвод не следует понимать в том смысле, что я во всех вопросах разделяю взгляды Джавахарлала. Напротив, как известно конгрессистам, по некоторым имеющим жизненно важное значение вопросам мои взгляды противоположны тем, которых придерживается Джавахарлал...»

Неру понимал, что Национальный конгресс, который сумел поднять и повести за собой массы в дни кампаний гражданского несотрудничества, не дал им новых лозунгов и конкретных целей борьбы. Запад, который когда-то дарил миру философские концепции и политические идеи, переживал затяжной кризис. Новый век, считал Неру, требует новых путей, новых нравственных ценностей и ориентиров.

На сессии Конгресса в Лакхнау Джавахарлал Неру вынес на обсуждение итог своих долгих поисков истины и четко определил свою позицию в отношении пути развития Индии и ее внешнеполитической линии после завоевания свободы. Это был путь демократии, социализма и дружбы с Советской Россией. Внесение определенности в этот вопрос от Неру требовали, по крайней мере, два обстоятельства. Первое: возглавляя левое течение Конгресса — Конгресс-социалистическую партию, он еще никогда до этого четко не формулировал свои социалистические принципы. Второе: социализм в Индии понимали по-разному, и

свое толкование его предлагали многие политические деятели — сторонники различных направлений. Так, например, выступая 3 января 1935 года в Аллахабаде, Валлабхай Пател, например, выразил свое понимание социализма в следующей формулировке: «Истинный социализм заключается в развитии крестьянской промышленности. Мы не хотим воспроизводить в нашей стране хаотические условия, царящие в Западных странах и являющиеся следствием массового производства».

Неру в своем выступлении отмежевался от спекуляций вокруг понятия «социализм». Он сказал: «Я употребляю это слово не в расплывчатом гуманистическом значении, а в научном, экономическом смысле. Вместе с тем социализм нечто большее, чем экономическое учение, это философия жизни, и в качестве таковой он также влечет меня. Кроме социализма я не вижу иного пути покончить с нищетой, огромной безработицей, деградацией и подчинением народа Индии». Как же понимал Неру социализм, какие пути видел для его осуществления? Он сформулировал их так: «Это означает ликвидацию частной собственности и замену существующей системы господства прибылей возвышенными идеалами кооперативного общества... Короче, это означает создание нового общества, радикально отличающегося от существующего капиталистического способа производства».

Однако как политический реалист Неру понимал, что сейчас перед страной стоят антиимпериалистические общедемократические задачи. «Сегодня Конгресс борется за создание в Индии демократического государства,— говорил он,— но не за социализм. В этой борьбе проявляется антиимпериализм Конгресса. Одновременно это означает, что мы стремимся к осуществлению кардинальных изменений в политической и экономической структуре нашего общества. Я надеюсь, что логика борьбы приведет нас к социализму». В борьбе за демократию антиимпериалистические преобразования, как считал Неру, выражали чаяния и надежды

всего индийского народа. Их выразителем был Национальный конгресс. Но Неру понимал, что, несмотря на свою многочисленность, эта партия не отражает всего политического многообразия Индии. Он справедливо полагал, что только участие в борьбе широчайших масс народа и в первую очередь крестьян и рабочих может привести к конечной победе. Для этого требовалось расширение массовой базы Национального конгресса, а также создание единого антиимпериалистического фронта, включающего в себя различные политические силы, возглавляемые Конгрессом. Неру считал: «Руководство со стороны среднего класса неизбежно. Но эти лидеры должны все больше обращать взоры в сторону масс и черпать оттуда силу и вдохновение. Конгресс должен быть не только организацией для масс, но и организацией самих масс. Только тогда он будет действительно служить народу». Как видно, путь, который, по мнению Неру, мог привести к социализму, лежал в стороне от диктатуры рабочего класса.

Что касается единого фронта, то его смысл он видел в бескомпромиссной борьбе с империализмом, силу же этому фронту должно придавать активное участие в нем крестьян и рабочих. Говоря о положении в Индии, Джавахарлал Неру обратил внимание делегатов на то, что Национальный конгресс утратил доверие народа, что требуются немедленные и дружные усилия для «установления новых связей и контактов с массами». Позднее Неру сокрушенно писал Ганди о ревностной службе в колониальном аппарате министров — членов Конгресса: «Они слишком горячо пытаются приспособиться к старому порядку и оправдать его. Все это, хотя и плохо, было бы терпимо; гораздо хуже то, что мы теряем высокое доверие, которое с таким трудом завоевали в сердцах народа. Мы превращаемся в заурядных политиканов». Джавахарлал Неру предложил начать подготовку новой программы и устава партии, которые способствовали бы организационному, идеологическому и политическому объединению антиимпериалистического фронта.

листических сил, в частности присоединению к Конгрессу массовых организаций рабочих и крестьян.

Неру стремился превратить Национальный конгресс в подлинно массовую, боевую организацию, объединявшую все демократические антиимпериалистические силы индийского народа, включая национальную буржуазию, средние городские слои, часть либеральных помещиков, деревенскую верхушку и группы рабочих; он хотел создать не временный, но базирующийся на долговременной программной общности союз антиимпериалистических сил.

В феврале 1936 года Неру имел обстоятельную беседу с Генеральным секретарем Коммунистической партии Индии П. С. Джоши, в ходе которой обсуждались вопросы антиимпериалистического единства. Но достичь его не удалось: коммунисты требовали исключения из фронта правых конгрессистов.

Такое требование было для Конгресса невыполнимым. В середине 30-х годов эта партия становится в финансовом отношении все более зависимой от индийской буржуазии, которая мощному антиимпериалистическому натиску явно предпочитала линию компромиссов и временного сотрудничества с колониальными властями. Представители индийского большого бизнеса, такие, как Г. Д. Бирла, стремились (и небезуспешно) убедить радикальные силы в Конгрессе и лично Дж. Неру в том, что парламентская деятельность — самая действенная форма борьбы за суверенитет и что было бы тактической ошибкой раскалывать силы национализма.

На сессии в Лакхнау Неру развил свое понимание внешнеполитических задач Национального конгресса. Следует сказать, что он проявил большую политическую мудрость и проницательность, когда еще в 1933 году дальновидно оценил значение фашистского путча в Германии для судеб Европы и всего мира. Свою позицию он определил сразу: «Я считаю, что сегодня мир стоит перед выбором, главным образом, между некоей формой коммунизма и некоей фор-

мой фашизма. Я целиком выступаю за первое, то есть коммунизм... Каждому предстоит сделать выбор, и я выбираю коммунистический идеал... Я считаю правильными основные идеологические положения коммунизма и его интерпретацию истории». Что касается международного положения, в котором ощущалась грозная напряженность приближающейся мировой войны, то председатель Конгресса в своем выступлении без обиняков подчеркнул: «Если будущее сулит нам надежду, то это, главным образом, в силу существования Советской России и того, что она сделала, и я уверен, что если не помешает какая-либо всемирная катастрофа, то эта новая цивилизация в лице Советской России распространится на другие страны и положит конец войнам и конфликтам, порождаемым капитализмом».

Неру связывал борьбу Индии за независимость и ее судьбы после победы в освободительной борьбе с мировым демократическим антиимпериалистическим движением. В великом противоборстве сил реакции и сил прогресса Джавахарлал Неру был на той стороне баррикад, где боролся за лучшее будущее человечества. Он говорил: «Мы в Индии неизбежно занимаем позиции вместе с прогрессивными силами всего мира в борьбе против фашизма и империализма. Социализм на Западе и пробуждающийся национализм в Восточных и других зависимых странах выступают против объединения фашизма и империализма».

Предложения, внесенные Джавахарлалом Неру на сессии в Лакхнау, и его выступления тех лет свидетельствуют, что к этому времени у него окончательно сложились политические взгляды и четко определились мировоззренческие позиции. Он возглавлял левое крыло Национального конгресса и прилагал все усилия к тому, чтобы сделать ИНК радикальной по своим целям и массовой по социальному составу партией. Дж. Неру стал одним из признанных национальных лидеров Индии в период, когда конфронтация между прогрессивными и консервативными силами нацио-

нально-освободительного движения в стране достигла особенной остроты. Однако сессия в Лакхнау показала, что, несмотря на авторитет и влияние Джавахарлала Неру, в руководстве Конгресса все же возобладали силы, не разделявшие его взгляды и не желавшие заниматься социалистическими экспериментами. Консервативные силы в партии были сильнее и организованнее, и Неру вынужден был с этим считаться. Он писал: «Некоторое время мне показалось, что Конгресс поддается моему влиянию и следует намеченному мною пути. Но вскоре я понял, что конфликт носит глубокий характер».

Сессия отклонила смелое и дальновидное предложение Джавахарлала Неру о коллективном присоединении массовых организаций к Конгрессу, хотя и приняла резолюцию об образовании специального комитета, в обязанности которому вменялась координация действий с массовыми организациями. В отдельной резолюции сессия заявила о неприятии Конгрессом закона об управлении Индией и потребовала созыва Учредительного собрания. В то же время, учитывая популярность Неру в массах, Конгресс не хотел оттолкнуть от себя Джавахарлала и его единомышленников-конгрессистов. Раджендра Прасад, сторонник «умеренных», так вспоминал об обстановке на сессии в Лакхнау: «Мы, представители старшего поколения, восхищались искренностью Джавахарлала Неру, его честностью, талантливостью, глубиной мышления, его самоотверженным служением родине. Порвать с ним для нас было немыслимо. Он, в свою очередь, знал, что мы, пожалуй, пользуемся большим влиянием среди провинциальных работников, и разделял наше горячее стремление к дружной, слаженной работе. И мы, и сторонники Неру считали, что дополняем друг друга и что, каковы бы ни были наши разногласия, народ не одобрит раскола Конгресса». Однако сессия в Лакхнау вновь подтвердила наличие разногласий в партии, и сдерживающим началом в ней было сохранение руководства ею Ганди. Прасад отмечал: «...нес-

смотря на расхождение с нами во взглядах, он (Дж. Неру.— *Авт.*) безоговорочно признавал руководство Гандиджи и никогда не хотел его ослабления. Мы убедились, что с Неру мы можем сотрудничать, несмотря на все разногласия, но дружно работать с остальными нам было трудно».

Конфликт между правыми и левыми в Конгрессе, возникший на сессии в Лакхнау, обострился позднее на сессии партии в Харипуре (Бенгалия). Председательствовавший на ней сторонник Неру С. Ч. Бос подвергся прямой и резкой атаке правых, которых поддерживал Ганди. С. Ч. Бос по многим важным вопросам расходился с Ганди. Он, как утверждают, говорил, что Ганди окружают «чудаки и мошенники», что было конечно же известно консерваторам. Джавахарлал Неру остался верным своим принципам и проявил твердый характер. Несмотря на обострение борьбы с правыми, он последовательно начал проводить линию на выработку конструктивной программы экономической независимости, намеченную еще по его предложению на сессии Конгресса в Карачи.

В 1938 году Неру организовал и возглавил Национальный комитет по планированию, состоявший из представителей деловых кругов, средних слоев, интеллигенции. Как он считал сам, в комитет входил широкий спектр деятелей от «трезвомыслящих представителей крупного капитала» до «социалистов, близких к коммунизму».

Комитет Неру должен был выработать рекомендации по экономическому развитию Индии. Он писал: «Сама суть этого планирования заключалась в широком регулировании и координации. Таким образом, хотя свободное предпринимательство, как таковое, не устранялось, простор для него был значительно ограничен. Было решено, что предприятия оборонных отраслей... должны быть государственной собственностью и находиться под контролем государства. Что касается других основных отраслей промышленности, то, по мнению большинства, они тоже должны принадлежать государству, но значительное меньшинство счи-

тало, что достаточно будет установления государственного контроля». В отношении природных ресурсов рекомендации Комитета гласили: «Обрабатываемая земля, рудники, карьеры, реки и леса являются видами национального богатства, которое безусловно должно быть общественной собственностью народа Индии».

Многие лидеры Национального конгресса, с отчужденной терпимостью относившиеся к поискам Неру социалистических идеалов в области теории, проявили твердое негативное отношение к его экспериментам, когда дело коснулось выработки реальной экономической политики партии. Неру писал об этих настроениях: «Некоторые влиятельные круги в самом Конгрессе, по инициативе которого был создан Комитет, смотрели на него как на нежеланного ребенка, не зная, что из него получится, и с недоверием относились к его будущей деятельности. Представители крупного капитала были явно встревожены и настроены критически и, вероятно, вступили в Комитет из тех соображений, что легче защищать свои интересы, находясь внутри Комитета, чем за его пределами». Но Джавахарлал Неру продолжал борьбу, несмотря на сопротивление правых. Партия должна была иметь экономическую программу, а ее кадры — навыки административно-хозяйственного управления для работы в будущей независимой Индии. Что касается ближайших и конечных целей, которые ставил перед Индией Комитет, то они были сформулированы Неру следующим образом: «При тех условиях, которые имели место не только в Комитете, но и в Индии в целом, мы не могли в то время наметить переход к социализму. Однако для меня было ясно, что наш план, в том виде, в каком он вырисовывался, неизбежно должен был привести нас к созданию некоторых основ социалистического строя» (конечно, в понимании Неру — *Авт.*).

Представители монополистической и крупной буржуазии, поддерживавшие правое крыло Конгресса и щедро выдававшие партии финансовые кредиты, выразили недо-

вольство деятельностью комитета Неру. Заметим, что еще в 1926 году по инициативе миллионера Бирлы была создана Федерация индийских торговых и промышленных палат, которая приняла специальную резолюцию о поддержке Конгресса и одобрила принципы Ганди по руководству индийским освободительным движением. Против экономических планов Неру решительно возражал и Ганди. Он утверждал: «Пандит Неру хочет индустриализации, полагая, что обобществление освободит ее от пороков капитализма. По моему мнению, пороки исконно присущи самой индустриализации и никакое обобществление не может устранить их».

Правые силы в Конгрессе стремились ограничить прогрессивные устремления Джавахарлала Неру, препятствовали ему в его практической деятельности. Ему приходилось непрерывно бороться не только с английскими властями, но и с влиятельными лидерами собственной партии. Это очень огорчало и обескураживало Неру. «Мне трудно было сработаться с членами руководящего органа Конгресса, и я понял, что они смотрят на мою деятельность с опаской,— писал он.— Дело было не только в том, что они выступали против каких-либо конкретных моих действий, а в том, что им не нравился общий курс и направление моей деятельности. Подобное отношение с их стороны было вполне оправданно, так как мы расходились во взглядах. Я полностью выполнял решения Конгресса, но старался подчеркнуть одни стороны этих решений, в то время как мои коллеги делали упор на другие стороны». Неру и левое крыло Конгресса не хотели идти на разрыв с правыми, не решаясь на ликвидацию формального единства партии. Впрочем, эта крайняя мера была очень ответственной — тогда пришлось бы порвать с группой авторитетных лиц своего класса, способных к относительно последовательной антиимпериалистической борьбе, а затем искать союзников, представляющих другие классы и социальные группы. Неру считал, что на этапе борьбы за

политическую независимость Конгресс способен выполнить общенациональные задачи, при той форме организации, в том составе и на той принципиальной идейной платформе, которые у него были и которые предложил партии Ганди. Целью Неру был радикализм в рамках, не допускающих раскола Конгресса. Однако, будучи реалистом в политике, он понимал, что позиция «плохой мир лучше хорошей ссоры» не может быть долговечной. Он продолжал искать прочную идейную платформу, ясную стратегическую цель и четкую тактическую линию партии. Неру писал: «Я хотел, чтобы Конгресс стал социалистической организацией... Но я понимаю, что большинство в сегодняшнем Конгрессе не готово идти так далеко. Мы — националистическая организация, и мы мыслим и действуем в националистическом плане. Однако уже сейчас достаточно ясно, что это слишком узкий подход даже для ограниченной цели — достижения политической независимости, а ведь мы еще говорили о народных массах, об их экономических нуждах. Большинство из нас... не решается предпринять шаги, которые смогли бы напугать некоторых крупных собственников. Многие из этих крупных собственников уже занимают враждебную позицию, и мы не можем ожидать от них ничего кроме противодействия нашей политической борьбе».

«Дела людей, как волны океанов, подвержены приливу и отливу», писал Шекспир. Джавахарлал Неру, измотанный внутривнутриполитической борьбой и неурядицами, чувствовал себя разбитым и опустошенным. Он принял решение поехать в Европу. «Я хотел повидать свою дочь,— объяснял он цель поездки.— Но главной причиной отъезда было желание освежить свой усталый и смятенный ум».

Неру прибыл в Европу в драматическое для нее время. По древнему континенту, как злокачественная опухоль, распространялся фашизм. Хладнокровно и расчетливо готовилась война и расчленение суверенных государств. Страшный яд расизма, возведенного в ранг госу-

дарственной идеологии, отравлял сознание немецкого народа.

Неру воспринимал фашизм как реальную и грозную опасность для всего человечества. «Тяжелым ударом было для меня торжество Гитлера и последовавший за этим коричневый террор», — писал он. Самолет, на котором Дж. Неру летел в Европу, следовал в Италию. По приглашению республиканцев Неру выехал в Барселону. Растерзанная, истекавшая кровью Испания переживала трагические дни гибели республики. Неру видел, с каким самопожертвованием и мужеством шли на неравный бой испанские патриоты, как героически сражались за общеевропейскую демократию воины интернациональных бригад. Джавахарлал встретился и имел доверительные беседы с премьер-министром и членами республиканского правительства.

Из Барселоны Неру выехал в Англию, где в правящих кругах царила атмосфера политических интриг. Вершители лондонской политики вели сложную игру поощрения агрессора. В зашторенных кабинетах шел торг, на котором решалась судьба многих государств Европы. В Англии Дж. Неру пробыл около месяца. Он встречался со многими политическими лидерами и настойчиво пытался доказать им аморальность и недальновидность внешней политики их правительства. Его эмоциональные выступления парировали со скептическим холодком. «Я убедился, — вынужден был констатировать Неру, — что мои взгляды не встречают одобрения, и мне было сказано, что существует множество различных соображений, которые надо учитывать». Какие это соображения, он должен был догадаться сам. Неру решил заявить о своей позиции широкой общественности Англии.

8 сентября 1938 года английская газета «Манчестер гардиан» опубликовала смелую статью Неру — результат тех выводов, которые он сделал после встреч с английскими политиками. «Мы в Индии, — открыто провозглашал он, — не хотим ни фашизма, ни империализма и больше, чем когда-либо, убеждены, что они сродни друг другу и угро-

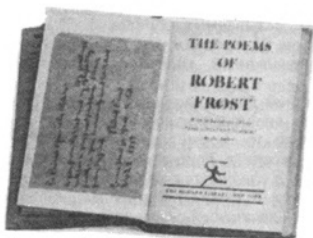
жают свободе и миру во всем мире. Индия с негодованием отвергает внешнюю политику Англии и не будет соучастником последней. Мы приложим все силы, чтобы разорвать пути, связывающие нас с этим столпом реакции... Если начнется война, английский народ будет неизбежно втянут в нее. Каким образом тогда нынешнее английское правительство, проявляющее неизменные симпатии к фашистскому и нацистскому режимам (имеются в виду Италия и Германия — *Авт.*), будет способствовать делу демократии и свободы? До тех пор пока у власти находится это правительство, фашизм всегда будет стоять на пороге Англии». В этой статье видна определенность и дальновидность Джавахарлала Неру-политика и мужественность его как человека. Разочарованный он покинул Англию.

Неру выехал в Чехословакию и там на месте наблюдал за тем, как в хитрой игре политики и государственные деятели предадут дело, которое надо защищать. Высшим проявлением политического вероломства империалистической дипломатии стал Мюнхен. Джавахарлала Неру, уже знавшего цену обещаниям политиканов Запада, хорошо понимавшего суть их внешней политики и способного предвидеть ее последствия, мюнхенская сделка все же удивила своим цинизмом и близорукостью. «Больше всего меня поразило полное моральное падение и момент сговора в Мюнхене всех так называемых передовых людей и групп», — гневно писал он. И продолжал: «Я возвратился из Европы глубоко опечаленный, многие мои иллюзии потерпели крах».

Во многом под влиянием Джавахарлала Неру Конгресс смог оценить пагубность внешнеполитического курса английского правительства и имел смелость открыто заявить об этом. На своей сессии в Трипуре, состоявшейся в марте 1939 года, он принял следующую резолюцию: «Конгресс официально заявляет о своем полном неодобрении внешней политики Англии, достигшей своего кульминационного пункта с подписанием Мюнхенского соглашения, ан-

гло-итальянского соглашения и с признанием мятежной Испании». И далее: «Конгресс полностью отмежевывается от внешней политики Англии, которая шаг за шагом оказывала поддержку фашистским державам и помогала им в ликвидации демократических стран. Конгресс является противником как империализма, так и фашизма, и убежден, что интересы мира и прогресса во всем мире требуют положить конец тому и другому. По мнению Конгресса, настала крайняя необходимость, чтобы Индия сама распорядилась своей внешней политикой как независимая страна и, таким образом, имела возможность держаться в стороне от империализма и фашизма, идя избранным ею путем мира и свободы». Как контрастировала эта четкая позиция Национального Конгресса кануна второй мировой войны с его же верноподданнической позицией времен первой! Конгресс быстро менялся, и колонизаторы с тревогой следили за его эволюцией.

Джавахарлал Неру, как никто другой в Индии, понимал, что с ускоряющейся неизбежностью на Европу и весь мир надвигается злобная катастрофа новой мировой войны. Он с огромной тревогой думал о том, что Индия будет вовлечена в ее страшную и разрушительную орбиту.

Книга стихов
Роберта Фроста
с дарственной
надписью
поэта Дж. Неру

● В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ● «ВОН ИЗ ИНДИИ!» ●

В конце лета 1939 года Джавахарлал Неру отправился в Китай. В Чунцине он встретился с Чан Кайши и имел с ним продолжительную беседу. Китайский лидер рекомендовал ему отказаться от непримиримой позиции в вопросе о немедленном предоставлении Индии полной независимости и согласиться на требование статуса доминиона. Неру не хотел разделять этой, как ему казалось, пораженческой точки зрения. Диалог затягивался. 1 сентября в номер гостиницы, где остановился Неру, постучался посыльный и вручил ему телеграмму из Индии. Председатель ИНК, видный деятель партии, Раджендра Прасад сообщал о начале войны в Европе и просил немедленно возвратиться на родину. Неру прибыл в Индию и поспешил на заседание Исполнительного комитета Конгресса, обсуждавшего сложившуюся политическую обстановку.

3 сентября вице-король лорд Линлитгоу без согласования с лидерами политических партий объявил Индию воюющей стороной. Реакция в стране

на начавшийся конфликт была быстрой и определенной: народ не хотел участвовать в новой мировой империалистической войне. Конгресс выразил недовольство произвольным решением англо-индийских властей, осудил агрессию нацистов против Польши и заявил о своей поддержке сил демократии и свободы. ИНК призвал британское правительство изложить цели, которые оно преследует в войне, определить политическое будущее Индии, признать ее равноправным партнером союзников. Джавахарлал Неру, выражая оскорбленное достоинство индийского народа, констатировал: «Один человек, к тому же еще чужеземец и представитель ненавистной системы, мог ввергнуть четыреста миллионов человеческих существ в войну, ничуть не поинтересовавшись, хотели ли они этого. Система, при которой возможно было подобным образом решать судьбы этих миллионов, была в своей основе несправедливой и порочной».

Заседания Рабочего комитета Конгресса, собравшегося в городке Вардха 8 сентября, проходили в острых дискуссиях. Темпераментный С. Ч. Бос выдвинул предложение использовать сложившуюся международную обстановку для начала нового наступления на колонизаторов с требованием немедленного предоставления Индии полной независимости. Бос вообще полагал, что затруднения Англии в войне автоматически обернутся преимуществами для Индии. Неру полагал, что в политике эмоциональное начало не должно заглушать голос разума. Председатель Конгресса Абул Калам Азад вспоминал позднее, что в трудные и ответственные дни Джавахарлал, удерживая себя от поспешных решений, говорил ему: «Я ни на мгновение не хочу позволить моим личным склонностям повлиять на мое решение. Мое решение будет то же, что и решение моих коллег». Дж. Неру считал, что война против фашизма в защиту демократии отодвигает на задний план многие обиды, нанесенные Индии английскими колонизаторами. «Я хотел, — писал он, — чтобы Индия приняла энергичное и активное

участие в великом конфликте, ибо я считал, что в нем на карту будут поставлены высокие принципы и что результатом этого конфликта явятся великие революционные перемены в Индии и во всем мире».

14 сентября Рабочий комитет ИНК принял предложенную Неру резолюцию, в которой сформулировал свое отношение к войне. В ней был решительно осужден фашизм и его вероломная агрессия и выражено сочувствие народам, ставшим ее жертвами. Что касается отношений с Англией и места Индии в войне Англии против гитлеровской Германии, то резолюция ставила их в прямую связь с позицией английского правительства по вопросу о предоставлении индийскому народу независимости. В ней, в частности, говорилось: «Если эта война ведется ради сохранения статус-кво, защиты империалистических владений, колоний, корыстных капиталистических интересов и привилегий, тогда Индия не может иметь с ней ничего общего. Если, однако, война ведется за демократию, то Индия исключительно заинтересована в ней. Комитет убежден, что интересы индийской демократии не расходятся с интересами Британской империи или мировой демократии...» И делался вывод: «...Индия не может связать себя войной, именуемой войной за демократическую свободу, в то самое время, когда она такой свободы лишена и когда у нее отнимают даже ту ограниченную свободу, которой она обладает».

Резолюция требовала от английского правительства официального объяснения целей войны и твердых гарантий о предоставлении Индии независимости сразу же по ее окончании. Что касается ближайших практических мер, то в резолюции предлагалось немедленно сформировать правительство Индии, ответственное перед народом, а не назначенное вице-королем (вопрос об упразднении должности вице-короля в резолюции не ставился). Выполнение этого решения влекло бы немедленный призыв Конгресса к народу Индии мобилизовать все свои силы против фашизма. Английское правительство отказалось удовлетворить эти

требования Конгресса. 23 октября руководители Конгресса опубликовали заявление, в котором говорилось, что их партия требует создания ответственного правительства и настаивает на том, чтобы было создано Учредительное собрание, которое выработает демократическую конституцию страны и что отказ от выполнения этого требования повлечет за собой начало новой кампании гражданского неповиновения.

Твердая позиция руководства Конгресса заставила английских колонизаторов предпринять очередные маневры в целях отступления на новые рубежи. 10 января 1940 года лорд Линлитгоу выступил с речью, в которой объявил о намерении правительства Его Величества предоставить Индии права доминиона после окончания войны. Обещание вице-короля вселило в некоторых лидеров Конгресса надежду. Ганди заявил, что речь вице-короля «содержит зародыши почетного для обеих сторон решения».

Позиция Ганди по отношению к войне вызывала у многих лидеров партии и среди населения Индии недоумение. Еще накануне войны в марте 1939 года в интервью корреспонденту «Нью-Йорк таймс» Ганди высказал характерную для него рекомендацию западным политикам разоружиться в одностороннем порядке перед угрозой гитлеровской агрессии. «Я уверен, — говорил он, — так же как в том, что я сижу здесь, что это откроет Гитлеру глаза и обезоружит его». Когда поля многострадальной Европы уже были залиты кровью и война тяжело и грозно шагала через границы стран и народов, превращая в пепел плодородные поля, в руины — города и сея смерть среди населения, и, казалось, всем было очевидно, что с лютым и сильным врагом мог быть лишь один разговор — разговор на языке оружия, Ганди обратился с воззванием к английскому народу, в котором призывал его сложить оружие и противопоставить агрессору духовную силу. Не ограничиваясь этим воззванием, он явился к вице-королю Индии и

предложил озадаченному лорду Линлитгоу доложить о своих взглядах английскому правительству для учета их в его практической политике. Одновременно он написал письмо Гитлеру, в котором увещевал этого кровавого маньяка.

В последних числах марта 1940 года в деревне Рамгарх (провинция Бихар) состоялась очередная сессия Национального конгресса. Ее председателем был избран Абул Калам Азад, кандидатура которого была активно поддержана Джавахарлалом Неру. Конгресс вновь обсудил свое отношение к войне и подтвердил сентябрьскую резолюцию Рабочего комитета, заявив, что если его требование о создании национального правительства, ответственного перед Законодательным собранием, не будет удовлетворено, то он призывает народ к кампании гражданского неповиновения. В то же время резолюция отмечала необходимость абсолютно мирной борьбы и подчеркивала: «...Рабочий комитет напоминает членам Конгресса, что *сатьяграха* во всех его формах требует не щадить усилий для достижения достойного соглашения с английским правительством... Поэтому Рабочий комитет будет продолжать изыскивать способы достижения достойного соглашения, несмотря на то, что английское правительство захлопнуло дверь перед Конгрессом».

Важно отметить, что почти одновременно с Рамгархской сессией Конгресса в городе Лахоре состоялся съезд Мусульманской лиги, на котором было принято имевшее далеко идущие последствия политическое решение: Мусульманская лига своей конечной целью объявляла создание Пакистана, «государства чистых», то есть приверженцев ислама.

Разобщенность национально-освободительного движения в этот критический для Индии момент позволила британскому правительству не идти на уступки Конгрессу, который, по словам Дж. Неру, будучи «полуреволюционной» организацией, далеко не всегда проявлял в своих действи-

ях необходимые смелость и решительность. Более того, в это время в Лондоне произошла смена правительства. Н. Чемберлен ушел в отставку, и новым премьер-министром стал У. Черчилль, позиция которого по отношению к Индии была хорошо известна и сводилась к следующему: Англия, потеряв Индию в качестве части своей империи, навсегда перестанет существовать как великая держава.

Последние сомнения и надежды на возможность какого-то компромисса с англичанами развеялись 8 августа 1940 года, когда вице-король объявил об отрицательном ответе правительства Черчилля на июльскую резолюцию Рабочего комитета ИНК (в ней говорилось, что Конгресс готов поддержать Англию в войне, если британское правительство объявит о предоставлении Индии независимости сразу же по окончании военных действий и не будет препятствовать созданию ответственного национального правительства).

Ганди призвал начать индивидуальную сатьяграху протеста. Ее участники должны были индивидуально выступать против вовлечения Индии в войну и вызывать на себя арест. Первым гражданским сопротивленцем войне стал верный последователь Ганди Виноба Бхаве, вторым вызвался Джавахарлал Неру.

Джавахарлал должен был начать «сатьяграху» в родном Аллахабаде в первых числах ноября. Однако 30 октября его арестовали. По обвинению в антиправительственной пропаганде Неру приговорили к четырем годам заключения и перевели в тюрьму в Дехрадуне. К концу 1940 года практически все лидеры и активисты Конгресса были арестованы.

Путь жертвенности и ненасилия, намеченный Конгрессом, разделяли в Индии и даже в самом Конгрессе не все. Многие считали, что этот путь безнадежно долгий и трудный, как горная дорога для пешего путника с тяжелой ношей. Они утверждали, что сломить огромную и мощную колониальную машину можно только силой оружия.

Неприятием методов Конгресса ответил на призыв к ненасильственному сопротивлению Субхас Чандра Бос. Энергичный Бос не хотел ждать, когда лидеры Конгресса заставят англичан переговорами, резолюциями и призывами покинуть Индию. В то же время, когда проходила сессия Конгресса в Рамгархе, он созвал конференцию, основным лозунгом которой было: никакого компромисса с колонизаторами. Бос активно пытался использовать обострившиеся межимпериалистические противоречия для приближения желанной цели — независимости. Он, в частности, придерживался мнения, что враждебные Англии государства, не исключая Германию и Японию, могут рассматриваться как союзники в борьбе за суверенитет. Из этой посылки Бос выводил возможность поддержки военных усилий Японии в Юго-Восточной и Южной Азии.

26 января 1941 года С. Ч. Бос исчез из своего дома в Калькутте. Долгое время в Индии не знали, где скрывался этот яростный противник британских властей. Позднее выяснилось, что он бежал сначала в Германию, затем в Бирму, где вступил в контакт с японцами. В июне 1942 года в Бангкоке состоялась конференция индийцев, проживающих в разных странах Юго-Восточной Азии. Возглавил новое движение Субхас Чандра Бос. С помощью японцев он рассчитывал покончить с проклятым колониализмом разгромленной Великобритании, а затем, избавившись от японцев, строить свою независимость — так мыслил Бос будущее Индии и других стран, находящихся под британским ярмом. В середине 1942 года была создана Лига индийской независимости и «Индийская национальная армия». Только в Малайе к ноябрю 1942 года в Лигу вступило 120 тысяч человек, 50 тысяч дали согласие служить в «Индийской национальной армии». Началось активное привлечение к борьбе индийцев в Бирме и Таиланде, Сингапуре и Индонезии. Развернулась работа среди военнопленных. 21 октября 1942 года было провозглашено временное правительство «свободной Индии». Его премьер-министром стал Субхас Чандра Бос.

Одним из первых решений нового правительства было объявление войны Англии и Соединенным Штатам Америки. Части «Индийской национальной армии», снабженные японским оружием и снаряжением, двинулись к границе Индии и перешли ее в гористом княжестве Манипур. На первых порах они одержали несколько побед в незначительных сражениях. Но вскоре выяснились два обстоятельства, удручающие подействовавшие на боевой дух солдат и офицеров армии Боса. Первое — индийский народ не поднялся на освободительное восстание, не взялся за оружие и не захотел встать под знамя правительства, окопавшегося за рубежом. Попытки поднять национальное восстание под руководством лидера, находящегося в стане агрессора, были обречены на неминуемое поражение. Второе — японское командование не спешило с активной поддержкой индийской армии, не обеспечивало ее авиационной поддержкой с воздуха, задерживало подвоз боеприпасов и в итоге оставило ее на произвол судьбы. Вскоре последовали одна за другой военные и политические неудачи.

В августе 1945 года С. Ч. Бос вылетел на японском самолете из Сайгона в Токио. По пути самолет делал посадку на аэродроме Тайбея (Тайвань). При взлете с аэродрома самолет потерпел аварию (причина которой до сих пор невыяснена). Тяжело раненный Бос был доставлен в японский госпиталь. Спасти его жизнь не удалось. Так оборвался сложный, противоречивый путь этого видного политического деятеля Индии.

Когда 22 июня 1941 года гитлеровская Германия вероломно напала на СССР, характер войны приобрел качественно другое содержание. Неру был одним из тех, кто сразу оценил, что создалось не только новое соотношение противоборствующих сил, но и что борьба для народов колоний приняла освободительный, подлинно справедливый характер. Джавахарлал позднее вспоминал, что в Индии многие точно не знали, какой будет позиция СССР по отношению к будущему Индии, но никто не сомневался, что «она

будет реалистичной». Сам Неру напряженно следил за тревожными сводками, поступавшими из Москвы в первые месяцы войны.

7 декабря 1941 года японская военщина нанесла неожиданный и сокрушительный удар по военно-морской базе США в Перл-Харборе. Открылся тихоокеанский театр военных действий, мировая война шагнула на землю стран Южной Азии. 10 декабря японская авиация потопила английский линкор «Принц Уэльский». 8 декабря японские войска вторглись в Таиланд, 10—12 декабря они высадились на Филиппинах, а в конце января вышли на подступы к Сингапуру, мощнейшей крепости и главному опорному пункту Великобритании в Юго-Восточной Азии. 9 февраля 1942 года японские войска пошли на штурм Сингапура. 15 февраля крепость, считавшаяся неприступной твердыней, пала. 15 тысяч английских, 13 тысяч австралийских и 32 тысячи индийских солдат и офицеров сдались в один день. Вслед за Сингапуром началось наступление японских войск в Бирме. 7 марта был взят Рангун. Британская империя трещала по всем швам, престиж английских колонизаторов, державшийся на страхе перед их силой, растаял, как снежная лавина, рухнувшая с вершин Гималаев в жаркую долину. Война подступила к границам Индии, к покрытому труднопроходимыми джунглями гористому Ассаму и плодородным зеленым районам Бенгалии. Несколько раз подвергалась налетам небольших групп японских самолетов Калькутта. Был уже разработан план эвакуации этого огромного города и уничтожения важнейших промышленных предприятий на востоке страны. Будет ли индийский народ защищать английскую Индию? Этот вопрос со всей остротой встал перед английской администрацией в колонии и правящими кругами в Лондоне.

11 марта 1942 года английское правительство объявило об отправлении в Индию специальной комиссии, возглавляемой сэром Стаффордом Криппсом. Премьер-министр Уинстон Черчилль отдавал себе полный отчет, поручая важную,

и даже можно утверждать, щекотливую миссию Криппсу. Хотя сэр Стаффорд был левым лейбористом, он не только лояльно относился к имперской политике тори, но и проводил ее с гибкостью, недоступной многим консерваторам. В Англии многие считали, что именно Стаффорд Криппс сыграл значительную роль в укреплении отношений между западными союзниками и СССР после своего неофициального визита в Советскую Россию и последующего назначения послом Великобритании в этой стране. После возвращения из Москвы Криппс был в зените славы. Он считался одним из искуснейших дипломатов Форин офиса. Полагали, что сэр Стаффорд сможет выполнить и эту миссию весьма деликатного свойства.

Криппс должен был встретиться с национальными лидерами и, с одной стороны, выяснить их позицию перед лицом опасности вторжения японских войск в Индию, с другой — определить позицию правительства Англии к требованию народов колонии о предоставлении ей суверенитета.

Истинное назначение цели миссии Криппса видно из директивной телеграммы Черчилля вице-королю Индии лорду Линлиттоу от 10 марта 1942 года. «Сообщение о миссии успокоит лихорадочное возбуждение и предоставит время для спокойного разрешения проблемы...» — писал премьер-министр.

Об отправлении миссии в Индию узнали в тот же день, 11 марта, в 20 часов из сообщения лондонского радио. Через час представители прессы были у председателя партии Индийский национальный конгресс Абул Калам Азада и выслушали его мнение по этому вопросу.

«Я не могу дать ответ,— сказал осторожный в оценках руководитель Конгресса,— прежде чем не узнаю в подробностях, что именно представляют собой предложения, с которыми едет Стаффорд Криппс. Во всяком случае я рад приветствовать его... и постараюсь, насколько возможно, пойти ему навстречу».

29 марта 1942 года Стаффорд Криппс встретился с А. К. Азадом, а затем с М. К. Ганди, Дж. Неру и другими национальными лидерами. План, который с собой привез посланец Лондона, отражал в завуалированной форме то, что требовала от своего правительства и дипломатов английская монополистическая буржуазия. Перед Криппсом стояла задача развязать запутанный индийский «Гордиев узел», который, казалось, не мог распутать никто. Так с чем же приехал в Индию Криппс?

1. Индии обещался статус британского доминиона.

2. Предусматривалось создание специального органа по выработке конституции доминиона.

3. При английском вице-короле создавался Исполнительный совет, имеющий консультативные функции и состоящий из индийцев.

4. Предусматривалось сепаратистское, опасное для единства страны, право каждой провинции и каждого княжества (а их в Индии было примерно 600) входить в состав доминиона или не входить в него, а оставаться в прежних правовых отношениях с Великобританией. Наконец, последнее, что предусматривал план (и это была мина замедленного действия, которая будет взрываться в будущем с роковой последовательностью и страшной силой кровавых погромов много раз), был тезис о невозможности решения политической проблемы без решения религиозно-общинной, конкретно — отношений индусов и мусульман.

С чувством глубокого разочарования ознакомился Неру с предложениями английского правительства, привезенными Стаффордом Криппсом. «Я вспоминаю, — писал он, — что, когда я впервые прочел эти предложения, я был сильно удручен, и это было вызвано главным образом тем, что я ожидал от сэра Стаффорда Криппса чего-то более значительного, особенно учитывая тогдашнюю критическую ситуацию. Чем больше я вчитывался в эти предложения и размышлял над их содержанием, тем сильнее становилось мое уныние».

От имени Конгресса и народа Индии переговоры с Криппсом вели Джавахарлал Неру и Абул Калам Азад. Переговоры шли трудно. Лидеры Конгресса держались с достоинством и стойко. С другой стороны, даже перед угрозой японского вторжения в Индию английские власти не хотели идти ни на какие серьезные уступки.

Рабочий комитет Национального конгресса обсуждал предложения Криппса и свой ответ ему с 29 марта по 11 апреля. Джавахарлал Неру вспоминал: «Чем больше мы вдумывались в эти предложения, тем более фантастическими они нам казались. Индия становилась шахматной доской, состоящей из десятков номинально независимых княжеств. Многие из них опирались на военную поддержку Англии для сохранения своих самодержавных режимов. Стране не обеспечивалось ни политическое, ни экономическое единство, и Англия имела полную возможность по-прежнему осуществлять свое господство как в политической, так и в экономической области...» Неру сразу занял твердую позицию — необходимо отвергнуть план Криппса. Даже не склонный к резким оценкам Махандас Ганди коротко, но убийственно точно назвал этот план «чеком, помещенным задним числом».

Не этого ожидали лидеры Индии от сэра Стаффорда. Его план их разочаровал. После бурных дебатов план посланца из Лондона был отвергнут. 11 апреля Рабочий комитет Конгресса принял решение (его проект предложил Дж. Неру), в котором заявлял именем индийского народа: «Индийский народ в целом ясно выразил свое требование о предоставлении ему полной независимости, и Конгресс многократно заявлял, что никакой иной статус, кроме статуса независимости для всей Индии, не может при настоящей ситуации удовлетворить насущных потребностей страны, а следовательно, не может быть принят. Комитет признает, что, возможно, английские предложения подразумевают предоставление Индии в будущем независимости, но сопровождающие их оговорки и ограничения таковы, что подлинная

свобода вполне может оказаться иллюзорной». Разобрав по пунктам софизмы плана, резолюция констатировала: «На основании вышеизложенного Комитет не может принять предложения, выдвинутые от имени английского военного кабинета».

Лидеры Конгресса понимали всю меру своей исторической ответственности перед народом Индии и его будущим и говорили с противной стороной, не преследуя узко партийных интересов. «Мы не заинтересованы в том, чтобы Конгресс как таковой получил власть,— писали они Криппсу,— но мы заинтересованы, чтобы весь индийский народ в целом обладал свободой и властью». Далее в письме подчеркивалось: «Мы хотим обратить Ваше внимание на то, что предложения, выдвинутые нами, являются не только нашими предложениями — они могут рассматриваться как единоедушное требование всего индийского народа».

Криппс потерпел фиаско в своей миссии. Не сумев оправдать возлагавшихся на него больших надежд, неожиданно для своих партнеров он 19 апреля 1942 года покинул Индию. Болезненный вопрос остался открытым. «Это был старый спор,— писал Неру,— между индийским национализмом и английским империализмом, и в этом споре английский господствующий класс в Англии и Индии был полон решимости, не считаясь с войной, удержать то, что имел. За ним стояла внушительная фигура Уинстона Черчилля». В Индии говорят: «Старый леопард пятен не меняет». Точка зрения премьер-министра была всем хорошо известна. «Я стал премьер-министром Его Величества,— говорил он,— не для того, чтобы председательствовать при ликвидации Британской империи».

Отвергнув план англичан, Национальный конгресс проявил большую политическую зрелость и верность народу. Но перед ним встала новая задача: определив, что отвергается, надо было выдвинуть то, что утверждается. Конкретно — необходимо было дать народу новую программу действий. Эту задачу решил Всеиндийский комитет конгресса, собрав-

шийся в первых числах августа 1942 года в Бомбее. В резолюции, принятой Комитетом 8 августа 1942 года, было сказано, что «...нависшая сегодня над миром опасность настоячиво требует предоставления независимости Индии и прекращения английского господства». И далее: «Поэтому Всеиндийский комитет Конгресса со всей настойчивостью повторяет требование о прекращении британского господства в Индии. После издания декларации независимости Индии будет сформировано временное правительство и свободная Индия, вступив в союз с Объединенными Нациями, разделит с ними все испытания и жертвы в общей борьбе за свободу».

Какие методы борьбы рекомендовал народу Конгресс? Нужно отметить, что война привела к бурному росту политической активности масс. Есть в социальных отношениях некий «закон пружины»: чем сильнее давление верхов на массы, тем сильнее будет удар по верхам, когда массы поднимутся к революционному творчеству. Так было и в Индии. И Конгресс принял решение: санкционировать для защиты неотъемлемого права Индии на свободу и независимость начало массовой борьбы на основе принципа ненасилия в самых широких масштабах. Чтобы действия масс не перехлестнули шаткие шлюзы ненасилия, резолюция предупреждала: «Эта борьба непременно должна осуществляться под руководством Ганди, и Комитет обращается к нему с просьбой возглавить и взять на себя руководство нацией в проведении тех мер, которые ей предстоит предпринять».

Текст довольно большой резолюции и весь характер ее обсуждения свидетельствовал, что руководство партии выдвинуло недвусмысленное требование немедленного предоставления Индии независимости. Тактическим средством борьбы были не радикальные формы, а ненасильственное сопротивление, осуществляемое в рамках буржуазного конституционализма. В своем заключительном слове по поводу августовской резолюции Дж. Неру, обращаясь больше к английской колониальной администрации, чем к индийско-

му народу, заверял: «Эта резолюция — не угроза, это приглашение к объяснению, это предложение сотрудничества». Августовская резолюция о ненасильственной борьбе вызвала разные отклики в стране. Еще до ее принятия 26 июля 1942 года коммунисты Индии предупреждали лидеров Конгресса: «Они спокойно посадят вас и тысячи активных деятелей Конгресса в тюрьму и торжественно объявят, что это было их печальным долгом, выполненным ради спасения Индии от фашистских захватчиков».

Объясняя главную идею ее длинного текста, М. К. Ганди выразил основной смысл в трех словах: «Вон из Индии!» Этот лаконичный, как выстрел, призыв, которого нет в резолюции, и стал политическим лозунгом, программой действий огромного большинства населения страны, значительная часть которого даже и не знала текста всей резолюции. Пожалуй, никогда до этого за свою довольно долгую историю эта организация не выдвигала лозунга столь емкого и столь соответствующего духу времени и чаяниям масс. Крылатые слова стали идеей огромной жизненной силы и начали с магической быстротой распространяться по всей Индии. Они появлялись на заборах и стенах фабрик, на домах в городах и селах. «Вон из Индии!» — стало требованием всего народа, а резолюция обрела судьбу исторического документа.

На другой день, 9 августа, раздраженные неудачами и оценившие потенциальные возможности движения колонизаторы провели массовые аресты руководителей Конгресса. Нужно отметить, что у последних были сведения по поводу этих намерений властей. Однако они безропотно пошли в тюрьму с покорной уверенностью людей, сознательно выбравших тернистый путь жертвенности. Интересно, что оправдалось предчувствие А. К. Азада, упрекавшего Ганди в недооценке решимости англо-индийских властей принять «быстрые и решительные» ответные меры против движения.

При аресте лидеров Конгресса произошел эпизод, который характеризует Неру как человека. Поезд с арестован-

ными в Бомбее лидерами партии, направленными в тюрьму города Ахмаднагар, остановился на вокзале в Пуне. На перроне поезд ожидала большая возбужденная толпа народа. «Махатма Ганди ки джай!»¹ — раздались громкие крики. Полицейский офицер дал приказ разогнать толпу. Полиция бросилась в атаку. Посыпались удары палок. Раздались крики избиваемых, появились первые жертвы. Джавахарлал Неру сидел у окна вагона. Увидев, что полицейские начали жестокую расправу, он оттолкнул конвойного и выскочил на перрон. «Не смейте бить!» — закричал он на полицейского офицера. С трудом полиция водворила арестованного на место, и поезд поспешно тронулся.

Ахмаднагарская тюрьма представляла собой унылую казарму, в которой в годы первой мировой войны содержались интернированные иностранные подданные. Ее обветшалые помещения располагались по периметру квадратного, совершенно голого двора, шириной метров шестьдесят. Условия содержания в ней были суровыми. Охрану тюрьмы несли придирчивые к заключенным английские солдаты. Переписка с родственниками и газеты были запрещены. Дни Неру текли скучно и однообразно. Он жил надеждой на освобождение и возможность новой борьбы, ибо и сам и его близкие понимали, что политика — его жизнь, его судьба. Он часто мысленно возвращался в родной «Ананд Бхаван». Индира к тому времени уже вернулась из Англии в Индию. Неру вспоминал, как он разволновался, когда узнал, что фашистские субмарины потопили несколько судов, шедших из Лондона в Бомбей. К счастью, она выехала на корабле, шедшем во втором караване. Но все эти потрясения, невзгоды, тяготы арестантской жизни, неустроенность быта, постоянные нападки колониальных властей, интриги правых сил, аресты друзей, смерть жены не смогли сломить мужественного борца. В то время, когда так остро встал вопрос об отношениях Индии с Англией и Джавахарлал Неру был

¹ «Да здравствует Махатма Ганди!»

поглощен трудными заботами, связанными с миссией Криппса, в его семье произошло важное событие — Индира вышла замуж. Ее муж — прогрессивный журналист Фероз Ганди, с которым Индира познакомилась во время учебы в Лондоне, был гостеприимно принят в дружном «Ананд Бхаване». Ортодоксальные брахманы были шокированы — Фероз Ганди был по религии парс и брак противоречил религиозным догмам индусов. Но молодые не побоялись гнева ревнителей культа. Более того, их супружеская жизнь началась под необычным и гордым знаком — вскоре после замужества сначала Индира, а потом Фероз попали в тюрьму по обвинению в антиправительственной деятельности.

В тюрьме Неру вновь и вновь возвращался к анализу борьбы, побед и поражений, активным участником которых он был, и пытался извлечь из них уроки на будущее. Он пришел к выводу, что ему следует основательнее и глубже изучить историю своего народа.

Еще накануне войны Джавахарлал Неру предпринял большую поездку по стране. «Для меня эта поездка означала открытие Индии и ее народа. Я увидел жизнь своей страны во всем ее богатом многообразии, но на всем этом, тем не менее, всегда лежала печать единой Индии. Я всматривался в миллионы устремленных на меня дружеских глаз и пытался понять, что за ними скрыто. Чем больше я знакомился с Индией, тем сильнее чувствовал, как мало я знаю о ее исключительной красоте и разнообразии и как много мне надо еще узнать. Мне часто казалось, что она улыбается мне, а иногда — что она смеется надо мной и ускользает от меня».

Индия... Он подолгу размышлял, чем она была для него? Может быть, это ее великолепнейшие дворцы махараджей и древние храмы, поражающие филигранным искусством строивших их мастеров? Или, может, это нищие деревни с убогими хижинами и бедным скербом их несчастных обитателей? Мудрость и самобытность великой «Махабхараты» или исполненные светлой доброты творения Таго-

ра? Борьба неистового Тилака или ненасильственное сопротивление Махатмы Ганди, полного сострадания и милосердия к людям? Он размышлял: «Индия была у меня в крови, и многое в ней меня инстинктивно глубоко волновало. И все же я подходил к ней почти как чужеземный критик, полный отвращения к настоящему и ко многим пережиткам прошлого, которые я наблюдал. Я пришел к ней в известной степени через Запад и смотрел на нее так, как мог бы смотреть дружелюбно расположенный европеец». Неру часто думал: «На Западе я чужой, посторонний. Я не могу принадлежать к нему. Но и в своей собственной стране я иной раз чувствую себя изгнанником».

Неру видел, как часто события далекого прошлого властно вторгались в современность. Древняя история Индии становилась весомым, а иногда и неопровержимым аргументом в идейно-политических спорах, которые с таким упорством велись вокруг вопросов о средствах борьбы и путях развития сегодняшней Индии. Он понял: «...Если мы хотели построить здание будущего Индии, прочное, надежное и красивое, мы должны были заложить фундамент на большой глубине». Чтобы правильно понять настоящее, надо дать глубокий анализ прошлого, не отвергая, но и не идеализируя его. Правильно утверждали древние — река постигается с истока. Не только мудрость веков, но и их безумие, не только гордая слава, но и позор народов хранит в себе история. Томас Манн писал: «Как в глубокое, очень глубокое жерло спустимся мы, бледнея, в бездонный и непроглядный колодец прошлого». Неру спускался в колодец прошлого, чтобы дать живительную влагу страждущим в настоящем. Он проникновенно писал: «Моя завроженность историей происходила не от знакомства с разрозненными событиями, совершившимися в прошлом, но скорее от их связи с тем, что подводило к настоящему. Только в таком случае история получала во мне отклик. Иначе она предстала бы чем-то случайным, не связанным с моей жизнью или этим миром».

Индира Ганди говорила об отце: «Одна из его отличительных черт заключалась в глубоком интересе и уважении к истории». У Неру была редкая судьба: он и творил историю, и описывал ее. Свои мысли о полной славы и трагизма истории своей родины, свое понимание Индии он решил изложить в книге. Он писал ее «с большим разбегом», но быстро, «на одном дыхании». «Я исписал тысячу страниц, перенося на бумагу путаницу идей, теснившихся в моей голове», — признавался он. Неру предстал в своем новом капитальном труде как историк с проницательным взглядом, глубокими обобщениями и смелым пером. Неру — историк и философ — явление не менее интересное и сложное, чем Неру — политик. У него острое историческое зрение, он пишет страстно, увлеченно, негодуя и любуясь историческими событиями и личностями. Новая работа была названа им «Открытие Индии». В этой большой книге, написанной эмоционально, в превосходном литературном стиле, Джавахарлал Неру наиболее полно изложил свое понимание истории Индии и стоявших перед ней трудных проблем. Это была книга-протест против социальной несправедливости, книга-борец за гуманизм и прогресс. Автору чужда позиция пушкинского Пимена: «добру и злу внимая равнодушно...» — он смотрит на беспокойный мир не безразличными глазами, а заинтересованно и страстно. События индийской истории Неру рассматривал на широком фоне всей истории человечества. И всем этим огромным материалом он владел уверенно и свободно.

В работе содержатся глубокие раздумья о богатой событиями истории Индии. С гордостью пишет автор об огромных творческих способностях, трудолюбии и таланте ее народа, оставившего современникам бесценное наследие своего гения. Народ с таким прошлым достоин и будет иметь большое будущее, считал Неру. С горечью и гневом написаны страницы, в которых описывается унижительный для достоинства народа и разрушительный для экономики страны период колониального рабства. Неру видел, что в этот тра-

гический отрезок многовековой истории его родины происходило ограбление ее материальных богатств, упадок нравственно-духовных и культурных ценностей. Одним из прискорбных последствий господства колонизаторов, по мнению Неру, была противоестественная изоляция Индии от других народов мира и, в частности, от народов Азии. Традиционные связи с ними были насильственно прерваны, и страну бесцеремонно сталкивали на обочину исторического процесса. Но Неру верил, что единство азиатских стран обретет силу после того, как они сбросят иго колонизаторов. Он писал: «Мировые события и общие интересы вынуждают страны Азии вновь обратиться друг к другу. Период европейского господства забывается, как дурной сон, а воспоминания о далеком прошлом говорят им о старой дружбе и совместных предприятиях».

Неру настоятельно подчеркивал закономерность и справедливость освободительной борьбы в колониальных странах: «Первейшим и основным стремлением для всякой поработанной страны должно быть стремление к национальному освобождению», — писал он. «...В современной Индии национализм был и остается неизбежным; он представляет собой естественное и здоровое явление. Первейшим и основным стремлением для всякой поработанной страны должно быть стремление к национальному освобождению». Это стремление народа суверенно распоряжаться своей судьбой автор и определяет понятием «национализм». Но он выступает против национальной ограниченности. Неру признает большое значение интернациональной борьбы народов. «Принцип национализма, — пишет он, — имеет глубокие и прочные корни; он не является чем-то отжившим, не имеющим значения для будущего. Однако наряду с ним возникли другие принципы, более прочно опирающиеся на неопровержимые факты сегодняшнего дня, — принцип интернационализма и пролетарский принцип, и если мы хотим достигнуть равновесия в мире и ослабить раздирающие его конфликты, мы должны стремиться к какому-то сочетанию

этих принципов». «Следует помнить,— писал Неру,— что националистическое движение в Индии, подобно всякому националистическому движению, было по существу буржуазным. Оно представляло собой естественную историческую стадию развития, и рассматривать его или критиковать его как движение рабочего класса было бы неправильно».

Особенно резко Неру выступал против всяких попыток оправдать британское господство в Индии. «Иногда нас уверяют в том,— пишет автор,— что наш национализм есть не что иное, как свидетельство нашей отсталости, а наши требования независимости — показатель нашей ограниченности. Те, кто это говорит, видимо, полагают, что, если бы мы согласились остаться в роли младших партнеров Британской империи или в Содружестве наций, это явилось бы торжеством подлинного интернационализма. Они, очевидно, не понимают, что этот вид так называемого интернационализма есть не что иное, как проявление узкого британского национализма, который не мог бы нам импонировать даже в том случае, если бы логические выводы, вытекающие из истории прошлых англо-индийских отношений, не исключили бы всякую возможность его воздействия на наше сознание».

Для Неру национализм — это идеология борьбы угнетенной нации против угнетающей, идеология, объединяющая все социальные слои в общенациональном движении за независимость. При этом важно отметить, что Неру и другие демократы, говоря о национализме, имели в виду, во-первых, не национализм какой-то одной нации или народа Индии, а национализм совокупности всех наций и народов многонациональной страны и, во-вторых, национализм Неру не означал противопоставления индийцев другим нациям и народам мира. Эта идеология, по его мнению, должна была внедряться в сознание народа только на время антиимпериалистической борьбы за независимость. После победы, писал он, «индийский народ, освобожденный от ужасного чувства угнетения и разочарования, снова подни-

мется и отбросит прочь свой узкий национализм и замкнутость. Исполненные гордости за свое индийское наследие, индийцы откроют свой ум и сердце другим народам и нациям и станут гражданами этого широкого и чарующего мира, участвуя вместе с другими народами в начавшихся еще в древности исканиях, пионерами которых были их предки».

Как и в предыдущих работах, Неру считал, что на борьбу против иностранных поработителей поднимутся все слои индийского народа, а возглавит его патриотическая часть средних слоев и интеллигенции. Что касается индийской буржуазии, то, по мнению Неру, этот класс «хотел расти и развиваться. Лишенный в условиях британского владычества такой возможности, он проникся духом бунтарства против этого владычества, однако этот дух не был направлен против системы, которая давила нас. Он пытался сохранить ее и овладеть ею, вытеснив англичан. Наша буржуазия в слишком большой степени была порождением этой самой системы, чтобы бросить ей вызов и добиться ее уничтожения». Проникновенные слова находит автор, когда пишет об огромном, несчастном и бедном индийском крестьянстве. Но в этих словах больше сочувствия и любви, чем определения его места в политической борьбе и оценки его как боевого союзника. «...Хотя я всегда мучительно сознавал недостатки и слабости моего народа,— писал Неру,— я нашел в крестьянском люде Индии нечто привлекательное, хотя и с трудом поддающееся определению. Это нечто отсутствовало у нашей буржуазии».

«Открытие Индии» — свидетельство нерасторжимого союза науки и политики. Причем у Неру не наука является служанкой прихоти политиков, но политика делается на основании анализов подлинной науки.

Свою книгу Джавахарлал Неру закончил, и это примечательно, словами, принадлежавшими перу советского писателя Николая Островского: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так,

чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества».

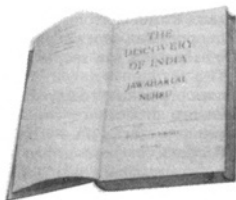
Дни в тюрьме тянулись медленно, как танга, которую тащит старый усталый бык. Но однажды Джавахарлалу принесли радостную весть — его единственная дочь Индира подарила ему первого внука. Мальчику дали имя Раджив. Когда Индира узнала что отца переводят в другую тюрьму, она взяла малыша и в пересыльной тюрьме при свете тюремного фонаря показала наследника растроганному деду. Кто тогда мог предположить, что это была встреча трех будущих премьер-министров независимой Индии!

28 марта 1945 года Неру вызвали к начальнику тюрьмы и объявили, что он направляется в тюрьму Наини. Но в знакомой и «обжитой» Наини ее старый «квартирант» не задержался — его перевезли в тюрьму Изатнагар, а потом в горную темницу Алмора. По всему чувствовалось, что колониальные власти нервничали. 15 июня 1945 года Джавахарлал Неру был освобожден. Девятое, последнее, самое продолжительное, длившееся 1041 день, заключение окончилось. Дома, в родном «Ананд Бхаване», Джавахарлал Неру пробыл всего один день. Индия бурлила, события, полные драматизма и надежд, накатывали друг на друга и, громоздясь, создавали чрезвычайно пеструю и сложную панораму политической жизни страны. Неру выехал в Бомбей, чтобы встретиться с лидерами своей партии. Он проезжал через десятки городов и с радостным изумлением наблюдал, что творилось на улицах.

«Я никогда раньше не видел таких огромных толп, такого лихорадочного возбуждения, такого страстного стремления народных масс к освобождению,— писал он.— Психологические перемены налицо. В обществе господствуют настроения всеобщего облегчения — облегчения от гнета, парализовавшего людей; высвобождение энергии долго по-

давяемых масс заметно повсюду. Традиционный страх перед полицейским или агентом секретной службы исчез, по крайней мере на время».

Развитие политических процессов уходило из-под контроля государственной власти. И дело вовсе не в том, что англичане что-то делали неправильно, вопреки своим интересам, и не в том, что в Индии не хватало умных, профессионально подготовленных администраторов-исполнителей из метрополии. Суть дела свелась к тому, что в общественном мнении Индии произошли качественные сдвиги, сдвиги в сознании людей. Быстро исчезали страх и покорность перед колониальными правителями, т. е. разрушались те духовные и психологические основы, на которых покоилась вся система деспотической власти. Именно эти сдвиги в сознании людей указывали на близкое освобождение Индии.

Первое издание книги «Открытие Индии», написанной Дж. Неру во время заключения в Ахмаднагарском форте (из библиотеки «Ананд Бхаван», Аллахабад)

● ИНДИЯ ОБРЕТАЕТ СВОБОДУ ●

В Индии зрела национально-освободительная революция. Революционный процесс в ней развивался на фоне и под влиянием глубоких сдвигов, происходивших в мире в середине XX века,— дорогами пожарищ страшной опустошительной войны шли к освобождению народы Европы, охваченное ужасом человечество впервые увидело злоеущие атомные грибы над самой развитой страной Азии — Японией. Планета нуждалась в мире. Мир рождался в муках.

Разгром фашизма в Европе и японского милитаризма в Азии привел к радикальному изменению глобального соотношения сил на политической арене в пользу демократии, социализма и национального освобождения. Общую идейно-политическую ситуацию в мире характеризовал небывалый взлет свободолюбия и светлых надежд всех людей планеты на скорые и добрые перемены. В историческое творчество, принявшее радикальные формы, активно включились многомиллионные массы населения всех континентов. У империализма не было достаточных сил

и возможностей помешать этому неодолимому движению. Ветер перемен гудел над миром. Были разбиты три сильных и наиболее агрессивных империалистических государства — Германия, Италия и Япония. До этого, в начале второй мировой войны потерпели военное поражение колониальные державы — Франция, Бельгия и Голландия. Была ослаблена войной Великобритания. Забуксовала громоздкая и старая машина колониального угнетения. Перед азиатскими народами возник исторический шанс самим определить свою судьбу. Успешно развивалось национально-освободительное движение в Китае. В странах Юго-Восточной Азии — Индонезии, Индокитае, Бирме, Малайе, на Филиппинах усилилась вооруженная борьба за полную независимость. Народы не хотели жить по-старому, консерваторы уже не могли управлять прежними методами. В национально-освободительное движение, возглавлявшееся ранее национальной буржуазией и средними слоями, пришли новые, динамичные политические силы и прежде всего численно, идейно и организационно выросший рабочий класс.

Активно и мужественно боролся против колонизаторов окрепший пролетариат Индии. Забастовки охватили не только отдельные фабрики и заводы, но и целые отрасли промышленности. Массовые демонстрации трудящихся часто заканчивались яростными рукопашными схватками с полицией. Поднялось на борьбу за землю индийское крестьянство. Ширилось недовольство среди служащих, чиновников и студенчества. Но, пожалуй, самым грозным и опасным для английских колониальных порядков были восстания в индийской армии и на флоте. Им предшествовал суд над офицерами «Индийской национальной армии», сформированной С. Ч. Босом в годы войны и выступившей против английских властей на стороне японцев. Процесс состоялся в Красном форте в ноябре 1945 года. На скамье подсудимых оказались три офицера английских колониальных войск, перешедшие на сторону «Индийской националь-

ной армии» С. Ч. Боса. Они были разного вероисповедания — генерал-майор Шах Наваз Хан (мусульманин), полковник Дхиллон (сикх) и майор Сахгал (индус). В своей речи военный прокурор инкриминировал подсудимым «ведение войны против власти английской короны в Индии», «измену делу Индии», «предательство индийского народа», хотя сам народ видел в их деяниях не предательство родины, а справедливую борьбу против английских колонизаторов. Английский публицист В. Рассел в книге «Индийское лето» писал: «Британские власти в Дели сами же необдуманно подливали масло в пламя негодования индийцев, устроив открытый суд над тремя видными офицерами армии С. Ч. Боса в Красном форте со всеми сценическими эффектами военного трибунала 1857 года».

Судебные заседания шли с 5 ноября по 31 декабря 1945 года. Страна была в напряжении. Тысячи людей приходили к стенам Красного форта, чтобы выразить свою солидарность с подсудимыми.

Защищать офицеров сочли за честь лучшие юристы Индии. Главным защитником выступил выдающийся адвокат и деятель Конгресса Бхулабхаи Десаи, ему помогали другие видные адвокаты, в том числе и недавно вышедший из тюрьмы Джавахарлал Неру. Его симпатии, как и симпатии большинства индийского народа, были на стороне обвиняемых. «Каковы бы ни были их просчеты и ошибки,— говорил он,— это хорошие молодые люди... и главное, что ими двигало — любовь к свободе Индии».

Страна требовала освобождения обвиняемых бойцов «Индийской национальной армии» и добилась этого. «Произошла проба сил,— сказал Неру,— между волей индийского народа и волей тех, кто управляет Индией, и в конечном счете победила воля народа».

Подчеркивая огромную значимость процесса в долголетнем противоборстве индийского народа и английских колонизаторов, Неру писал: «Ни один процесс в Индии — будь то в военном или гражданском суде — не прив-

лекал такого общественного внимания и не затрагивал столь важных вопросов национальной значимости. Важна была и юридическая сторона процесса, которая касалась довольно туманного и гибкого кодекса доктрин, известного как международное право. Но за юриспруденцией было нечто более глубокое и жизненно важное, что взбудоражило подсознательные глубины умов индийцев. Эти три офицера и Индийская национальная армия стали символом Индии, сражающейся за свою независимость. Все остальные проблемы отступили на задний план. Даже портрет этих трех человек, которых судили по обвинению в преступлении, наказуемом смертной казнью, потускнел перед более широкой картиной Индии. Процесс в драматической форме воскресил старую тяжбу: Англия против Индии».

Судебный фарс, рассчитанный на устрашение индийского народа, явно обратился против его устроителей. Чем ближе был день вынесения приговора, тем шире становилось массовое движение в защиту обвиняемых. Этот политический процесс далеко перерос рамки военного трибунала. Он был воспринят как оскорбление индийского народа и вызвал его гневный протест. «Вон из Индии!» — этот лозунг с новой силой прокатился по всей стране, от круч Гималаев до далекого мыса Кумари. Суд признал всех троих обвиняемых виновными в тяжком преступлении: ведении войны против английского короля. Но приговор долго не оглашали: боялись взрыва народного негодования. Наконец 31 декабря 1945 года он был оглашен: обвиняемые приговаривались к увольнению из армии и пожизненной каторге. Однако на другой же день последовал приказ главнокомандующего английскими вооруженными силами в Индии генерала Окинлека, отменявшего каторгу и ограничивавшего наказание увольнением из армии. Судебный процесс, таким образом, скандально провалился.

Дальнейшие события не заставили себя ждать. В январе 1946 года произошла забастовка военных летчиков, а в

феврале поднял знамя свободы флотский экипаж «Тальвар», приписанный к военно-морской базе Бомбея. «Тальвар» поддержали команды кораблей, стоявших на бомбейском рейде. К 19 февраля бастовало около 20 тысяч военных моряков. Моряки захватили портовые сооружения, выбрали штаб руководства восстанием, приготовили к бою материальную часть. Их поддержал всегда отличавшийся организованностью и боевитостью пролетариат Бомбея. «Да здравствует революция!», «Победа Индии!», «Долой английский империализм!» — под такими лозунгами разворачивались события в одном из крупнейших промышленных центров Индии. Мужественную борьбу бомбейцев поддерживали трудящиеся и солдаты других городов Индии. Социальная напряженность в стране повышалась с нарастающей быстротой. Моряки Бомбея, захватив корабли, сообщили лидерам Национального конгресса, что вручают военную мощь флота в руки национальных руководителей Индии и готовы выполнять их приказы. На языке хинди «тальвар» — «меч». Образно говоря, восставшие предложили Конгрессу меч. Это символично. Однако В. Патель именем Конгресса предложил морякам прекратить борьбу. После долгих колебаний повстанцы выполнили волю руководителей партии и капитулировали. Прекратили забастовку и бомбейские рабочие. Несмотря на это отступничество, было очевидно, что власть англичан в крупнейшей их колонии переживает тяжелейший за всю историю кризис. Следует отметить, что лидеры Конгресса (быть может, кроме погибшего С. Ч. Боса) никогда не придавали значения работе в армии. Восстание в Бомбее было для них неожиданностью. Первым оценил его значение Джавахарлал Неру. «Недавнее выступление моряков Королевского индийского флота, — заявил он, — оказало нашей стране огромную услугу. Пропать, разделявшая народные массы и вооруженные силы, исчезла раз и навсегда. Народ и солдаты стали ближе друг к другу. Они теперь понимают, что у них общая цель: освобождение страны от чужеземного господства».

Сэр Стаффорд Криппс, хорошо знавший положение в Индии, отмечал: «В конце войны все мы думали, что положение будет лучше, чем оно оказалось в действительности. Мы пытались справиться с положением при помощи паллиативных средств, которые приводили к ряду кризисов по мере того, как каждое из них себя исчерпывало». Сэр Стаффорд не преувеличивал. Видный английский чиновник в Индии П. Дж. Гриффитс, выступая с речью в Лондоне, откровенно признал: «Перед прибытием английской правительственной миссии¹ Индия, по мнению многих, стояла на грани революции. Правительственная миссия, по крайней мере, отсрочила, если не предотвратила, эту опасность».

Таково мнение хорошо информированных чиновников. А как считало английское военное командование? Были ли английские вооруженные силы в Индии способны подавить революционные выступления масс?

Начальник штаба английских войск в Индии лорд Исмэй высказался по этому поводу с образностью аристократа и прямоотой солдата: «...Индия представляла собой корабль с грузом боеприпасов в трюме, охваченный пожаром посреди океана. Главное, что требовалось в то время, это справиться с пожаром прежде, чем огонь доберется до боеприпасов. Фактически у нас не оставалось иного выбора, кроме того, что мы сделали» (Исмэй имел в виду предстоящий вывод английских войск и предоставление Индии независимости). Продолжая «маринистское» сравнение, можно сказать, что старый корабль владычицы морей попал

¹ Под давлением событий в Индии правительство Англии было вынуждено пойти на уступки. В феврале в Индию направилась миссия английского кабинета в составе министра по делам Индии Петик-Лоуренса, первого лорда адмиралтейства А. В. Александера и министра торговли Криппса для переговоров с лидерами политических партий страны по вопросам ее будущего государственного устройства. 15 марта 1946 года К. Р. Эттли, премьер-министр Англии, сменивший на этом посту У. Черчилля, настроенного в отношении Индии крайне консервативно, зачитал в палате общин декларацию, в которой объявлялось о предоставлении Индии статуса доминиона.

в жестокий шторм и его капитан и команда безнадежно сбились с курса. Восстание на флоте и в армии имело грозные для колонизаторов последствия: после него историческая инициатива окончательно перешла к силам национального освобождения.

Длившийся долгими тысячелетиями размеренный ритм истории Индии вдруг приобрел огромное ускорение и потребовал от лидеров национально-освободительного движения новых подходов, новых оценок. Острота и сложность политической ситуации, необходимость принятия немедленных и ответственных решений требовали, чтобы в это сложное для судеб Индии время, когда дни английского господства были сочтены, во главе нации стал политический лидер, обладающий волей, политической прозорливостью и пользующийся безусловной поддержкой самых широких масс населения. 26 апреля 1946 года председатель Конгресса Абул Калам Азад опубликовал заявление, в котором рекомендовал избрать председателем партии на предстоящем заседании Всеиндийского комитета Конгресса Джавахарлала Неру. Комитет прислушался к пожеланию Азада, и Неру был избран. Комитет обсудил предложение английского правительства о формировании при вице-короле Индии Временного индийского национального правительства. После недолгих прений Комитет принял предложение англичан и выделил для переговоров с вице-королем в Симле делегацию, в которую вошли маулана Абул Калам Азад, Дж. Неру, Махатма Ганди и сардар Патель. Одновременно в Симлу приехала делегация Мусульманской лиги и других религиозно-общинных организаций.

Несмотря на то что летом в Индии бывает страшная изнуряющая жара, в Симле, расположенной высоко в горах, было прохладно. Но это только в самом городе, а не за столом встреч. Колесница переговоров тащилась страшно медленно, застревая на завалах и выбоинах то и дело возникавших проблем. Здесь накалялись страсти и шли жаркие споры. Вице-король огласил проект, который предусмат-

ривал формирование правительства по общинно-религиозному признаку, причем 40% его состава должны были составить индусы, 40% — мусульмане и 20% — представители других религиозных меньшинств. Они представляли 275 миллионов индусов, 35 миллионов мусульман, 7 миллионов христиан, 6 миллионов сикхов, 100 тысяч парсов, а также евреев, джайнистов, буддистов и последователей других религий, распространенных в стране. Мусульманская лига отвергла эти предложения. Национальный конгресс отстаивал светский характер правительства и государства.

Между тем правительство Эттли предприняло новые шаги. В Индии были назначены выборы в Учредительное собрание. Национальный конгресс включился в предвыборную борьбу.

Накануне выборов Рабочий комитет Конгресса подготовил предвыборный манифест. Все индийцы, независимо от национальности и религии, призывались в нем голосовать за кандидатов Конгресса. В манифесте говорилось: «Шестьдесят лет Национальный конгресс ведет борьбу за свободу Индии. На протяжении этих долгих лет его история была неразрывно связана с историей индийского народа, из последних сил тянувшего ярмо, удерживавшее его в рабстве». Манифест провозглашал, что партия стоит за единство всех религиозных общин и групп и за доброжелательные отношения между ними. В нем декларировалось требование создания свободного, демократического государства с конституцией, гарантирующей всем его гражданам основные права и свободы. Для решения основных задач Индии Конгресс видел только один путь — путь достижения свободы и независимости. Политическая свобода должна одновременно быть и экономической, и социальной, подчеркивалось в манифесте. Индийский народ поверил Конгрессу и проголосовал за его кандидатов в депутаты.

Национальный конгресс получил 192 места, в то время как Мусульманская лига только 70. Остальные партии получили по несколько голосов. 12 августа 1946 года вице-

король обратился к Дж. Неру с предложением сформировать временное правительство. Вскоре появилось сообщение: «Его превосходительство вице-король с одобрения правительства Его Величества предложил председателю Конгресса немедленно сформировать временное правительство, и председатель Конгресса принял предложение. В ближайшее время пандит Джавахарлал Неру посетит Нью-Дели для обсуждения этого предложения с Его превосходительством вице-королем».

24 августа был объявлен состав временного правительства, в которое кроме Джавахарлала Неру, занявшего посты премьер-министра и министра иностранных дел, вошли В. Патель, Раджендра Прасад, Абул Калам Азад и другие лидеры Конгресса. Неру послал приглашение участвовать в правительстве лидеру Мусульманской лиги М. А. Джинне, но разочарованный крупным поражением на выборах и имевший другие виды на судьбы Индии (они были связаны с разделом страны по религиозному принципу), Джинна ответил отказом.

В первых числах сентября новое правительство было приведено к присяге на верность английской короне. Среди некоторых министров необходимость этой процедуры вызвала замешательство, но оно было недолгим, и вице-король принял присягу у всех. Руководство правительством и партией осуществлял триумвират, в который входили М. К. Ганди, идейный авторитет которого был признан всеми, Джавахарлал Неру, игравший решающую роль в государственном управлении, и честолюбивый, властный Патель, занимавший пост заместителя премьер-министра и стоявший на консервативных позициях. Джавахарлалу было тогда 57 лет. Он был достаточно молод, чтобы смело принимать радикальные решения, и уже достаточно мудр, чтобы не навязывать народу поспешные политические решения.

Трудно себе представить более противоположных по характеру людей, чем премьер-министр и его заместитель.

Известный английский публицист Джордж Паттерсон, хорошо знавший и того и другого, сравнивая их, писал: «Неру, обаятельный, мягкий, учтивый, великодушный до крайности, восприимчивый, порывистый и эмоциональный человек. Патель непреклонен и безжалостен, человек практичный и без воображения, груб в речах и действиях, холоден и расчетлив. Неру был голосом Конгресса, не любящим политических интриг и кулуарных манипуляций. Патель был хозяином партийной машины Конгресса, искусственным в политических маневрах».

Хотя первенство в политическом руководстве бесспорно принадлежало Неру, влияние Пателя было очень велико. Это объяснялось как серьезным ослаблением левых сил накануне войны и разбродом в их среде, которому противостояла сплоченность правых, так и большими организаторскими способностями Пателя и его контролем над аппаратом Конгресса. В отличие от Неру Патель не был трибуном, идеологом, но он не был и идеалистом, не знал свойственных Неру сомнений и колебаний. Это был человек железной воли. Неру никогда специально не занимался сплочением своих сторонников, организационной подготовкой к принятию решений, во внутрипартийной борьбе. Для Пателя это была родная стихия. В то время как Неру с конца 20-х годов увлекался пропагандой идеи социализма, консерваторы вместе с Пателем укрепляли свои позиции в аппарате Конгресса снизу доверху. Влияние Пателя было настолько велико, что в переходный период 1947—1950 годов два человека практически правили Индией — Неру и Патель. И если в области международных отношений, ставшей еще в годы борьбы за независимость предметом особых забот Неру, инициатива всецело принадлежала ему, то в области внутренней, экономической, социальной политики Неру приходилось постоянно вести борьбу со сторонниками Пателя, а подчас и идти на серьезные уступки. Когда в конце 1950 года в возрасте 75 лет сардар Патель умер, в его лице правые круги потеряли единственного лиде-

ра, способного в тот период противостоять авторитету Неру.

Но вернемся к тому периоду, когда временное правительство приступило к работе. Неру сразу оценил степень трудностей, с которыми встретилось новое правительство, и меру ответственности, которую взял на себя. В своем выступлении он, со свойственной ему образностью, отметил: «Один из друзей прислал мне такое послание: «Желаю вам выдержать все бури, первый кормчий государственного корабля, *bon voyage*». Послание ободряющее, но впереди много бурь, а наш государственный корабль старый, потрепанный, движется медленно и непригоден для нашего века быстрых изменений. Его придется сдать на слом и заменить другим. Но каким бы старым ни являлся корабль, каким бы слабым ни был его кормчий, все же, когда существуют миллионы горячих сердец и готовых помочь рук, мы можем смело выйти в открытое море и уверенно смотреть в будущее».

В Лондоне надеялись, что индийские национальные лидеры не пойдут дальше обеспечения себе сомнительно самостоятельных постов министров и помогут английским властям ограничить, а потом и вообще свернуть размах социальной стихии в Индии. 19 сентября лейбористское правительство опубликовало декларацию, устанавливавшую проведение в Индии выборов в центральное и законодательные собрания, в обязанности которых входило формирование учредительного органа по выработке новой конституции Индии.

В ноябре 1946 года в Мируте, городе, где в 1857 году вспыхнуло Великое восстание, где проходил знаменитый судебный процесс над коммунистами, состоялась первая послевоенная сессия Национального конгресса. Был обсужден вопрос о возможности перехода власти в руки национального индийского правительства и созыве Законодательного собрания страны. В принятой резолюции Конгресс призвал бороться за независимую республику, подчеркнув,

что содержание понятия «независимость» должно включать в себя построение общества, в котором привилегированные классы не смогут эксплуатировать большинство народа. Сессия продемонстрировала возросший авторитет Национального конгресса, возможность и готовность его руководства взять на себя ответственность за судьбы Индии. Народ ждал перемен. Твердая позиция Конгресса вызвала озабоченность Лондона. Правительство Эттли решило пригласить в Англию представителей индийских партий. Национальный конгресс представлял Джавахарлал Неру. Конференция открылась 5 декабря 1946 года. Уже первые дни ее работы убедили индийцев, что лейбористы в вопросе предоставления Индии независимости недалеко ушли от своих предшественников консерваторов. Разочарованный малоперспективными переговорами, Неру вернулся в Дели.

11 декабря 1946 года состоялась сессия вновь избранного Учредительного собрания. Мусульманская лига и рабочие перед колонизаторами князя бойкотировали собрание. Позиция Мусульманской лиги вызывала сильную тревогу: давно уже ее лидеры вынашивали план разделения Индии по религиозному принципу. Бойкот собрания свидетельствовал, что Лига готовилась к его практической реализации. Неру признавал, что сейчас нужны были действия, которые объединили бы все слои и все религиозные общины страны. В декабре он выступил на заседании Учредительного собрания с важным документом «Резолюция о целях». Речь его была взволнованной и яркой. Он призывал население страны к единству во имя великой цели — свободы родины. Как всегда, он выступал масштабно, с широкими обобщениями, глубокими выводами, эмоционально. Он говорил: «Стоя здесь... я ощущаю тяжесть нахлынувших на меня забот. Мы подошли к концу одной эры и, возможно, очень скоро вступим в новую. Я возвращаюсь мысленно к великому прошлому Индии, к пяти тысячелетиям индийской истории от самого ее зарождения, которое почти можно считать зарей истории

человечества, и до наших дней. Все это прошлое надвигается на меня, воодушевляет и в то же время немного гнетет. Достоин ли я такого прошлого? Когда же я думаю о будущем — надеюсь, еще более великом, — стоя на рубеже, отделяющем замечательное прошлое от еще более замечательного будущего, я прихожу в волнение и ощущаю, как огромна выпавшая на мою долю тяжелая задача». Неру черпал силы в том, что чувствовал себя преемником большой когорты борцов, в том, что победа Индии рождала в его памяти «революцию в России, в результате которой появился Союз Советских Социалистических Республик... могущественная страна, но к тому же сосед Индии». Имея в виду попытки нажима колонизаторов на Национальный конгресс, он твердо заявил: «Люди нередко давали — или пытались давать — нам советы, не сознавая, что Индия не хочет ничьих советов, никакого диктата. Единственный способ оказывать влияние на Индию — это проявлять по отношению к ней дружественные отношения, добрую волю и сотрудничать с ней».

Индийский народ видел, что в трудной борьбе за независимость наиболее решительную антиколониальную позицию среди лидеров Конгресса занимал Джавахарлал Неру.

20 февраля 1947 года премьер-министр Великобритании Эттли, внимательно следивший за бурными событиями в Индостане, выступил в парламенте с заявлением правительства, в котором объявил о том, что не позднее июня 1948 года власть в Индии будет передана в руки национального правительства. Он также сообщил, что вице-королем Индии вместо лорда Уэйвелла назначен лорд Маунтбэттен.

Представитель высших аристократических кругов Великобритании герцог Маунтбэттен был кадровым военным. Он имел звание адмирала и в годы второй мировой войны был Верховным главнокомандующим союзных войск в Юго-Восточной Азии. Новый вице-король слыл динамичным политиком, гибким и искусным дипломатом, способным

проводить линию правительства в Индии более изощренно и гибко, чем его предшественник. Маунтбэттен начал с активного изучения политической ситуации в стране. Он встречался с лидерами партий и представителями деловых кругов, князьями и журналистами. Чтобы создать обстановку доверительности и завоевать симпатии, он приглашал их на обеды и ужины, проходившие непрерывно. Досуние журналисты подсчитали, что Маунтбэттен пригласил на обеды 7605 человек, на ужины — 8313, на приемы в своем саду — 25 287. Таким образом у него побывало 41 205 гостей. Частым визитером у Маунтбэттена был Джавахарлал Неру. Хозяин дома и особенно его жена Эдвина Маунтбэттен уделяли ему неизменное внимание и были с ним подчеркнуто обходительны.

18 мая 1947 года Маунтбэттен вылетел в Лондон, чтобы доложить свои предложения о новом статусе Индии. Спустя полмесяца, 3 июня было опубликовано решение правительства Великобритании «О передаче власти Индии», которое гласило: 1) Индия делится на два государства, организуемые на основе религиозного признака. Государство индусов Бхарат и государство мусульман — Пакистан. 2) До государственного раздела решается вопрос о размежевании населения Бенгалии и Пенджаба, состоявшего как из индусов, так и из мусульман. 3) Княжествам предоставляется право выбора присоединиться к любому государству или остаться в подчинении английской короны. В 7 часов вечера 3 июня об этом плане было объявлено по Всеиндийскому радио. После официального сообщения выступил Маунтбэттен, а за ним Неру. Премьер-министр Индии выступал (и это знаменательно) на языке хинди. В его речи не было торжества. «В моем сердце нет радости, когда я предлагаю вам план», — грустно сказал он слушателям.

Нужно отметить, что раздел Индии выражал интересы наиболее реакционных партий, опирающихся на религиозно-общинную идеологию. Убежденным сторонником раз-

дела был лидер Мусульманской лиги Мухаммед Джинна. Этот высокий сухошавый господин с лицом аскета и тяжелым взглядом из-под густых седых бровей, хотя и не ходил в мечеть, пил вино и ел свинину, увлек за собой 90 миллионов мусульман Индостана и пользовался их полным, часто слепым доверием. Свое отношение к будущему страны он выразил с четкой краткостью латинского афоризма: «Либо Индия будет разделена, либо Индия будет разрушена». Конечно, Джинна знал, что раздел неизбежно вызовет кровопролитие, но неуклонно шел навстречу ему. «Мы должны будем пройти сквозь огонь, но этот огонь очистит нас», — утверждал он.

Демократические силы в Индии прилагали максимум усилий, чтобы если не ликвидировать, то хотя бы приглушить религиозную вражду. Лучшие сыны и дочери страны, не жалея времени и сил, боролись с тяжелыми распрями, возникавшими между религиозными общинами, прекрасно понимая, где корни зла. Опасный вирус религиозной розни упал на почву, взрыхленную невежеством и неграмотностью населения и закоренелыми религиозными предрассудками. Популярный в Индии поэт Валлатхол писал:

Вот вы, господа англичане,
Вовсю раздуваете ныне
Религиозные споры,
Чтоб легче народ разобщенный
Навеки свободы лишить.

Индии был навязан путь пагубный и страшный.

Маркс говорил, что над умами живых поколений как кошмар тяготеют традиции прошлого. Преодолеть косность реакционных традиций было невероятно трудно, а решение о разделе страны давало новый импульс для вспышек вражды. Позднее, в 1972 году премьер-министр Индии Индира Ганди с горечью и гневом скажет: «О, каким противостественным был раздел, навязанный нам англичанами! Безумная нелепость, если вспомнить, что

саму борьбу за независимость мы вели вместе — мусульмане и индусы».

Лидеры отдавали себе отчет в том, что осуществление раздела неизбежно вызовет резню на религиозной основе, которая может принять трагические размеры. А. К. Азад, один из руководителей Конгресса, мусульманин по религии, встретился с Маунтбэттенем и предупредил его о возможных последствиях. Маунтбэттен заверил: «Ну уж в этом отношении я даю вам полную гарантию. Я позабочусь о том, чтобы не допустить кровопролития и погромов. Я не штатский человек, а солдат. Если вопрос о разделе будет в принципе решен, я издам приказ, запрещающий религиозно-общинные беспорядки в любой части страны. При малейших признаках волнений я применю строжайшие меры, чтобы пресечь в корне любую попытку организации мятежа. Я даже не прибегну к помощи вооруженной полиции, а просто прикажу действовать наземным войскам и воздушному флоту и пушу в ход танки и самолеты, если кто-либо вздумает создавать беспорядки».

Маунтбэттен понимал, что принятие плана раздела Индии во многом зависит от того, какую позицию займут признанные лидеры нации. Он начал длительные беседы, смысл которых сводился к тому, что Индия может быть независимой, разделенной или неразделенной, но под властью английской короны. Первым с планом раздела согласился сардар Патель. Джавахарлал Неру долго противился идее раздела, понимая, какие страшные последствия он принесет Индии. И все же упорство Маунтбэттена оказалось сильнее убежденности Неру. Он дал свое согласие.

Абул Калам Азад писал по поводу эволюции позиции Неру: «...Лорд Маунтбэттен обратил все свое внимание на Джавахарлала. Джавахарлал сначала вовсе не был склонен прислушиваться к его убеждениям и бурно реагировал против самой идеи раздела, лорд Маунтбэттен продолжал упорствовать, пока наконец Джавахарлал

не начал шаг за шагом сдавать позиции. Спустя месяц со времени приезда Маунтбэттена в Индию Джавахарлал, решительный противник раздела, если не превратился в сторонника этой идеи, то во всяком случае начал проявлять признаки молчаливого согласия». Долго упорствовал и решительно выступал против раздела Ганди. «Сначала расчлените мое тело, а потом разделите Индию», — не устал повторять он. Маунтбэттен знал, сколь велико было влияние Махатмы в индийском народе и как много значило его слово. Он не мог доложить в Лондон о принятии плана, пока руководство Конгресса не примет своего решения.

В середине июня состоялось заседание Всеиндийского комитета Конгресса. Руководители партии должны были высказать свое отношение к плану раздела. Ответственность перед историей своей родины тяжело легла на их плечи. На заседании Комитета присутствовало 218 человек, и после долгих и трудных прений 157 из них проголосовали за раздел. Комментируя принятие Национальным конгрессом «плана Маунтбэттена», В. Патель заметил, что перед Индией стояла дилемма «либо раздел, либо полная «балканизация» (то есть распад на мелкие государственные образования. — Авт.) и анархия». За раздел проголосовал и Джавахарлал Неру. Как писал известный публицист Бречер, Ганди, этот великий примиренец, действовал как настоящий революционер, а Неру, признанный революционер Индийского национального конгресса, принял компромиссное решение. Маунтбэттен поспешил доложить в Лондон о своем успехе и лично разработал образцы флагов для Индии и Пакистана. Для Индии это был шафраново-зелено-белый флаг Конгресса с английским «Юнион Джеком» в верхнем углу у древка. Лидеры Конгресса отказались от этих непрошенных услуг Маунтбэттена.

Сразу после утверждения Конгрессом «плана Маунтбэттена» началось разделение Бенгалии и Пенджаба. С обжитых мест, где веками трудились их предки, индусы и

мусульмане с убогим скарбом двинулись навстречу друг другу. Без средств к существованию, лишившиеся своей единственной кормилицы — земли, голодные и отчаявшиеся брели они по невыносимой июньской жаре. Число беженцев составило 12 миллионов человек. Искры неизбежных столкновений вызвали страшный пожар индусско-мусульманской резни. Люди не заметили, как во взаимных нападках и обидах перешли черту, отделявшую разум от безумия.

До колонизации межконфессиональные отношения религиозных общин были неоднозначными; миролюбивая нетождественность, откровенная отчужденность, редко — враждебность. Но никогда они не принимали характера массовых погромов, фактически — религиозной войны. В разделе Индии, образовании двух государств и вызванной тем самым резне — трагический парадокс периода борьбы за независимость.

Темные силы религиозного фанатизма, овладевшие умами неграмотных, невежественных людей, обрушились на многострадальную страну. Неумолимо расплзалась и росла слепая злоба. Обезлюдели города и села, рушились дома горожан, горели убогие хижинки крестьян. На огромных пространствах царствовал террор. Религиозные фанатики устраивали настоящую охоту на людей другой веры. Лилась кровь индусов, мусульман, сикхов. Гремели выстрелы, раздавались стоны, кричали женщины и дети. С иерихонским трубным воем мчались полицейские машины. Однако полиция ничего не могла сделать. Вчерашние мирные лавочники, скромные ремесленники, робкие мелкие чиновники, даже забытые крестьяне превратились в жестоких погромщиков. Индия содрогалась от ужаса. Там, где была тишина, была тишина погоста. Ожиревшие грифы — эти санитары Индии — получали в те дни вдоволь пищи.

За несколько месяцев погромов, сопровождавших раздел страны на два государства, индийский народ потерял

около полумиллиона убитыми, были разрушены сотни городов и сел, разграблено несчетное количество имущества. Для Индии это значительно большие потери, чем за шесть лет второй мировой войны на полях сражений.

Лидеры Конгресса как могли старались предотвратить и затем прекратить братоубийственную бойню. Они выступали с горячими призывами к народу на митингах, печатали статьи в газетах, но их усилия были тщетны.

Восхищение современников и потомков вызывает мужество Махатмы Ганди в это трагическое время. В кровавой вакханалии религиозных противоречий раздался голос разума. Узнав о беде, постигшей народ, он выехал в истекающую кровью Калькутту, где положение было особенно ужасным. Мглистый, дымный, влажный чудище-город переживал страшные дни погромов. Без охраны и провожатых Ганди пошел по изуродованным кварталам индусов и мусульман, призывая их к миру и любви. Он хотел победить зло добром и ненасилием, как две тысячи лет до него пытался это сделать Иисус из Назарета, назвавший себя сыном человеческим и которого его противники распяли на Голгофе.

Когда Ганди сообщили о вспышке религиозных погромов в округе Ноакхали, расположенном во многих милях от Калькутты, он немедленно отправился туда. Взяв в руки посох, семидесятисемилетний старец бесстрашно пошел по деревням, где неистовствовал злой фанатизм. Его тихому, но твердому голосу, призывавшему к милосердию и братству, внимали крестьяне 49 деревень.

Пожар религиозных распрей вспыхивал то в одном, то в другом районе страны. И Ганди решил выступить один на один против, казалось, всемогущего безумства религиозного фанатизма. 12 января 1948 года он заявил, что объявляет голодовку до тех пор, пока противоборствующие стороны не прекратят кровопролития и не заключат мир. Прошла неделя, Ганди не взял в рот ни крошки еды.

Взволнованная Индия с тревогой следила за голодовкой Махатмы. И случилось невероятное: пророк ненасилия одержал победу. 18 января под давлением народных масс представители враждующих общин в присутствии Ганди подписали соглашение о перемирии.

Облеченный высокой ответственностью и наделенный большой властью, Джавахарлал Неру с содроганием смотрел на кошмар братоубийственной войны, предотвратить которую он не сумел. Ее жестокость и масштабы приводили его в отчаяние. Однажды религиозные фанатики-индусы схватили женщину-мусульманку, обернули ее в тряпку, облили бензином, подожгли и бросили к подъезду дома Неру. Один французский журналист видел, как в торговом центре Дели возникла очередная вспышка индо-мусульманской резни. Загрохотали выстрелы, раздались громкие крики и плач. Сразу же начался грабеж в магазинах. В это время по улице на большой скорости ехала правительственная машина. Вдруг она остановилась и из нее выскочил Неру. Воскликнув «Немедленно прекратите!», он начал дубасить тростью мародера, тащившего что-то из магазина. Возможно, это была легенда, рожденная любовью к Неру, но индийские газеты об этом широко писали.

Неру знал: при самом трудном положении худший выход из него — паника. Когда началась резня в Пенджабе, Неру вместе с премьер-министром Пакистана Liaquat Али-ханом выехал в пограничные районы, чтобы попытаться прекратить бессмысленное кровопролитие. Позднее Неру посетил беспокойный Бихар. Его столица Патна напоминала фронтовой город: бушующие пожары, разрушенные дома, выбитые и разграбленные витрины магазинов. Джавахарлал энергично включился в работу. Он ходил по кварталам мусульман и индусов, созывая собрания и митинги, беседовал со служителями религий. Абдул Калам Азад, свидетель этих трагических дней в Патне, вспоминал: «Я находился тогда почти две недели в Патне и был восхищен

твердостью и энергией, проявленными Джавахарлалом в его стремлении положить конец этим покушениям на жизнь и имущество людей. Все мы стремились к этой же цели, но нельзя отрицать, что самая главная роль в осуществлении этой задачи принадлежала Джавахарлалу Неру». Болезненно и сложно происходило расчленение Индостана. К августу 1947 года большинство мусульман оказалось на северо-западе и северо-востоке полуострова. Там должно было возникнуть другое независимое государство — Пакистан.

* * *

15 августа 1947 года открылся новый период в истории Индии. Произошла победоносная буржуазно-демократическая антиколониальная революция. Во главе революционного процесса стояла индийская национальная буржуазия и средние городские слои, а ее основной движущей силой были широкие народные массы.

В политическом действии участвовало несколько классов и социальных групп, но национально-освободительная борьба выражала устремления всего индийского общества, а не отдельных его частей. Индийская революция включила в себя национально-освободительное движение всех наций и народов Индии против чужеземных колонизаторов и демократическое движение прогрессивных сил против национальной реакции. Она проходила в разных формах, объединив в своем широком потоке вооруженную борьбу восставших моряков и летчиков, массовое забастовочное движение рабочего класса, крестьянские выступления против помещиков и решительные антиколонизаторские действия широких слоев населения под руководством Национального конгресса. Крупный политический лидер, встав во главе авангарда класса, способен выразить интересы большой социальной группы. Национальный лидер, а именно им был Джавахарлал Неру, выражал интересы многих противостоящих колониализму социальных сил и олицетво-

рял антиимпериалистическое единство всего индийского народа.

Революция в Индии не приняла форму освободительной войны, на ее полях не разворачивались сражения, как это было в революциях в других странах Азии в наше время и в прошлом в Европе. Более того, власть колонизаторов рухнула до того, как последний английский солдат бесславно прошел под аркой «Ворота Индии». Тем не менее август 1947 года в Индии знаменовал такой крутой перелом в жизни широчайших масс индийского народа, который с полным основанием можно назвать революцией.

Известно, что коренной вопрос любой революции — вопрос о власти. Антиколониальная революция в Индии ликвидировала двухсотлетнее господство англичан и передала власть в руки классов индийского общества, которые получили возможность обеспечить суверенное развитие страны. Национальное правительство Индии теперь могло наметить дальнейший путь прогресса, проводить необходимые социально-экономические преобразования, создать новый государственный аппарат (включая органы управления, армию, суд, средства массовой информации и т. д.). Пришедшие к власти силы могли выработать свой внешнеполитический курс, устанавливать дипломатические отношения и заключать договоры с другими странами.

Основными целями национального движения были завоевание суверенитета и создание независимого индийского государства. Большинство сил, стоявших во главе движения за суверенитет, стремилось к серьезной перестройке колониальной социально-экономической структуры и отсталых общественных отношений в стране. В этом смысле программные установки национального движения отражали интересы всех классов, слоев и групп колониального общества, втянутых в конфронтацию с империализмом. Вместе с тем идеология и политика национального дви-

жения были сформулированы таким образом, чтобы избежать столкновения интересов различных классовых групп.

На этапе движения за независимость Национальный конгресс был проводником *общенациональных* интересов. Однако хотелось бы подчеркнуть, что интересы народных масс, демократических слоев населения отражались в программе ИНК в той мере, в какой эти силы были способны выдвинуть самостоятельную программу социально-экономических и политических преобразований. Трудящиеся (крестьянство, ремесленники, городские низы, фабрично-заводской пролетариат) в подавляющем большинстве поддерживали Национальный конгресс в период очередного давления на колониальный режим. В этой поддержке был залог успеха антиколониальной стратегии и тактики ИНК.

Непосредственное руководство национально-освободительным движением находилось в руках представителей городских средних слоев — выходцев главным образом из мира интеллектуального труда (юристов, журналистов, врачей, учителей и т. п.). Эта среда выдвигала выдающихся общественно-политических деятелей, таких, как Джавахарлал Неру.

Завоевание Индией независимости было прорывом одного из наиболее важных звеньев в цепи мировой колониальной системы, за которым последовали новые удары, в результате чего произошел ее окончательный распад. Карта Азии и Африки, раскрашенная ранее в цвета европейских метрополий, запестрела яркими цветами новых государств.

* * *

Теперь Неру все реже бывал в Аллахабаде. Став во главе правительства Индии, он переехал в Дели в новый особняк. Это был богатый двухэтажный дом, построенный в 1930 году для командующего британскими вооруженными

силами в Индии. Тяжеловесный и помпезный, он величественно расположился за высокой оградой в глубине хорошо ухоженного парка. В деревьях парка ловко шмыгали серенькие, с темными полосками на спине индийские белочки. Индийцы называли этот дом, после того как в него въехал Неру, «Тин мурти» («Дом трех львов») ¹.

Хотя день Неру был уплотнен до предела, он старался найти время для друзей, семьи и народа. Новый хозяин изменил атмосферу, которая царил в бывшем особняке английского генерала. Индира Ганди вспоминала о жизни в доме своего отца: «...когда он стал жить в этой официальной резиденции, он превратил ее в подлинный дом народа. Он считал себя гостем, который поселился здесь на какое-то время, а настоящими хозяевами он считал людей, уже тогда стекавшихся со всех концов страны, со всех концов мира». В «Тин мурти» утвердилось глубокое уважение к деятельности ума и силе человеческого духа, ибо сам хозяин был мыслителем и творцом. Он говорил: «Счастливейший человек тот, чье мышление и действия согласованы». Почтение, основанное на страхе, внушаемое домом при старом хозяине, сменилось любовью и приязнью населения столицы — при новом. У Неру часто бывали государственные деятели и партийные функционеры, писатели, художники, ученые, музыканты. Это были разные люди, но объединяло их одно — они были самобытными, яркими личностями. Сам высокообразованный, эрудированный, подлинный интеллигент, Неру окружал себя талантами, что посредственность себе никогда не позволит. Как истинный интеллектуал, он щедро делился своими мыслями с окружающими и заслуженно слыл интереснейшим и веселым собеседником. Индира Ганди вспоминала:

¹ Правитель древнеиндийской династии Маурья Ашока установил в столице своей империи колонну, капитель которой венчали три льва. Львиная капитель Ашоки почитается гербом независимой Индии.

«...мне кажется, что одна из отличительных черт в характере моего отца заключалась в том, что всякий раз, когда какое-либо событие или место казались ему слишком казенным, он находил возможность сделать что-нибудь такое, что придавало этому событию более веселую окраску». У Неру была великолепнейшая библиотека и в «Ананд Бхаване», и в новой резиденции «Тин мурти». Сам автор блестящих работ, Неру очень любил книги.

Среди деятелей искусства, к которым Неру относился с высочайшим уважением, был и талантливый русский художник Н. Рерих, живший в Индии. Неру с Индирой навещали Рерихов в их доме в долине Кулу, расположенной в Гималаях. Они долго беседовали об истинном и наносном в великой культуре Индии, вместе ездили на народные гулянья, бродили по Гималаям. Сын Николая Константиновича, Святослав, написал запоминающийся портрет Неру. Неру высоко ценил творчество Рериха. Он подолгу смотрел на его прекрасные полотна с грозными кручами таинственных Гималаев и, возможно, воспоминания юности, когда он путешествовал с Камалой по Кашмиру, приходили к нему и тревожили его душу. Он писал: «Когда вы смотрите на эти полотна, многие из которых отображают Гималаи, кажется, что вы улавливаете дух этих великих гор. Они веками возвышались над равнинами и были нашими стражами. Картины эти напоминают нам многое из нашей истории, нашего мышления, нашего культурного и духовного».

Свободное время он отдавал беседам с дочерью. Она живо интересовалась делами отца. Вместе с Индирой, которой в год провозглашения независимости Индии исполнилось тридцать лет, они обсуждали пути развития их родины. Дочь унаследовала от отца глубину и масштабность мышления. Но государственная мудрость — это не только интеллект, но и опыт, способность быстро оценить меняющуюся ситуацию и смелость для принятия ответственных решений. Простое накопление информации не делает политика

мудрым. Неру видел, как обретает опыт его дочь. Он часто и с удовольствием возился с внуками: старшим Радживом и младшим Санджаем. И еще одно увлечение было у Джавахарлала — пилотаж на планере. Он любил ощущение полета, любил почувствовать себя птицей в небе. Внуки с восхищением смотрели на него и сами бредили самолетами. Мог ли он думать, что увлечение одного из них, Санджая, будет стоять тому жизни?

Речь по случаю
Дня независимости

● ТЯЖЕЛОЕ НАСЛЕДСТВО ●
УБИЙСТВО ГАНДИ ●

Перед правительством Джавахарлала Неру сразу же возникло множество острейших проблем во всех сферах жизни: экономике, государственном строительстве, национальных отношениях, социальной политике, религии и идеологии. Одной из первостепенных задач, требующих немедленного решения, стала проблема продовольствия — народ Индии фактически голодал. Война обескровила и без того отсталое хозяйство колониальной страны. Индийская «кладовая» Англии была безнадежно пуста. Долгожданная свобода пришла в Индию в нищенском рубище с сумой, полной проблем. История показывает, что в периоды общественных потрясений выплескиваются из глубин десятилетиями и веками зреющие противоречия. Эту закономерность подтвердил индийский опыт.

Индия к моменту завоевания независимости производила в год менее одного миллиона тонн стали, только 4 миллиона киловатт электроэнергии, добывала ничтожное количество угля. Достаточно сравнить — маленькая

Бельгия выплавляла стали больше, чем Индия, в четыре раза! В полном расстройстве находились финансы. Не было валюты. Требовалось немедленно и радикально менять всю инфраструктуру колониального хозяйства. В состоянии затяжного кризиса находилась основная отрасль индийской экономики — сельское хозяйство. 60% обрабатывавшихся земель находилось в руках у помещиков-заминдаров, сдававших крохотные наделы бесправным и забитым арендаторам. Земледелие находилось на уровне времен «Махабхараты» и «Рамаяны». Все тот же покорный бжк или буйвол, все та же соха или мотыга. Урожайность индийских полей была одной из самых низких в мире и полностью зависела от капризов непостоянной погоды с ее частыми засухами, ураганами и наводнениями. К ним обязательно надо добавить опустошительные набеги 136 миллионов прожорливых обезьян, которых по канонам индуизма нельзя было прогонять. По улицам городов бродили свыше двухсот миллионов священных коров, тогда как по потреблению мяса Индия прочно занимала одно из последних мест в мире. Средняя продолжительность жизни индийца не превышала 26 лет. Экономическую отсталость усугубил раздел страны. Были разрушены устоявшиеся традиционные хозяйственные связи. Джут, например, культивировался на полях Восточной Бенгалии, отошедшей к Пакистану, а джутовые фабрики находились в Калькутте, в Индии.

Нет нужды рассказывать, как сказался раздел на национальных отношениях. Братья и сестры, родители и дети оказывались вдруг в разных государствах. Посол Индии в Швейцарии был немало удивлен, когда послом Пакистана в эту страну был назначен его родной брат. Десятки тысяч беженцев жили в ветхих палатках, и им надо было дать землю, жилища, занятость и минимальные средства к существованию. В их лагерях собирали богатый урожай голод, нужда и болезни. Несчастья беженцев даже для Индии были чудовищными, а для развитого благополучного Запада —

просто невообразимы. Народ одной из древнейших в мире цивилизаций, чья богатейшая культура насчитывала тысячелетия, на 85 процентов был неграмотен. Невежество, воспитанные десятилетиями покорность судьбе и конформизм, апатия населения также не способствовали быстрому преодолению наследия колониального прошлого. Как образно выразился Неру, Индия должна была научиться бегать, не умея ходить. Стране требовался определенный переходный период, который нельзя было растягивать на долгие годы. Необходима была скорейшая стабилизация экономической, политической, религиозной, межнациональной жизни. Народ жаждал мира и порядка. В особняках консерваторов существовало устойчивое мнение, что без помощи англичан Индия не обойдется.

В ноябре 1947 года Всеиндийский комитет конгресса принял резолюцию, в которой определялись цели партии на будущее. В ней, среди прочего, декларировалось: «Наша цель состоит в развитии политической системы, сочетающей эффективность административного управления с личной свободой и такой экономической структурой, которая давала бы возможность выпускать максимум продукции без частных монополий и концентрации богатства в руках немногих и которая создавала бы определенный баланс между экономикой города и деревни. Такая социальная структура должна обеспечить альтернативу стяжательной экономике частного капитализма и организации тоталитарного государства». Заметим, что это была еще не концепция социально-экономического развития страны, а декларация правящего Конгресса о желательных намерениях и целях. В преамбуле резолюции, в частности, утверждалось: «Целью Индийского национального конгресса является благополучие и прогресс народа Индии и установление в стране мирными и законными средствами кооперативного содружества, основанного на равенстве возможностей, политических, экономических и социальных прав и стремящегося к всеобщему миру и сотрудничеству».

В соответствии с этой резолюцией был создан Комитет ИНК по экономической программе. Во главе этого комитета стал Джавахарлал Неру. Комитет Неру ставил своей целью выработать реалистический план самостоятельного экономического и социально-политического развития Индии, способный мобилизовать широчайшие слои населения страны. Неру говорил: «Я утверждаю, что суть единственно возможной политики заключается в том, чтобы работать для 360 миллионов людей — не для немногих, не для групп, а для всех». Путь решения проблем экономического развития Джавахарлал Неру видел в смешанной экономике, т. е. в создании и развитии государственного сектора, в первую очередь в определяющих отраслях промышленности и транспорта, и поощрении частного предпринимательства. При этом он считал, что государственный сектор должен иметь лучшие перспективы развития и постепенно потеснить частный, так как все основные отрасли промышленности должны находиться в руках государства. В опубликованном комитетом Неру программном заявлении предусматривались национализация коммунальных предприятий, оборонной индустрии и ключевых отраслей промышленности, а также ограничение деятельности частных монополий, введение максимальных размеров прибыли (5%) и т. д.

Создание смешанной экономики в условиях унаследованной от колониализма структуры было смелым и перспективным решением. Джавахарлал Неру первым оценил значение и наметил пути масштабного развития государственного сектора в условиях освободившейся от колониальной зависимости страны, развивающейся по капиталистическому пути. Он считал, что быстрее преодоление социально-экономической отсталости невозможно без выработки новой модели развития, которая должна быть основана на принципах политической демократии и общенационального согласия (*консенсуса*), с одной стороны, и ускоренном экономическом росте, расширенном при-

менении методов государственного регулирования, преобладании реформистских подходов к общественным проблемам — с другой.

Однако эти планы Неру встретили решительное и упорное сопротивление монополистов и крупных предпринимателей, имевших своих представителей в Конгрессе. Они в ультимативной форме требовали предоставления крупному капиталу широкого поля деятельности, утверждали, что без них Индия не сможет справиться с экономическим хаосом.

7 апреля 1948 года была официально объявлена промышленная политика правительства. Лишь три отрасли промышленности относились всецело к государственному сектору — военное снабжение, атомная энергия и железные дороги. В шести других областях правительство резервировало за собой исключительное право открывать новые предприятия (это касалось добычи каменного угля, металлургии, самолетостроения, судостроения, производства материалов для телеграфной и телефонной сети, разработки полезных ископаемых). Существующие предприятия в этих областях сохраняли полную свободу действий, национализация откладывалась по меньшей мере на десять лет. Все остальные отрасли промышленности были полностью открыты для частного предпринимательства.

Неру каждый день ощущал, что декларации, с которыми он обращался к народу, планы, которые он так давно и тщательно вынашивал, встречают глухое, но сильное сопротивление могущественных сил, и предстоит долгая и упорная борьба, чтобы реализовать их на практике.

В декабре 1948 года Национальный конгресс собрался в Джайпуре на свою очередную сессию. Партия была в зените своей славы. За ней был заслуженный авторитет организации, возглавившей победоносную борьбу за свободу. Ее лидеры М. К. Ганди, Джавахарлал Неру были признанными вождями народа. Численность партии превысила 10 миллионов человек. На открытии Джайпурской сессии присутствовало почти четыре тысячи делегатов и огромное коли-

чество (около двухсот тысяч) гостей. Такого представительного форума за свою долгую историю Национальный конгресс еще не собирал. В повестку дня сессии был включен ряд важных вопросов, в том числе план преодоления экономических трудностей и проект будущего государственного устройства суверенной Индии.

Неру и правительство Индии предложили делегатам резолюцию, в которой говорилось: «Политика Конгресса состоит в том, чтобы обеспечить функционирование промышленности в интересах нации и чтобы ключевые отрасли промышленности во все большей мере переходили под контроль и собственность государства. Однако Конгресс не намерен причинить ущерб законным интересам промышленности». Как видно, партия не включила в программу своих действий ограничение частного капитала. Более того, она обещала ему довольно обширную сферу для развития (и в этом чувствовалось влияние идей Дж. М. Кейнса и его последователей). Консервативные силы не дали возможности реализовать обещания по ограничению деятельности крупной буржуазии. Конгресс продемонстрировал расхождение между идеологией и политикой. Более решительные, чем в промышленности, предполагались преобразования в сфере аграрных отношений. Национальная буржуазия и ее партия пошли на значительное ограничение феодально-помещичьего класса. В аграрном вопросе программа предусматривала проведение реформ с целью ликвидации крупного помещичьего землевладения и определение максимального размера земельных наделов. Отобранные земли должны были передаваться деревенским кооперативам. После долгих прений предложенный Неру план экономических преобразований был принят делегатами Джайпурской сессии Конгресса.

Важным вопросом, дебатировавшимся на Джайпурской сессии, был вопрос о государственном устройстве и национальном строительстве. Делегаты сессии приняли решение создать специальный комитет, который должен был подго-

товить проект будущего государственного и административного строя суверенной Индии. Джайпурская сессия сыграла важную роль в жизни Национального конгресса и страны.

Очень сложно шло решение социальных проблем Индии. Индийское общество характеризовалось социальной пестротой, основанной на многоукладности ее экономического базиса. Полуфеодалные крестьяне и наемные сельскохозяйственные рабочие современных плантаций в деревне; работающие на средневековых началах ремесленники и индустриальный пролетариат городов; компрадоры, монополисты, финансовые тузы, одни из богатейших в Азии, и мелкие розничные торговцы с лотков, продающие за бесценок безделушки; огромные многомиллионные города и дикие племена в джунглях — все это являло причудливый социальный ландшафт Индии.

Главной силой, олицетворявшей отсталость и реакцию в стране, были князья. Как уже говорилось, на территории Индии существовало примерно 600 княжеств. Феодалы назывались по-разному: махараджи, раджи, навабы, низамы, но сущность была одна — они осколки давно ушедшей средневековой Индии. К судьбам своих народов и всей Индии большинство из них было равнодушно. Они давно уже не выражали интересы своего народа и проводили дни в праздности. Это был очаг отсталости и консерватизма. Народ с негодованием смотрел на вызывающую роскошь и оскорбительный паразитизм этих реликтов прошлого. Однако раджи и махараджи пользовались щедрой поддержкой англичан и потому были не только живучи, но и необыкновенно воинственны. Еще в канун войны один из них заявил, выступая в палате князей индийского правительства: «Мы, правители индийских княжеств, не какие-нибудь кондотьеры. Я беру на себя смелость заявить, что мы, кто может благодаря наследственной власти, длившейся столетиями, претендовать на то, что унаследовали административные инстинкты и, мне кажется, известную долю государственной мудрости, должны остерегаться,

чтобы нас не толкнули на поспешное или необдуманное решение... Разрешите мне заявить со всей скромностью, что князья не собираются позволить кому-либо уничтожить себя и что если, к несчастью, придет такое время, когда корона будет не в состоянии предоставить индийским княжествам... необходимую защиту, князья и княжества умрут, сражаясь до последней капли крови». Эти люди, сфокусировавшие в себе социально-классовую деградацию, олицетворявшие закоренелый порок и несшие на себе несмысленную печать вырождения своего класса, были не способны на самостоятельную исторически масштабную политическую борьбу, но союзником любой реакционной силы они, несомненно, быть могли.

Крупный английский чиновник в Индии Л. Ф. Рашбрук-Вильямс писал о роли индийских княжеств в английской колониальной политике: «Положение этих феодальных княжеств, расположенных наподобие клеток шахматной доски по всей Индии, является прекрасной мерой предосторожности. Они составляют собой как бы обширную сеть дружественных крепостей, разбросанных на оспариваемой территории. Если бы в Индии вспыхнуло всеобщее восстание против англичан, оно не могло бы охватить всю страну благодаря существованию этой сети сильных и преданных нам туземных княжеств».

Неру видел, что само существование князей возможно только благодаря силе и воле колонизаторов. Англичане протянули руку умирающему феодальному классу и использовали его как свою социальную опору в Индии. Правительство Неру считало необходимым в интересах страны и народа покончить с этим анахронизмом. Князья знали это и не хотели сдаваться без борьбы. Они не без оснований рассчитывали, что встретят поддержку у своих высоких покровителей из Лондона, и не ошиблись в этих расчетах. Маунтбэттен выдвинул план, предусматривающий для князей возможность не входить в состав Индии, а создать формально суверенные, но находящиеся под про-

текцией Англии государства. Но у Неру были свои резоны, и он не замедлил их высказать.

Еще 13 июня 1947 года состоялось совещание по административно-правовым вопросам, на котором присутствовали Маунтбэттен, Корфилд, видный английский чиновник, ведавший делами княжеств, Неру и Джинна. Неру решительно протестовал против плана англичан. Обратившись к англичанам, он резко и прямо заявил: «Я обвиняю политический департамент и, в частности, сэра Конрада Корфилда в злоупотреблении властью. Считаю необходимым проведение юридического расследования этих действий в высшей судебной инстанции», — и с гневом добавил: «По какому праву политический департамент выступил с инициативой, оскорбительной для правительства Индии?»

Разумеется, князья знали о позициях Маунтбэттена и Неру и стремились выработать общую спасительную для себя политическую линию, состоявшую в сохранении самостоятельности под покровительством Великобритании. Они подчеркнуто провозглашали верность «старой доброй Индии». Один из них разослал в конце 1947 года секретное письмо всем князьям, в котором предлагал им объединиться для совместной защиты своих привилегий. В нем говорилось: «Сейчас в исключительно сложной политической обстановке, чреватой большими взрывами и революцией, мы, несколько сотен князей, действуем разобщенно... Если мы хотим сохранить все наше величие, мы должны объединиться». Правительство Неру образовало министерство по делам княжеств, поставив во главе его В. Пателя и предоставив ему большие полномочия.

В апреле 1947 года по инициативе Неру в Гвалиуре была созвана конференция народов княжеств (не князей, а представителей народов) с целью привлечь их к активной политической борьбе в определении своих судеб. На этой конференции случилось событие, показывающее остроту борьбы и стоящее того, чтобы о нем рассказать, ибо оно характеризует Неру. Премьер-министр уже заканчивал свою

яркую речь, в которой призывал народы княжеств к участию в демократических преобразованиях вместе со всей Индией, когда вдруг прогремел взрыв и трибуну заволочло дымом. Раздались крики ужаса, началась паника. Но дым рассеялся, и все увидели, что невозмутимый Неру стоит у микрофона. В наступившей тишине раздался его спокойный голос: «Братья и сестры! Садитесь, садитесь, не волнуйтесь! Как же так, вы говорите о революции, а сами испугались небольшого фейерверка?» И он продолжил свое выступление, подчеркнув, что на пути к демократии народам княжеств придется преодолеть отчаянное сопротивление князей, способных на любые провокации. В этот день речь Неру была особенно убедительной.

Министерство по делам княжеств оперативно разработало положение, по которому князьям предлагалось передать территории в состав единой Индии, а им оставлялось право владеть своими дворцами, лично им принадлежавшими сокровищами, выездами слонов и лошадей. Им сохранялись дворцовая челядь, гаремы, охрана и т. д. Кроме того, правительство устанавливало князьям внушительную пенсию. Низам княжества Хайдарабад, например, получал 5 миллионов рупий в год, махараджа Майсура — 2,6 миллиона рупий. Но честолюбивые князья продолжали упорствовать.

В 1948 году Патель собрал князей в Нагпуре. Его речь была предельно коротка. Именем правительства он заявил, что князья вправе не входить в состав Индии, но тогда они не должны рассчитывать, что правительство придет к ним на помощь и не гарантирует им жизнь, если их подданные не захотят терпеть своих правителей. Сказав это, он удалился, предоставив оторопевшим князьям время для принятия решения. Князья были напуганы перспективой остаться один на один со своими народами и поспешно заявили о вхождении в состав Индии. Исключение составило большое княжество Кашмир.

Подводя итоги первого года независимого развития страны, Дж. Неру признал: «Большая часть года у нас ушла

на ликвидацию внутренних волнений. Мы не имели времени заняться необходимыми делами. Наши экономические проблемы не только не разрешены, но стали еще более сложными в результате событий, которых мы надеялись избежать».

Коренная ломка высвобождает неконтролируемые силы, которые могут стать и силами разрушения, и силами созидания. Искусство государственного деятеля состоит в том, чтобы определить правильное русло потока. Неру вспоминал свое юношеское восхождение на вершину в Гималаях. Вершина политической борьбы была взята, но путь не завершен и не стал более легким. Народу надо было учиться демократии, управлять, привыкать принимать решения без администрации колонизаторов, самостоятельно мыслить, нужны были новая духовность, мораль, национальное самосознание. Созданную долгими десятилетиями, казавшуюся незыблемой силу и организацию старого колониального аппарата надо было заменить новыми государственными учреждениями, армией, полицией, судебными органами. Если так можно выразиться, нужна была новая «корневая система» общества.

Индия еще с огромным трудом приходила в себя после трагических дней раздела, а ее уже ждало новое страшное потрясение. Оно было связано с судьбой Мохандаса Карамчанда Ганди. Ганди понимал, что новой Индии нужен другой лидер, способный решать проблемы экономики, государственного строительства, обороны и массу других. Еще в октябре 1945 года он писал Неру: «Я уже стар... И поэтому называю тебя своим преемником. Но я должен понимать своего преемника, а мой преемник должен понимать меня. Лишь тогда я буду спокоен». В своем ответе Джавахарлал заверил учителя и старшего друга: «Перед нами не стоит вопрос выбора между правдой и ложью, ненасилием и насилием» и заявил о своей твердой приверженности мирным методам управления и социальной справедливости.

Ганди выполнил свою сложную и благородную политическую программу: возглавляемый им Национальный конгресс сумел объединить в антиколониальной борьбе индийский народ и привести страну к независимости. Индия, обремененная вековыми предрассудками, обретала веру в свои силы и чувство национального достоинства. Для решения новых ставших перед Индией задач требовался политический лидер, способный к реалистическим оценкам, энергичному и конкретному политическому действию, прагматически взвешивающий сложности в экономике и государственном строительстве. Ганди был другим. Он писал в 1947 году: «Моим идеалом должно быть состояние полной покорности Божественному помыслу... Я призываю на помощь Всемогущую силу, чтобы она вызволила меня из «юдоли слез», чтобы я не был беспомощным свидетелем зверств, совершаемых одичавшим человеком...»

Ганди тяжело переживал расчленение Индии и индуко-мусульманскую рознь. Он понимал, что раздел означает неисчислимы бедствия и для индуков, и для мусульман и, главное, наносит огромный ущерб единству Индии. Установление мира между индуками и мусульманами, к чему горячо призывал Ганди, не разрешило проблему, а лишь приглушило ее и вызвало открытое раздражение консервативных сил как в одной, так и в другой религиозной общине.

В верхушке религиозно-общинной партии «Хинду махасабха» начали вынашивать план физического устранения Ганди. Руководил заговором Винайк Сарваркар, политический деятель путаной судьбы, возглавлявший когда-то патристическую индийскую эмиграцию, затем резко эволюционизировавший вправо и собравший теперь «команду убийц» с тем, чтобы убрать признанного лидера национально-освободительного движения Индии. Покушение было назначено на 20 января 1948 года.

Ганди жил тогда на роскошной вилле, принадлежавшей миллионеру Бирле. В сад, окружавший виллу, ежедневно

приходили сотни людей, чтобы посмотреть на Махатму и помолиться вместе с ним. Ганди выходил к терпеливо ожидавшим его простым людям, беседовал с ними и совершал молитву. План состоял в том, что один из террористов, Пахве, бросит бомбу в окружавшую Ганди толпу и вызовет панику, а в это время второй — Бахде выстрелит в Ганди из пистолета. 20 января, когда Ганди стоял в окружении почтительной толпы, Пахве бросил бомбу. Многие бросились бежать. Но Ганди сохранил самообладание и призвал собравшихся к спокойствию. Бахде же не решился стрелять и скрылся. Пахве был схвачен и на первом же допросе рассказал все, что знал о заговоре. На другой день Ганди выступил с речью-проповедью, в которой сказал, что он прощает преступника, покушавшегося на его жизнь, и желает ему добра и прозрения. Он просил полицию, чтобы юноше не причиняли вреда. В то же время Ганди чувствовал, что над его головой сгущаются мрачные тучи. Однажды он сказал своей внучке Ману: «Если меня убьет бомба или кто-нибудь выстрелит в меня, я умру с именем Всевышнего на устах. Только тогда ты будешь вправе говорить обо мне, как о настоящем Махатме».

Ганди глубоко по-своему понимал цели и задачи Национального конгресса и его руководителей после августа 1947 года. В день провозглашения независимости он находился в Калькутте, где обратился к Ч. Раджагопалачарии как к губернатору Западной Бенгалии и к губернаторам других провинций. Ганди потребовал от конгрессистов оставить роскошные особняки, которые у народа связывались с иноземным господством, переселиться в скромные дома, пряхть пряжу, воздерживаться от спиртного, говорить на хиндустани или на языке соответствующей провинции.

Ганди тревожили не только проблемы религиозно-общинных отношений: не меньшее беспокойство у него вызывало положение в Национальном конгрессе. В стране появились слухи — и они доходили до него, — что некоторые

видные конгрессисты получают взятки от предпринимателей в обмен на проведение через парламент законопроектов, угодных бизнесменам, что они занимаются операциями на черном рынке и т. д. Именно сейчас Ганди ощутил свою бесприютность, свое не только нравственное, но и политическое одиночество.

В это же время серьезно осложнились отношения между Дж. Неру и В. Пателем. Неру считал, что Патель пытается, опираясь на поддержку государственного аппарата, крупного капитала и князей, сдвинуть вправо государственный курс Индии. Ганди пытался как-то сгладить разногласия между этими политиками, полагая единство действий Неру и Пателя одним из наиглавнейших условий эффективности деятельности правительства в переломное время. Зная о мыслях Ганди, Патель как-то бесстрастно заметил: «Старик (Ганди — Авт.) впал в детство. Он желает, чтобы Маунтбэттен выступил посредником между Джавахарлалом и мной». Положение в стране, как опасались, могло выйти из-под контроля правительства; вновь ухудшилось состояние законности и правопорядка.

30 января 1948 года Ганди написал статью, с печальным пророчеством озаглавленную «Последняя воля и завещание». «Так как Индия,— обращался Ганди к своим соратникам и народу,— хотя и расколота на две части, достигла политической независимости с помощью средств, разработанных Индийским национальным конгрессом, Конгресс в своей настоящей форме, т. е. как инструмент пропаганды и парламентская машина, изжил себя. Индии еще надлежит достигнуть социальной, моральной и экономической независимости, так как их понимают 700 тысяч индийских деревень в отличие от городов. В ходе продвижения Индии к ее демократической цели неминуемо должна иметь место борьба за доминирующее положение гражданской власти по отношению к военной. Этот процесс должен протекать в стороне от нездорового соперничества с политическими партиями и различными общинными организациями. По

этим и другим подобным причинам Всеиндийский комитет Конгресса предлагает распустить существующую организацию Конгресса и превратить ее в Лок Севак Сангх (Ассоциацию слуг народа)...» Когда Ганди писал эту статью он не знал, что этот день, 30 января 1948 года, будет последним днем его жизни. За его плечами уже стояла смерть.

В четыре часа пополудни к М. К. Ганди приехал В. Патель, чтобы поговорить о своих разногласиях с Дж. Неру. С этой же целью после вечерней молитвы его должны были посетить Неру и А. К. Азад. Нужно отметить, что, несмотря на то что Пахве рассказал на допросе о целях и составе террористической группы, нерасторопная полиция не сумела арестовать заговорщиков. Бежав и укрывшись после первого покушения, они увидели беспомощность властей и воспользовались этим. Через десять дней они снова были у Бирлы. Как уже говорилось, в тот день Ганди посетил Патель. Они беседовали более часа. После отъезда министра Ганди решил выйти к ожидавшему его народу. Было прохладно, и он перекинул через плечо белый кашмирский чадар. Сопровождаемый внуками Ману и Авой, Ганди вышел на веранду и приветствовал притихшую толпу традиционным жестом «намасте». После этого он медленно спустился по ступеням и вошел в толпу. Около него оказался молодой человек в одежде цвета хаки. Он нагнулся в поклоне перед Ганди, но вдруг выпрямился и, оттолкнув Ману, сделал в упор несколько выстрелов. Ганди упал и, успев вымолвить только «Хе, Рам!» («О, боже!»), скончался. Было 17 часов 17 минут. Убийца был схвачен на месте преступления. Им оказался член «Хинду махасабха» редактор газеты «Хинду раштра» Натурам Годсе¹.

¹ 22 июня 1948 года открылся судебный процесс по делу об убийстве М. К. Ганди. На этот раз в знаменитом Красном форте судили тех, кто посягнул на великого патриота Индии. 10 февраля 1949 года был вынесен приговор. Годсе и его сообщник Н. Апте, принимавший непосредственное участие в покушении, были приговорены к смертной казни. Саваркар,

В день похорон Ганди берег Джамны был заполнен сотнями тысяч скорбных индийцев, пришедших проводить своего Махатму. По молчаливым улицам Дели двинулась печальная процессия. Тело Ганди, усыпанное цветами, покоилось на орудийном лафете. Скорбная процессия достигла берега Джамны. Пламя костра охватило покойного. С плоского берега Джамны Ганди высоко взметнулся на гранитный пьедестал истории, чтобы остаться там навечно.

Индия восприняла злодейское убийство как огромное общенациональное горе.

Но у Индии оставался другой признанный лидер. Джавахарлал Неру с полным сознанием меры ответственности встал у руля управления огромной разоренной и опустошенной страной. Выступая по Всеиндийскому радио, он взволнованно сказал: «Для всех нас навсегда померк свет и наступила тьма. Нет больше нашего вождя, отца нации, учителя. Померк свет — сказал я, но я неправ. Потому что свет, который сиял над нашей страной, не был обычным светом. И через тысячу лет этот свет будет продолжать сиять. Мир будет видеть его, и сердца людей получают в нем утешение. Этот свет нечто большее, чем сам Ганди как человек. Он представляет всецелое вечной правды. Имя Ганди напоминает нам о правильности нашего пути и оберегает нас от ошибок. Это имя ведет нашу древнюю родину к свободе».

Имя Ганди навсегда вписано в историю Индии. Никто до него, во всяком случае в новое и новейшее время, не оказывал такого глубокого влияния на духовный мир индийцев, как это сделал скромный пророк ненасилия.

Неру считал себя последователем и учеником Ганди.

вдохновитель заговора, был оправдан за «недостаточностью улик». Приговоренные обратились к Неру с просьбой о помиловании. Эту просьбу поддержали оба сына М. К. Ганди и несколько его сподвижников. Неру считал, что это тот случай, когда милосердие отодвигается на второй план. В просьбе было отказано. 15 ноября 1949 года приговор был приведен в исполнение.

Становление Джавахарлала как политического деятеля происходило под влиянием Махатмы, но он не был его бледной тенью. Он был настоящим, самостоятельно мыслящим политиком, признанным лидером народа. Но только после смерти Ганди Неру в полной мере понял ту меру ответственности и тяжесть ноши, которую он взвалил на свои плечи. О месте Ганди в национально-освободительном движении Неру писал: «Ганди превосходно представлял это движение и индийские массы в отношении к этому движению и в этих пределах он стал голосом индийского народа. Он по необходимости действовал в рамках националистической идеологии, но его доминирующей страстью, которая поглощала его, было желание возвысить массы. В этом отношении он всегда был впереди националистического движения и постепенно заставил его принять гандистскую идеологию... Совершенно верно, что Ганди, действуя в плоскости националистического движения, не мыслил категориями классовых конфликтов и пытался улаживать их. Но деятельность, которой он предавался и которой он обучал народ, неизбежно в огромной степени подняла сознание масс и придала социальным проблемам первостепенное значение. А его настойчивое стремление повысить роль масс там, где это необходимо, за счет привилегированных классов, придало национальному движению ориентацию в пользу народа».

● ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ ● ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО ПУТИ НЕЗАВИСИМОСТИ ●

В конце апреля 1949 года Неру был приглашен в Лондон для участия в очередной конференции премьер-министров стран Британского содружества наций, на которой обсуждался вопрос о статусе Индии в Содружестве. Неру принял приглашение и прибыл в столицу туманного Альбиона. Выступая на конференции и разъясняя позицию своего правительства, он заявил, что Индия намерена стать независимой республикой со всеми правами суверенного государства и вытекающей отсюда невозможностью подчинения английской короне. Лондон эта категоричность индийского премьера, естественно, не только не устраивала, но и привела в замешательство, ибо могла повлиять на настроение лидеров других доминионов. После долгих дебатов участники конференции приняли компромиссную формулировку, которая гласила, что король Великобритании является символом свободной ассоциации членов Содружества. Неру согласился с этим текстом и, докладывая по возвращении в Дели об итогах конферен-

ции на Конституционной ассамблее, сказал: «Если мы совершенно отделимся от Содружества наций, то в тот же момент окажемся полностью изолированными. Мы не можем оставаться полностью изолированными и таким образом неизбежно, силой обстоятельств, должны будем склониться к тому или иному направлению». Дж. Неру прекрасно понимал, что немедленный выход из Содружества приведет к разрыву складывавшихся на протяжении более столетия экономических, политических и культурных отношений с метрополией. Надо прямо сказать, что подобная перспектива для правящих кругов Индии была явно нежелательна.

Перед индийским правительством встала первостепенной важности задача определения государственного устройства. Во-первых, надо было юридически закрепить достижение Индией независимости и гарантировать ее политический суверенитет. Во-вторых, надо было создать такой Основной закон государства, чья правовая сила обеспечила бы единство Индии, целостность которой до обретения независимости зиждилась на силе оружия колониального аппарата. Известно, что в этой огромной стране, занимавшей площадь более 3 млн кв. км, проживает множество наций, народов и племен. Ее население говорит более чем на 200 языках. Административное деление страны было явно не упорядочено. Этнонациональный и лингвистический принципы в определении границ президентств (так назывались крупные административные образования в системе Британской Индии) фактически не принимались во внимание. Существовала реальная опасность: если будет ликвидирована английская колониальная система, то вся эта неустойчивая пестрая пирамида рухнет, распадется на мелкие нежизнеспособные части. Требовались идеи и юридический документ, авторитетно и убедительно обеспечивающие необходимость и возможность государственно-политического единства Индии. Нужна была новая конституция, провозглашающая и закрепляющая завоевания народа, основанная

на общности целей и исторической судьбы всех наций и народов, их единства, базирующегося на принципах демократии и добровольности.

Национальный вопрос должен был быть решен на новой основе. Следует подчеркнуть, что национальный вопрос в Индии, как и в большинстве афро-азиатских стран, имел ту особенность, что процесс образования наций (или многих из них) не был завершен. Степень формирования буржуазных наций отличалась крайней пестротой — от развитых современных, таких, как бенгальская и тамильская, до отсталых племен Ассама. Этот процесс отставал в своем развитии от процесса формирования институтов современного буржуазного государства. Именно на государство объективно ложилась задача объединения страны на демократической основе.

Произошла эволюция идеологии национализма. До 1947 года национализм имел благородную задачу объединения многоликого индийского общества на антиимпериалистической основе. После завоевания независимости он стал с возрастающей быстротой претерпевать изменения. В нем еще сохранилось общеиндийское антиимпериалистическое содержание, стремление к восстановлению и упрочению национального достоинства, ощущению чувства политически активного гражданина суверенного государства. Возрос интерес к своему прошлому, исполненному славы и трагизма, возрождались национальные традиции и обычаи, расцветали местные литературы и искусство. Но в национализме отдельных наций кое-где уже начали проявляться гипертрофированные национальные амбиции, противопоставление одних наций другим, вызревали побеги сепаратизма. Местный национализм способствовал развитию автономистских тенденций. В это время наметилась тенденция экономически более сильных и политически консолидированных наций развиваться за счет более слабых. Националистические претензии нередко накладывались на религиозную нетерпимость. Одним из главных очагов религиоз-

ных распрей был Пенджаб, где создавались националистические сепаратистские организации и где после страшной индусско-мусульманской резни обострились противоречия между индусами и сикхами. Процесс роста национализма объяснялся неравномерностью развития капитализма и национальной буржуазии в отдельных регионах Индии. Местный национализм набирал силу и постепенно подтачивал сложившуюся в годы борьбы за независимость общендийскую идейную общность, имевшую в основе глубокие корни вековой борьбы всех народов против британского колониализма. Страна не могла себе позволить такое духовное расточительство. Новая конституция должна была доказать и гарантировать, что, несмотря на все национальное, религиозное, социальное и культурное многообразие, народы Индии представляют единое целое и могут жить большой дружной семьей.

В 1949 году комитет по подготовке конституции представил ее текст Учредительному собранию. Это был обстоятельный документ, состоявший из 22 частей, 395 статей и 9 приложений. По своей сути это был документ, свидетельствовавший, что Индия — одна из самых демократических стран капиталистического мира, предоставившая своим гражданам широкий комплекс прав.

26 ноября 1949 года конституция была утверждена делегатами Учредительного собрания. 26 января 1950 года в годовщину Дня независимости конституция суверенной Республики Индия вступила в силу. На гребне национально-освободительной борьбы, в самой середине XX века, родилась новая республика, одна из крупнейших в мире. Это было событие поистине мирового значения. Первым премьер-министром республики стал Джавахарлал Неру, первым президентом — Раджендра Прасад. Кто знает, может быть, принося присягу, Неру вспомнил тот далекий день 26 января 1930 года на берегу Рави у Лахора, когда два десятилетия назад тысячи индийцев повторяли вслед за ним слова клятвы: бороться до конца за свободу своей родины.

И вот после долгих лет борьбы и лишений, горечи утрат и радости побед Индия стала республикой.

Принятием конституции был завершен важный этап антиколониальной революции индийского народа. В конституции законодательно закреплялся государственный суверенитет, обеспечивались правовые основы развития национального капитализма, фиксировались важнейшие общедемократические принципы и гражданские свободы, запрещалась дискриминация на расовой, национальной, религиозной или кастовой основе. Завершив первый, национальный этап революции, правительство Индии, возглавляемое Джавахарлалом Неру, и правящая партия ИНК должны были перейти к ее второму, социально-экономическому этапу, целью которого были радикальные социальные перемены и создание суверенной саморегулируемой экономики. Каждое новое начинание премьер-министра давалось немалым трудом. По вопросу о путях и дальнейших перспективах развития определилось два принципиальных подхода. Первый, который проводила группа конгрессистов, возглавляемая В. Пателем, министром торговли и промышленности Т. Т. Кришнамачари и видным деятелем Конгресса П. Тандоном, предусматривал поощрение развития крупного частного капитала в промышленности, для чего предполагалось осуществить привлечение инвестиций ведущих капиталистических держав, политику компромисса с крупными помещиками и ориентацию на страны Запада во внешней политике. Второй, который представляли Дж. Неру, Малавия, Кришна Менон и другие, предполагал преимущественное развитие государственного сектора и планирование в промышленности, проведение аграрной реформы и политики антиколониализма в международных отношениях.

Между этими группами началась сложная политическая борьба. Особенно она обострилась на очередной сессии Конгресса, состоявшейся осенью 1950 года в Насике, городе в штате Махараштра. Каждая группировка стремилась вы-

двинуть своего кандидата на пост председателя партии. После долгих прений и закулисных маневров председателем Конгресса был избран соратник Пателя Тандон. Стрелка политического компаса резко качнулась вправо. Положение группы Неру осложнилось. Одержав победу, правые начали энергичное наступление. В конце 1951 года Неру понял, что с Тандоном ему не сработаться. Министр финансов Кришнамачари, один из лидеров группировки Патель — Тандон, позволил себе дерзкую выходку, потребовав отставки Неру. «Неру,— говорил он с едкой иронией,— должен уйти из правительства и облачиться в мантию Махатмы Ганди». О мотивации ответного шага Неру трудно сказать: был ли это политический маневр (а Неру умел делать фигуры высшего пилотажа не только за штурвалом планера) или минутная слабость, которая может случиться с самым отважным борцом. Так или иначе, он взял бумагу и ручку. Буквы, соединяясь друг с другом, образовали слова: «Прошу отставки». Один из признанных вождей партии просил вывести его из состава Рабочего комитета. Вместе с текстом заявления об отставке Неру послал руководству партии свою переписку с Тандоном, показывавшую степень непримиримости их разногласий. Весть о заявлении Неру (его текст — случайно ли? — попал в прессу) вызвала бурю протестов среди рядовых членов партии. Партия верила в Джавахарлала и не желала его отставки. Заявление Неру обсуждалось на заседании Рабочего комитета Конгресса три дня: с 11 по 13 августа 1951 года Тандон, понимая, какой общественный резонанс вызвал документ Неру, пытался уговорить его забрать заявление. Неру был неумолим. 9 сентября, более чем через месяц после подачи заявления Неру, Рабочий комитет принял решение сменить Тандона. Председателем Конгресса был избран Джавахарлал Неру.

Острый конфликт, получивший широкий резонанс среди индийской общественности, возник также между Джавахарлалом Неру и министром торговли и промышленности Т. Т. Кришнамачари. Министр подготовил проект доку-

мента о предоставлении лицензий на строительство крупного металлургического комбината крупному промышленнику Г. Д. Бирле, тесно связанному с правым крылом Конгресса. Неру решительно выступил против этого проекта, заявив, что экономическая политика партии предполагает развитие тяжелой промышленности в рамках государственного сектора.

Отношение широких народных масс к проблемам дальнейшего развития Индии должно было определиться в 1951 году, когда должны были состояться первые в многовековой истории их страны всеобщие выборы в центральный Парламент и законодательные собрания штатов. Все партии и политические группы активизировали свою деятельность. Началась неизбежная поляризация сил. Обстановка широкой демократичности и гражданских свобод, каких никогда не знали страны Востока, широкая политическая активность масс, вызванная завоеванием политической независимости, все это в сочетании с поразительной социальной пестротой привели к тому, что партии и группировки партийного типа со своими широковещательными политическими программами росли, как грибы после дождя. Всего в первых выборах участвовало около 100 политических партий и групп.

В конце 1951 года в канун выборов правые силы объединились в партию «Джан сангх». Ее появление явилось реакцией сил социальной консервации на первые шаги правительства Неру в области внутренней политики. Прогрессивные социальные преобразования Неру вызвали сначала настороженность, а затем открытую враждебность консервативных сил, решивших объединиться в новую партию. Они выступили под штандартом борьбы за возрождение былой славы Индии и ее традиций, за верность индуизму и в защиту индусской культуры и самобытности. Эта религиозно-общинная партия призывала к «священному походу» против мусульман, христиан и носителей всех других религий Индии.

Воинствующий индусский религиозный шовинизм стал идеологией этой партии, активные и пронизанные нетерпимостью выступления против Национального конгресса и Коммунистической партии Индии легли в основу ее политики. В государственном строительстве лидеры «Джан сангх» потребовали ликвидации светского государства и создания нового, теократического, на чисто индусской основе. «День создания суверенного государства индусов,— писал «Органайзер», центральный орган этой партии,— будет нашим новым днем независимости. Он явится началом нашей будущей славы». «Джан сангх» активно выступала за сохранение кастовой системы и других архаичных институтов индуизма. Разжигание религиозных чувств индусов до яростного фанатизма и натравливание одурманенных масс на своих идеологических и политических противников было важным тактическим средством борьбы руководства партии. Особенно ожесточенным нападкам подвергался Джавахарлал Неру — убежденный и последовательный сторонник секуляризации. Известно, что индусы считают священным животным корову и употребление говядины почитается у них смертным грехом. В одной из листовок, например, враги Неру писали: «В Дели построен отель «Ашока», в котором готовят пищу для Неру. Каждый день туда приводят стельную корову, и на нее набрасываются пять дюжих молодцов. Они режут ее, извлекают из ее утробы телят и готовят из него жаркое для премьер-министра Неру». В этой тираде правду составлял лишь один факт: в Дели действительно был построен отель «Ашока», все остальное было злобной выдумкой политических противников Неру.

Неру был убежден в правильности намеченных им целей, верил в широкую общественную поддержку проводимого им курса и был готов к борьбе. Он старался показать народу в канун выборов достижения его правительства и Национального конгресса. Они были несомненны. Была завоевана независимость, провозглашена республика, принята конституция, ликвидированы княжества, предприняты первые

шаги к организации плановой экономики, провозглашены демократические гражданские свободы. В своем предвыборном манифесте Национальный конгресс ставил целью образование «светского государства, в котором каждый имеет равные права и возможности и где будут сметены все барьеры, могущие разделить людей на оппозиционные группы, основанные на религиозной, классовой, кастовой или региональной принадлежности».

Нужно отметить, что Национальный конгресс, выражая прежде всего интересы национальной буржуазии, в тот период оставался широким социальным движением, в определенной мере выражавшим мнения и интересы многих классов и социальных групп. Действительно, Конгресс не был крестьянской партией, но, уничтожив феодалов как влиятельную политическую силу и лишив их княжеств, он выразил сокровенные чаяния и насущные нужды многомиллионного индийского крестьянства. (Разумеется, наибольшие выгоды из аграрных реформ извлекла имущая верхушка деревни.) Конгресс не был рабочей партией, но, ограничивая власть иностранных монополий, приняв ряд акций в создании трудового законодательства, он выразил и некоторые интересы рабочего класса. Естественно поэтому, что эта буржуазная партия имела основания рассчитывать на поддержку на выборах со стороны определенных слоев крестьянства и рабочего класса. Мог рассчитывать на их поддержку и лидер ее левоцентристского крыла Джавахарлал Неру.

В ответ на шумную кампанию реакции и, в первую очередь партии «Джан сангх», спекулировавшей на религиозных чувствах индусов, Неру со свойственной ему прямоотой и определенностью говорил, что предпочитает проигрывать на каждых выборах, но не давать пощады коммунализму и активно противостоять кастовой вражде. В то же время идеологическая ситуация в Индии была такова, что политический деятель, решившийся отказаться от традиций старины и не учитывающий устойчивых институтов прошлого,

рисковал оказаться в положении идеологического Робинзона. Неру это прекрасно понимал и подчеркивал: «Индия должна порвать со многим из прошлого... Но это не означает разрыва с тем в этом прошлом, что живет и способно дать жизнь новому... Мы никогда не забудем идеалы, которые двигали наш народ».

Исторический опыт Индии показывал Неру, что сознание широких масс и, в первую очередь, политически активных мелкобуржуазных слоев и трудного на подъем крестьянства глубоко и прочно пропитано духом религии, и абстрагироваться от этого факта в борьбе за общественный прогресс было нельзя. Более того, эти устойчивые гены институтов прошлого требовали от политического деятеля особенной осторожности и деликатности в практической политической деятельности. Неру, опытный политик, знал силу и место традиций в духовной жизни индийского народа, проявлял необходимое и подчеркнутое уважение к лучшим из них и искусно боролся с такими, которые были отмечены печатью архаизма и обскурантизма. В «Открытии Индии» он принципиально отмечал: «И все же прошлое всегда с нами, и все, что мы собой представляем, все, что мы имеем, исходит из прошлого. Мы его творение, и мы живем, погруженные в него. Не понимать этого и не ощущать прошлое как нечто живущее внутри — значит не понимать настоящее. Сочетать его с настоящим и распространять его на будущее, порывать с ним, когда оно не поддается такому соединению, превращать все это в пульсирующий и вибрирующий материал для размышлений и действий — вот что такое жизнь».

Показательно для него отношение к раджастанским лохарам. Это всего лишь один пример из богатой практики этого незаурядного политического деятеля.

Одним из самых отсталых в экономическом и политическом отношении штатов Индии в то время был Раджастан, расположенный в полупустыне, на огромной территории которого свободно разместилось бы несколько мелких

и средних княжеств. По раскаленным под солнцем дорогам Раджастанхана ездили тяжелые телеги кочевников-лохаров, с которыми связана похожая на легенду история.

Войска грозного могольского императора Акбара подошли к расположенной в Раджастанхане крепости воинственных и гордых раджпутов Читтор. Мужественно встретили храбрый гарнизон и население Читтора несметные полчища врага. Долгая осада не приносила успеха. Акбар приказал насыпать холм, чтобы он был выше крепостных стен, и установить там пушки. Положение осажденных стало безнадежным. Но сдаваться ни один из раджпутов не хотел. Несколько тысяч женщин и девушек спустились в подземелье и с молитвой взошли на разложенные там костры. Восемь тысяч воинов, одев желтые одеянья монахов, открыли ворота крепости и грудью бросились на пики врага. Несколько тысяч прорвались и ушли в леса. Вскоре они начали партизанскую войну. У партизан не было оружия и не было оружейных мастерских. Они ковали себе мечи и пики прямо на телегах во время походов. За это их прозвали «лохары» — кузнецы. В дни походов и боев лохары приняли тяжелый обет: не спать в домах, не жить на одном месте, не есть из металлической посуды, не возвращаться в Читтор, пока не одолеют своего врага. Шли годы и столетия, а гордые и непокорные лохары по-прежнему кочевали по Раджастанхану, разместив на скрипучих телегах тяжелые наковальни.

И вот по призыву Неру раджпуты-лохары начали стекаться к стенам Читтора — старинной крепости, сохранившейся на окраине выросшего позднее города. Высокие, бронзовые от загара кочевники по древней боевой традиции ставили 50—60 телег в круг и располагались в его середине на ночлег. К крепости подъехала автомашина, в которой находился Джавахарлал Неру. Он сошел с машины и двинулся к мосту, ведущему в Читтор. За ним пошли лохары. За мостом возвышались величественно-грозные стены Читтора. «В Читтор! Крепость наша!» — воскликнул Неру и выбросил вперед руку. Лохары кинулись через мост в город своих

предков. Премьер-министр бежал вместе с ними. Над древней башней взвилось трехцветное полотнище индийского государственного флага. Его прикрепил к флагштоку Джавахарлал Неру. Десятки тысяч раджпутов собрались на городской площади. К микрофону подошел премьер-министр. Он сказал, что мужественные лохары выполнили свой обет; они вошли в город после того, как их родина стала свободной. «Сегодня утром я предложил вам вступить в форт. Я хочу сделать и другое предложение — идите вперед и будьте активными строителями новой Индии», — сказал собравшимся Неру.

Эта акция Джавахарлала Неру, широко освещавшаяся в прессе, была с удовлетворением принята индийским народом, она воскресила славную страницу его национальной истории и была удачно связана с завоеванием независимости. Она повысила авторитет Национального конгресса и самого Неру как выразителя славных традиций народа. Наконец, она способствовала укреплению дружбы всех народов, населяющих Индию.

Неру понимал, что поддержка широких народных масс является его главной опорой в борьбе против сил консерватизма и реакции, важнейшим условием успеха намеченных им социально-экономических преобразований. Он знал, что в предвыборной борьбе большое значение имеют даже мелочи. Его лечащий врач полковник Рао рассказывал, как, только что оправившись после гриппа, Неру решил предпринять поездку по Южной Индии. Рао предложил сопровождать его или взять с собой другого врача. «Возможно, вы хорошие врачи», — ответил Неру, — но как я могу ехать к народу, просить его отдать голоса моей партии и при этом находиться в сопровождении доктора?»

Политический опыт показывал, что степень радикальности Конгресса находилась в прямой зависимости от политической активности масс. Неру был глубоко убежден, что роль личности в истории, масштабность ее деятельности исходят из степени связи ее с народными массами и способ-

ности выражать их мнение. Он писал: «Народ был главным действующим лицом, а за его спиной стояли, подталкивая его, великие исторические силы... Если бы не эта историческая обстановка и политические и социальные силы, никакие вожди или агитаторы не смогли бы заставить народ действовать». В другой работе Неру утверждал: «Подлинная история имеет дело не с узким кругом лиц в том или ином районе, а с народом, который составляет нацию, который работает и производит все блага жизни, который сотнями различных путей действует на другие народы и испытывает их влияние». Невольно вспоминаешь глубокую мысль В. И. Ленина: политика «начинается там, где миллионы; не там, где тысячи, а там, где миллионы, там только начинается серьезная политика».

Неру был политическим лидером, выработавшим в себе необходимое качество настоящего народного вождя — чувство сопричастности к боли каждого своего соотечественника. Народ отвечал Неру уважением и любовью. Эти чувства исходили из глубин души народа, а не вызывались искусственно официальной пропагандой или направленной деятельностью партийно-государственных органов. Своего премьер-министра, одетого в национальный костюм, состоявший из шервани, застегнутого доверху, с неизменной красной розой в петлице, в белой конгрессистской шапочке и с сандаловой палочкой в руках, остроумного и общительного, население могло увидеть и в городах, и в отдаленных селах. В обычной телефонной книге города Дели под буквой «Н» каждый мог прочесть: «Неру, Джавахарлал, премьер-министр Индии, телефон резиденции 32-3-12, служебный 32-1-60». В канун выборов первого парламента республики Неру с волнением ждал, как оценят его деятельность не узкий круг партийных функционеров, а миллионы избирателей, которые должны были прийти к урнам с 25 октября 1951 года по 24 февраля 1952 года.

Выборы показали, что наибольшим авторитетом в стране пользовался Национальный конгресс — партия Ганди и

Неру. На выборах в Центральный парламент Национальный конгресс получил 44,5% голосов и почти 75% мест, коммунисты и их союзники соответственно 6,7% и около 10%, социалисты — 5% мест, а три реакционные партии «Хинду махасабха», «Джан сангх» и «Рам Раджья Паришад», вместе взятые, получили 10 лишь мест. (Разница в количестве поданных голосов и доле полученных в парламенте мест было связано с мажоритарной системой относительного большинства, действующей и поныне, по которой голосование проходит в один тур и место в парламенте получает кандидат, за которого проголосовало наибольшее количество избирателей, а отнюдь не «50% плюс один голос». У этой избирательной системы есть свои критики, считающие, что она действует в пользу самой крупной партии — как правило, Национального конгресса.) И в центре, и в штатах Конгресс создал однопартийные правительства. Премьер-министром правительства Индии вновь стал Джавахарлал Неру. В состав его кабинета входило 17 человек.

Успех на выборах ободрил Джавахарлала Неру, подтвердил правильность выбранного пути социально-экономических и политических преобразований. В дальнейшем Неру продолжал совершенствовать государственное и национальное строительство. 22 декабря 1953 года он выступил в Народной палате парламента с заявлением о создании комиссии по реорганизации штатов и реорганизации административного деления по национально-языковому признаку. 29 декабря при министерстве внутренних дел такая комиссия была организована и приступила к выработке практических рекомендаций.

Важнейшей проблемой, непосредственно затрагивающей около 75% населения Индии, была аграрная программа. Правительство Неру предложило правительствам всех штатов подготовить проекты аграрных реформ, обсудить их в законодательных собраниях штатов и представить президенту республики для утверждения. В выработанных реформах ограничивалось феодально-помещичье землевладе-

ние, однако помещики получили огромный выкуп, в общей сложности составивший 7 миллиардов рупий. И все же феодално-помещичьему классу был нанесен серьезный удар, подорвавший его позиции в деревне — около 60% принадлежавших ему земель теперь обрели новых хозяев. В деревне начали развиваться капиталистические отношения, сопровождавшиеся расслоением крестьянства. Конечно, они не ликвидировали полностью традиционных форм землепользования, но вторжение было широким и ощутимым.

В 1951 году была принята поправка к конституции, предусматривающая предоставление права местным властям определять сумму выкупа, выплачиваемого помещикам за изымаемые у них по аграрной реформе земли. Помещики и их представители в парламенте во время обсуждения этой поправки выступили решительно против, считая ее покушением на священное право частной собственности. Неру, демонстрируя непосредственную зависимость радикальности правительственных реформ от уровня движения масс, говорил в ответ на эти выступления: «Эта система (помещичьего землевладения.— Авт.) не может более сохраняться, и не имеет значения, что могут гласить ваши основные права, что может гласить ваша конституция и что могут решить ваши суды. Если вы не будете смотреть дальше этого, то окажетесь в условиях революционной ситуации, которая игнорирует эти вещи».

Начались реформы и в области промышленности. Если на первом этапе после обретения независимости государство играло в основном регулирующую роль, подготавливая базу для последующего развития государственного капитализма и устраняя наиболее острые диспропорции, связанные с колониальным господством и разделом страны, то с 1950 года наступает новый этап в воздействии государства на социально-экономическую систему Индии. От регулирования экономики государство перешло к составлению долгосрочных планов развития, охватывающих основные отрасли

народного хозяйства. В определении экономической политики огромную роль сыграл Джавахарлал Неру. В 1950 году он возглавил образованную при правительстве Плановую комиссию и принял активное личное участие в ее деятельности. Несмотря на то что многие скептики в Индии и буржуазная печать на Западе утверждали, что создание современной индийской индустрии — безнадежное и бесперспективное дело, и ориентировали комиссию на развитие Индии как аграрной страны, Неру выдвинул давно выношенную и продуманную им концепцию развития промышленности в рамках государственного сектора в качестве главного условия обеспечения экономического суверенитета и средства для мобилизации национальных ресурсов. Следует подчеркнуть, что крупные капиталовложения для создания мощной индустриальной базы в условиях ограниченных финансовых возможностей Индии были под силу только государственному сектору. Конечно, Неру учитывал и мировой опыт. Как истинный «гражданин мира» он скрупулезно анализировал, как создавались основы индустриального общества в таких непохожих друг на друга странах, как Франция, Германия, Япония, СССР, и приходил к выводу, что исключительно важная роль в процессе их модернизации принадлежала государству.

Возглавляемая Дж. Неру комиссия подготовила проект первого пятилетнего плана, рассчитанного на 1951—1956 годы. Выступая в парламенте Индии, он говорил: «Сегодня мы пытаемся догнать промышленную революцию, которая пришла в западные страны очень давно и произвела великие перемены в течение столетия или более. Мы технологически отстали и статичны в динамичном мире. Технический прогресс может изменить положение вещей на Земле, что колоссально повлияет на жизнь человеческих существ: изменит их образ мыслей, экономическую структуру, социальную структуру и в конечном счете их политическую структуру. Наши умы должны быть исполнены динамичного качества и видения».

В 1951 году парламент утвердил первый пятилетний план экономического развития страны. Цель плана его авторы видели в том, чтобы начать строительство общества нового типа, в котором путем повышения уровня жизни, увеличения занятости, роста производства и расширения рамок социальной справедливости была бы создана более богатая и более полная жизнь для народа.

Определяя место пятилетних планов в борьбе за общественный прогресс в Индии, Джавахарлал Неру подчеркивал: «Пятилетние планы — часть той войны, которую Индия ведет против нищеты и невежества». Долговременные планы перспективного развития всех отраслей народного хозяйства дали возможность целенаправленного стратегического развития индийской экономики. Инициатива выработки планов экономического прогресса принадлежала Джавахарлалу Неру. В этом его огромная заслуга перед Индией. Индия начала развивать тяжелую промышленность и машиностроение. Были составлены планы ввода в строй трех государственных металлургических заводов.

Республика устремилась вперед и набирала темпы.

Телефон
в рабочем кабинете
Дж. Неру
(«Тин мурти», Нью-Дели)

● «ОБЩЕСТВО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗЦА» ●

Джавахарлала Неру очень тяготило то, что, несмотря на определенные успехи в экономической и социальной политике, достигнутые его правительством, положение страны было по-прежнему сложным, а темпы развития — значительно более медленными, чем он рассчитывал. Впрочем, почти все политические деятели, взявшие в руки штурвал государственного корабля и пускающиеся в дерзкое плавание, не знают, какие неожиданные рифы, мели и штормы ожидают их впереди. Их ведет компас надежды и вера в свою звезду. Индия неуверенно, с остановками и оглядкой назад выбиралась из кризисного состояния. Ей явно не хватало динамичности, импульса ускорения. Не уменьшалась безработица в перенаселенных городах, продолжало бедствовать крестьянство, жизненный уровень большинства населения был безнадежно низок. Первый пятилетний план существенно не изменил положения. Один из министров центрального правительства без энтузиазма констатировал, что в результате его

выполнения «богатые стали еще богаче, а бедные еще беднее». В государственном и хозяйственном аппарате сложилась значительная прослойка нуворишей из числа новых правительственных чиновников, работников местных органов власти, управленческого аппарата государственного сектора и т. д., для которых главным качеством как политиков была интрига, а жизненной философией — любовь к богатству. Политическая коррозия разъедала еще плохо отлаженный государственный механизм. Перемены 1947—1950 годов не разрешили многих общедемократических задач. Происходило дальнейшее размежевание политических сил и обострение классовой борьбы.

Кризисные явления заметно начали проявляться и в идеологии индийского национализма. Период всеобщего энтузиазма, связанный с обретением независимости, сопровождавшийся поднятием национального флага и рождением государственного гимна, завершился. Начались будни, в которых многие испытали разочарование и впали в политическую апатию. Те штандарты национализма, под которыми индийский народ шел на штурм колониальных порядков, не могли уже его увлечь в той же мере после завоевания независимости. Мировоззренческий базис Национального конгресса нуждался в срочном обновлении на новой основе. Партия переживала трудный период идейных поисков. Нужна была такая философия жизни, такие лозунги, которые соответствовали бы новому периоду независимого развития.

В это трудное время Джавахарлал Неру, страстно желавший увидеть Индию процветающим и сильным государством, а ее народ живущим в материальном достатке и духовно богатой жизнью, с глубоким беспокойством размышлял о судьбах своей родины. Неру понимал, что ликвидация тяжелых последствий двухсотлетнего колониального прошлого с его деформацией экономического базиса страны и ломкой нравственных устоев — длительный и трудный процесс. История не отпустила Индии времени для длительного раз-

бега — решить задачи глубокой национальной реконструкции необходимо было в кратчайшие исторические сроки. Неру обратился к опыту Европы и Америки. «Должны ли мы следовать английским, французским или американским путем? Разве мы располагаем временем в 100—150 лет, чтобы достичь нашей цели?» — спрашивал он и отвечал: «Это совершенно неприемлемо. Мы просто погибнем в таком случае». «Совершенно очевидно, — говорил Неру, — что слаборазвитые страны не смогли бы пойти тем долгим путем индустриализации, которым шли Европа и Америка». Неру был глубоко убежден, что в Индии капитализм не может увлечь миллионы людей, ибо он основан на принципе личной наживы и представляет собой общество, где каждый стремится использовать любую возможность, чтобы эксплуатировать другого.

Как человек и политический деятель премьер-министр Индии не был чужд сомнений, никогда не считал себя непогрешимым и умел прислушиваться к чужому мнению, даже если оно исходило от его противников. Но в трудный момент он готов был найти смелое решение, умел предпринять ответственные шаги к его выполнению, проявляя большую оперативность и волю. В середине 50-х годов после длительного перерыва Неру возвратился к социалистическим лозунгам. Он писал: «Чтобы дать личности и стране определенную цель, что-то такое, ради чего стоило бы жить и если надо — умереть, мы должны возродить какую-то философию жизни... мы говорим о государстве всеобщего благосостояния, о демократии и социализме». Джавахарлал Неру пришел к выводу, что «общество социалистического образца» — единственная возможность для Индии, чтобы выжить, сохранив при этом свою политическую независимость и экономический суверенитет. Новый курс, предложенный им стране, предполагал переустройство индийского общества в «социалистическом направлении».

Это был уже не тот Неру, который когда-то называл себя «экстремистом». Теперь в его мировоззрении явно про-

глядывали гандистские политические принципы и социал-реформистские взгляды на общество. Несомненно, однако, и то, что «общество социалистического образца» было очевидным поворотом влево, и это обстоятельство вызвало тревогу у консервативных сил в стране.

Новые веяния в политике Джавахарлала Неру получили официальное оформление на юбилейной, 60-й сессии ИНК, проходившей в январе 1955 года в Авади, штат Мадрас¹ (партия и после того как стала правящей сохранила старую традицию собирать свои съезды не в столице, а в разных, часто маленьких, городках и даже иногда в деревнях, расположенных в различных штатах Индии). По инициативе Джавахарлала Неру в резолюцию сессии Конгресса была занесена формулировка о построении «общества социалистического образца».

Здесь нужно отметить, что Национальный конгресс никогда не имел официальной партийной программы. Его основополагающими документами являются резолюции партийных съездов. Именно такой программной резолюцией была резолюция съезда в Авади. Докладывая делегатам о своих взглядах на будущее развитие Индии, Неру отметил, что на путях «стихийного» рыночного капитализма ее неизбежно ждет углубление социальных противоречий и что социализм — не только самый разумный, но и единственно возможный строй, обеспечивающий в данных исторических условиях быстрое экономическое развитие страны. «Мы приняли социализм в качестве нашей цели не только потому, что он представляется справедливым и благом, но и потому, что нет иного пути решения наших экономических проблем... По своему характеру задачи, стоящие перед нами, требуют тщательно разработанного планового и научного подхода, с тем чтобы наилучшим образом использовать имеющиеся у нас ресурсы и направить усилия науки на достижение нашей цели», — к такому выводу пришел Неру.

¹ Ныне — штат Тамилнад.

Неру обратился к идее социализма не только потому, что считал, что эта общественно-политическая система способна вывести Индию из состояния экономической отсталости и покончить с вековой нищетой ее народа. Он смотрел на социализм значительно шире. Еще в конце 30-х годов Джавахарлал писал: «Я убежден, что единственным ключом к разрешению мировых проблем и проблем Индии является социализм. Социализм представляет собой даже нечто большее, чем только экономическое учение; это — философия жизни, и в качестве таковой она также привлекает меня...» Теперь, на съезде в Авади, он утверждал: «Я рассматриваю социализм как растущую динамичную концепцию, как нечто гибкое, такое, что может быть приспособлено к меняющимся условиям человеческой жизни и деятельности в любой стране».

В резолюции, принятой съездом, провозглашалось: «Для того чтобы осуществить цели Конгресса... планирование должно привести к установлению «общества социалистического образца», в котором основные средства производства находятся в общественном владении или под общественным контролем, производство систематически возрастает и существует равномерное распределение национальных богатств».

Наметив цель дальнейшего развития Индии, Национальный конгресс определил основные средства ее достижения: проведение индустриализации на основе развития смешанной экономики, предусматривающей «гармоничное развитие государственного, кооперативного и частного секторов», интенсивное развитие сельского хозяйства и ликвидацию бедности и нищеты путем проведения аграрных реформ и совершенствования культуры земледелия. Предлагалось планировать развитие экономического сотрудничества как с социалистическими, так и с капиталистическими странами.

Принятая сессией резолюция содержала все положения проекта Дж. Неру. В ней указывалось: «Основным крите-

рием для определения линии развития является не частная прибыль, а социальные достижения... Государственный сектор должен быстро расширяться, но и частный сектор будет играть роль в большом плане, принятом общественностью».

Новые цели, выдвинутые Национальным конгрессом на сессии в Авади, были встречены в Индии неоднозначно. Представители монополистической буржуазии, терпевшие теоретические изыскания вокруг понятия «социализм», были встревожены возможным претворением их в практику экономической и социальной политики. Авадийскую резолюцию они встретили в штыки. Особенно активным было неприятие термина «общество социалистического образца» у бомбейских групп крупной и монополистической буржуазии. (Спустя четыре года эта реакция была политически материализована, но об этом чуть позже.)

Некоторые вообще не захотели принимать всерьез Авадийскую резолюцию. Бирла, например, заявил, что он смеется над «социалистическими теориями» Национального конгресса. Другие полагали, что социализм Неру — это легкий испуг, после которого все вернется на круги своя.

Даже среди руководящего ядра партии не было единства в трактовке резолюции съезда и определении понятия «социализм». Абул Калам Азад, например, дал этому термину такое разъяснение: «Если какой-либо член партии думает, что мы выдвинули новый лозунг, то он должен будет сразу же разочароваться... Мы не верим, что в мире существует только два пути — капитализм и социализм. Мы говорим, что может быть также третий — дополнительный — путь и поэтому сознательно выбрали формулу «общество социалистического образца». Видный конгрессист Г. Х. Дешпанде считал: «Новая формула — это лишь новая интерпретация старых идеалов. Тем не менее она породит новый дух среди масс рабочих и крестьян».

Так как же понимал «общество социалистического образца» Джавахарлал Неру, и что на долгие годы станет

программой деятельности Национального конгресса и правительства Индии? Ранее уже отмечалось, что рост авторитета Джавахарлала Неру и укрепление его влияния в партии и государстве привели к тому, что его мировоззрение, приемлемое до сих пор только левыми группировками Конгресса, стало стержнем левоцентристской идеологической доктрины Индийского национального конгресса и государственной идеологией. В то же время следует иметь в виду, что понятие «мировоззрение Неру» и «идеологическая доктрина Национального конгресса», как правило, не идентичны. Консервативные силы в партии и правительстве старались (и это им часто удавалось) ограничить радикализм политических установок Неру.

Неру, Ганди и другие лидеры Конгресса в канун и во время второй мировой войны сумели объединить весь пестрый конгломерат индийского общества, все его классы и социальные слои на базе идеологии национального освобождения. Выдвинув лозунг строительства «общества социалистического образца», Неру рассчитывал сохранить это единство на новой основе. Однако надежда на сохранение некоей классовой гармонии в тех условиях была если не наивной, то нереальной. Поставив во главу угла своей концепции идею Ганди о ненасилии, Неру мечтал о постепенном стирании классовых противоречий и достижении социальной гармонии. «Не отвергая и не сбрасывая со счетов классовые противоречия,— говорил Неру,— мы хотим решить эту проблему мирным путем на основе сотрудничества. Мы стремимся к сглаживанию классовых конфликтов, а не к их обострению и стараемся привлечь людей на свою сторону, вместо того чтобы угрожать им борьбой и уничтожением... Не отрицать классовую борьбу, а устранять ее иными путями, отличными от конфликта и насилия... Теория классовых конфликтов и войн устарела, поскольку она стала слишком опасной в наше время».

Хотя Неру и видел классовые противоречия, он не признавал неустранимого и антагонистического характера борь-

бы противостоящих социальных сил. «Я тоже мечтаю о бесклассовом обществе для Индии и всего мира,— говорил он.— Я отвергаю привилегированные классы и всякого рода неравенство людей. Вопрос в том, как создать такое общество. Даже признание конфликта между классами не исключает того, что путь ликвидации этого конфликта — завершение его мирными средствами...» Будем справедливы: теория ненасилия и принципы общенационального согласия (консенсуса) не были для Неру политическим ухищрением, а опирались на трезвое понимание реалий современной ему Индии. Дж. Неру считал, что противоборство различных социальных сил ослабляет, распыляет силы общества и может в конечном счете вызвать его дезорганизацию и распад.

Расплывчатость, содержащаяся в термине «общество социалистического образца», давшая возможность разного и противоречивого его толкования, заставила Джавахарлала Неру внести ясность в его понимание. Выступая на съезде Национального конгресса в 1957 году, он сказал: «Цель Конгресса — социализм, рожденный на почве Индии», новый строй, уходящий корнями в древнюю самобытную историю страны. Неру особенно подчеркнул, что строить новое общество следует демократическим, ненасильственным путем, в рамках конституции. «Может быть, сойдя с этого пути, мы достигли бы более быстрого прогресса, но я не хочу никакой ценой отказываться от демократического пути», — утверждал он. «Общество социалистического образца», согласно взглядам Неру, должно было строиться совместными усилиями всех классов индийского общества. Обращаясь к представителям крупного капитала, он советовал им: «Не бойтесь фразы «общество социалистического образца»... Восприняв этот идеал и работая над претворением его в жизнь, вы будете служить стране и извлечете выгоду для себя».

Неру считал возможным осуществить радикальные преобразования в надстройке индийского общества методами

буржуазной демократии, но у него были сомнения относительно возможности базисных преобразований в Индии этими средствами. «Политическая демократия,— писал он,— есть только путь к цели, но не сама цель. Реальной целью являются объективные экономические преобразования. Если они не последуют достаточно быстро, политическая структура останется непрочной». Главными рычагами, при помощи которых Неру предполагал произвести базисные изменения в экономической структуре Индии, были государственный сектор и плановое ведение хозяйства. При этом важно отметить, что решающим средством обеспечения развития государственного сектора должна была служить не столько национализация частного капитала, сколько быстрый рост государственных инвестиций, более того, государственный сектор должен был стать центром всего инвестиционного процесса.

Неру полагал, что одним из важных противоречий в социально-экономическом развитии Индии является противоречие между государственным и частным секторами экономики, но он считал возможным его постепенное сглаживание. «В настоящее время,— говорил он,— существует конфликт между частным сектором и растущим общественным сектором. Но я уверен, что этот конфликт также будет разрешен мирными средствами и путем сотрудничества». По поводу участия частного сектора в экономическом развитии Индии Неру высказался с полной определенностью: «Я стремлюсь поощрять частное предпринимательство потому, что считаю полезным поощрять то, что помогает росту и развитию национального производства».

В сущности, понятием «социализм» (а чуть позднее — «демократический социализм») партия Индийский национальный конгресс обозначала такое общество, в котором в сфере экономики взаимодействуют государственный и частный секторы, а в сфере политики существует многопартийная система, политическая демократия призвана способствовать развитию демократии социальной, то есть

имеются все основные элементы правового государства. Идеологическим обоснованием «общества социалистического образца» стала концепция «популизма развития». В основе такого рода идеологии — желание расширить социальную опору существующей власти. «Популизм развития» предполагает уделение внимания интересам низших слоев имущих классов и демократических групп населения и нередко сопряжен с определенными ограничениями на деятельность крупного капитала.

За сессией в Авади последовал ряд мер, свидетельствовавших о стремлении правящей партии проводить в жизнь принятые резолюции. В 1955 году по инициативе и при самом деятельном участии Неру парламент принял поправку к конституции, которая предоставила законодательным учреждениям право экспроприировать любую собственность, если этого требуют интересы общества, а также определять размеры компенсации, что прежде делали суды, нередко стоявшие на страже интересов собственников. Вскоре была проведена первая в независимой Индии крупная национализация. Имперский банк превратился в Государственный банк Индии, что укрепило позиции правительства в сфере финансов.

30 апреля 1956 года на основе решений сессии ИНК в Авади была принята Резолюция о промышленной политике. Принцип смешанной экономики и подразделение отраслей промышленности на три категории сохранялись, но соотношение между ними менялось в пользу государственного сектора, роль которого до того времени была незначительной. К концу первого пятилетнего плана доля государственного сектора в промышленности не превышала 5%. По новой резолюции список отраслей промышленности, составляющих исключительную сферу деятельности государства, возрос с 6 до 17 пунктов и охватил решающие области индустриального производства. Вместе с тем уже существующие частные предприятия в любой отрасли не подлежали национализации. Деление индустрии на три категории не

носило абсолютного характера, допускались исключения. К тому же частный капитал получал доступ в отрасли промышленности, оставленные за государством, через смешанные предприятия.

Идеи, выдвинутые на сессии в Авади и в Резолюции о промышленной политике, легли в основу второго пятилетнего плана (1957—1961), который должен был стать, по замыслу его вдохновителя Неру и группы авторов, «подлинным началом разрешения колоссальной задачи переустройства страны, стратегией в войне против нищеты». Главная цель плана состояла в энергичной интенсификации процесса индустриализации Индии. Промышленное производство планировалось увеличить на 64% — темпы в истории Индии небывалые. Большое внимание уделялось и развитию сельского хозяйства. План предусматривал увеличение производства зерна на 25% и ликвидацию зависимости от импорта продуктов питания. В 1956 году была в основном завершена реорганизация штатов на национально-языковой основе. Княжества, как политические и административные единицы, прекратили свое существование. В октябре 1956 года было создано 14 штатов, на территории которых разместились основные национальные массивы Индии (позднее, в 1960 году штат Бомбей был разделен на два штата: Махараштру и Гуджарат) и 6 территорий центрального подчинения. Эта акция правительства Неру была важным шагом в демократическом решении сложного национального вопроса в Индии.

Принятие продуманной новой доктрины Неру и первые успехи претворения ее в жизнь способствовали повышению авторитета и влияния Национального конгресса. В 1956 году он насчитывал около 5 миллионов членов, в 1958 году их стало 10 миллионов. Возрос и авторитет Джавахарлала Неру. Однако правые силы не думали сдавать свои позиции. В 1956 году крупные капиталисты и финансисты объединились в Форум свободного предпринимательства, целью которого была пропаганда надежности и перспективности

частного сектора, а также политическая деятельность в защиту интересов своей социальной группы. Секретные документы форума, ставшие достоянием гласности, свидетельствуют о том, что его руководители попытались заменить Неру более консервативной фигурой. Хотя Форуму это сделать не удалось, нажим правых в партии и вне ее был достаточно сильным, чтобы Неру мог не считаться с ним. Он решил еще раз и более обстоятельно объяснить свое понимание «общества социалистического образца». Это он сделал в статье «Основной подход», опубликованной 15 августа 1958 года в праздничном номере журнала партии ИНК «Экономик ревью». Данная статья — наиболее серьезная попытка Неру изложить свое понимание социализма в 50-х годах. Марксистский социализм Неру называет коммунистическим и усматривает в нем два, по его мнению, неприемлемых для Индии принципа: насилие и отсутствие свободы личности. Он утверждал: «Коммунизм решительно связал себя с насилием. Если даже он (коммунизм. — Авт.) обычно не злоупотребляет физическим насилием, то говорит на языке насилия, его идеи носят насильственный характер и он не стремится к изменениям через убеждение или мирное демократическое воздействие, а лишь через насилие и фактически через разрушение и уничтожение». Отмежевываясь от марксистского понимания социализма Неру пишет: «Все это полностью противоречит тем мирным методам, которым учил нас Ганди».

И еще: «К сожалению, многие политические аспекты коммунизма способствовали искажению нашего представления о социализме. Методы борьбы, разработанные коммунизмом, основаны на насилии. Поэтому социализм следует рассматривать, лишь исключив эти политические моменты и неизбежность насилия».

Теория далеко не всегда совпадает с жизненными реалиями. Прогрессивные силы Индии и всего мира одобрили акт насилия, когда премьер-министр Индии Джавахарлал Неру дал приказ индийским войскам освободить части тер-

ритории Индии, на которых расположились португальские колонии — Гоа, Диу и Даман. Демократическая Индия и ее друзья считали правильным, когда премьер-министр Индии Джавахарлал Неру силой государственной власти ликвидировал княжества, а когда низам Хайдарабада попытался сопротивляться, приказал ввести в княжество войска и заставил его уважать законы страны.

Конечно, всевластие Сталина и репрессии подчиненных ему карательных органов вызвали у большинства прогрессивных деятелей глубокое разочарование. Но сталинская деформация социализма не должна исказить понимание прогрессивности нового общественного строя. Пролетариат по своей природе класс-созидатель, а не класс-разрушитель.

Несмотря на теоретическую расплывчатость, взгляды Неру, пусть и не являлись в нашем понимании социалистическими, на определенном этапе развития Индии выразили интересы ряда классов и социальных групп, совпадающие с общенациональными интересами страны. В широком социальном спектре, интересы которого выражал Национальный конгресс, были не только трудящиеся, но и основная часть индийской буржуазии. И это закономерно. Закономерно потому, что большинство прагматически настроенных представителей имущих классов встали на реформистские позиции в вопросах политики и социально-экономического развития. Они поддерживали реформаторскую деятельность государства уже потому, что государство было той единственной силой в обществе, которая была способна помочь освоить новые (уже развитые на Западе), технически наиболее передовые производства, основанные на самой современной технике и технологии. И было ясно: реформистский курс должен был сочетать хотя бы минимальные социальные гарантии для широких слоев населения и использование государственных институтов, воздействующих на социально-экономические процессы, со стимулированием частной инициативы во всех отраслях и сферах народного хозяйства. Собственно говоря, социализм

Дж. Неру представлял собой одну из разновидностей модели общества, в то время активно разрабатывавшейся социал-демократами в ряде западноевропейских стран.

Вступил ли Неру в противоречие с классом, из которого он сам вышел? Конечно, нет. Буржуазия неоднородна (а индийская буржуазия в особенности, ибо она как класс существует в многоукладном и многонациональном обществе). Ей присуща социально-экономическая многоликость, рождающая внутреннюю политическую противоречивость. На протяжении нескольких десятилетий Неру в поисках широкой социальной базы вынужден был маневрировать и идти на компромиссы с разными группами этого пестрого и многоликого класса.

В 1959 году в Нагпуре состоялся очередной съезд Национального конгресса. Главным в его обширной повестке дня был вопрос об аграрных отношениях в индийской деревне. Неру намеревался вновь вернуться к проблеме аграрных реформ. Его тревожило, что многие резолюции, принятые руководящими органами, дальше столов партийных функционеров не уходят. Накануне съезда Неру получил обширное письмо, подписанное видным конгрессистом Н. Г. Ранга, знатоком аграрного вопроса, и рядом других известных деятелей Национального конгресса, в котором они предупреждали, что страна втягивается в кризис сельскохозяйственного производства, размеры которого трудно даже себе представить, если правительство вздумает ограничить помещичьи землевладения. Все попытки реформ, угрожали Неру авторы письма, только усугубят положение. Однако это послание не испугало премьер-министра. Он внес проект резолюции, требовавший радикальных мер и последовательности в аграрном вопросе. Выступая в защиту своего проекта, Неру подчеркнул, что аграрные отношения в Индии, система землевладения и землепользования являются тормозом развития всей экономики страны. «Разговоры о социализме,— сказал он,— бесполезны, когда крестьянам принадлежат крохотные клочки земли». Выход

из положения Неру видел в кооперировании сельского хозяйства. Он считал, что «кооперация является единственным путем развития сельского хозяйства в Индии... Именно в условиях господства мелких и мельчайших земельных владений кооперирование — наиболее правильный путь». Аграрная программа, выдвинутая Неру, давала серьезный импульс развитию сельскохозяйственного производства путем улучшения механизации, улучшения агрокультуры, мелиорации, химизации и организации труда. Съезд партии принял резолюцию, предложенную Джавахарлалом Неру.

Новые планы переустройства социально-экономической структуры Индии, выдвинутые признанным лидером правящей партии страны, привели к новому размежеванию сил на индийской политической арене вообще и в Национальном конгрессе в частности. Произошла дальнейшая поляризация социально-политических сил индийского общества. После Нагпурской сессии Конгресса, наметившей новую аграрную политику партии, в июне 1959 года на собрании Всеиндийской сельскохозяйственной федерации в Мадрасе группа правых политиков предложила создать новую партию под названием «Сватантра». Она возникла как политический симбиоз, объединивший все антиконгрессиистские и антикоммуналистские силы Индии. Среди организаторов новой партии были: Н. Г. Ранга, бывший конгрессиист, один из лидеров правого крыла крестьянского движения в южном штате Андхра — Прадеш, М. Р. Масани, бывший социалист, тесно связанный с концерном Таты, уже известный нам Ч. Раджагопалачария. Эти политики оказали серьезное влияние на выработку программных положений и политическую практику «Сватантры», особенно на начальном этапе ее деятельности.

Руководители новообразованной партии всячески стремились привлечь в «Сватантру» недовольные политикой Национального конгресса социальные силы и заблокировать осуществление социально-экономических программ ИНК посредством активного давления на правящую партию.

Согласно расчетам руководства новой партии, «Сватантра» в итоге должна была, собрав вокруг себя все находившиеся в оппозиции ИНК буржуазные партии, группировки и фракции, превратиться в мощную консервативную силу.

Крупная индийская буржуазия в целом благосклонно откликнулась на создание «Сватантры». Вместе с тем определенная часть монополистов (прежде всего семейство Бирлы и связанные с ним группы предпринимателей) не оказала новой партии серьезной политической и финансовой поддержки. Разногласия в среде крупной буржуазии касались ее взаимоотношений с государством и оценки его роли в социально-экономическом развитии страны. Наиболее активную поддержку «Сватантре» оказали объединения Таты, Баджаджа, Кхатау, Вальчанда и др.

В отличие от «Джан сангх» «Сватантра» не являлась религиозно-общинной партией, она строила свою идеологию и практическую деятельность на светской, секуляристской основе. Однако обе партии объединяло общее стремление сместить правительство Неру, заменив его консервативным политическим блоком. Избранный председателем новой партии престарелый Ч. Раджагопалачария (в прошлом один из видных деятелей Конгресса и генерал-губернатор Индии после отъезда лорда Маунтбэттена) не отличался устойчивостью в своих политических симпатиях. Он был гандистом и соратником Неру, но позднее желчно говорил: «Если он питает отвращение к слову «консерватизм», то мне претят его «социалистические лозунги».

В манифесте, опубликованном организаторами новой партии, решительно осуждались идея и практика создания государственного сектора в промышленности, кооперация сельского хозяйства, плановое развитие экономики, ограничение иностранного капитала, путь неприсоединения во внешней политике и остальные основополагающие принципы «курса Неру». «Мы считаем,— говорилось в манифесте,— что есть лучшие и более успешные пути достижения социальной справедливости, чем так называемый социа-

лизм». 19—20 марта 1960 года в Патне состоялся первый съезд «Сватантры». Число ее членов составило 336 тысяч человек. Это была внушительная, воинственная и влиятельная сила, противостоящая и внутренней, и внешней политике Джавахарлала Неру.

Строго говоря, деятельность «Сватантры», равно как и продолжавшаяся борьба «Джан сангх», «Хинду махасабха» и других реакционных партий против прогрессивного курса Неру и индийской демократии, не представляла бы такой опасности, если бы в самом Национальном конгрессе не было устойчивой и влиятельной консервативной группировки, оказывавшей сильное влияние на деятельность партии и политическую ситуацию в стране в целом. Кстати сказать, именно из правого крыла Конгресса, как правило, вербовался актив реакционных партий. Джавахарлал Неру вынужден был принять бой еще на одном, навязанном ему фронте.

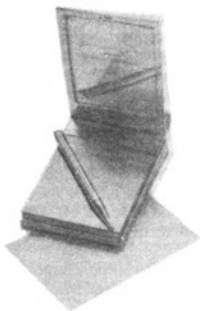
Тогда же судьба послала ему новое испытание. Именно в тот год, когда «Сватантра» открыла ожесточенный огонь по курсу правительства и когда от Неру требовались усилия воли, энергия и искусство политической борьбы с опасным противником, в его доме произошло несчастье. В 1960 году от сердечного приступа скончался его зять Фероз Ганди. И Индира, и Джавахарлал Неру тяжело переживали смерть человека, который страстно поддерживал борьбу индийских демократов и на трибуне парламента как депутат, и на страницах газет как журналист.

Индира Ганди мужественно встретила несчастье. Она была не только женой журналиста и дочерью премьер-министра, она была ученицей, единомышленницей и идеологической последовательницей Неру. В середине пятидесятых годов Индира Ганди становится одним из признанных руководителей Национального конгресса. В 1955 году ее выбрали членом Рабочего комитета, а в 1959 году она стала председателем партии.

О роли отца в формировании ее мировоззрения Индира Ганди писала: «Он был подлинным учителем. Я обязана ему

большей частью того, что знаю. Но народ Индии... кому довелось его слышать, наверное, замечал, что ему была чужда назидательность, что в его речах не было места риторике и пышным словам; в то же время он всегда стремился учить людей, учить любую аудиторию, к которой обращался, и его слова врезались в память людей и оказывали влияние на всю их дальнейшую жизнь».

Получая поддержку друг у друга, отец и дочь включились в дальнейшую борьбу.

Ручка и блокнот
Дж. Неру

● «КУРС НЕРУ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ИНДИИ ●

До провозглашения независимости Индии внешняя политика была той сферой политической деятельности, которая ревностно оберегалась английскими колониальными властями и куда индийцы традиционно не допускались. Неру выпала честь и ответственность стать родоначальником теории и практики самостоятельного внешнеполитического курса правительства суверенной Индии. 7 сентября 1946 года, уже после того как вице-король Уэйвелл предложил ему стать первым премьер-министром временного правительства (одновременно Неру стал министром иностранных дел), но еще до того как Индия получила независимость, Неру выступил по Делийскому радио с речью, в которой сформулировал основополагающие принципы будущего внешнеполитического курса своего правительства. В ней подчеркивалось стремление Индии отмежеваться от военных союзов, установить дружеские отношения со всеми странами мира и особенно со странами Азии, содействовать избавлению от коло-

ниализма и обретению независимости всех поработенных народов. Обращаясь к индийскому и другим народам, Неру говорил: «Мы намерены, насколько это возможно, держаться в стороне от политики силы, проводимой противостоящими друг другу группировками, которая в прошлом вела к мировым войнам и опять может привести к еще большим бедствиям. Мы считаем, что мир и свобода неделимы и что попрание свободы в любом месте неизбежно ставит под угрозу свободу в других местах и ведет к конфликту и войне». Независимая Индия готова была протянуть руку дружбы всем странам. «Невзирая на конфликты в прошлом, мы надеемся, что независимая Индия будет поддерживать отношения дружбы с Англией и странами Британского содружества наций. ...Мы шлем свои приветствия народу Соединенных Штатов Америки, которому судьба уготовила важную роль в международных делах... Мы приветствуем и другую великую страну современного мира, Советский Союз, который также несет большую ответственность за ход мировых событий», — заявил Неру.

Свою речь Неру закончил словами, полными веры в светлые перспективы Индии и ее народа: «Индия идет вперед, и старый порядок уходит. Мы слишком долго оставались безучастными зрителями событий, игрушками в руках других. Сейчас инициатива переходит к нашему народу, и мы сами будем вершить свою историю. Объединимся же ради выполнения этой огромной задачи и сделаем дорогую нашему сердцу Индию великой страной, играющей выдающуюся роль в деле мира и прогресса. Двери открыты, и судьба зовет нас всех». Принципам мира, антиколониализма и неприсоединения, декларированным им в своей первой внешнеполитической речи на посту премьер-министра, Джавахарлал Неру остался верным до последних дней своей яркой жизни.

Провозглашение Джавахарлалом Неру ненасилия как принципа международных отношений было, можно утверждать, историческим событием. Это был радикальный и

смелый подход к межгосударственным отношениям. Во все времена и на всех континентах влияние и мощь государства определялись его экономической и военной силой. Об этом заявлялось цинично и откровенно. Наполеон, например, утверждал, что «для того чтобы управлять миром, нет иных секретов, кроме того, чтобы быть сильным; сила не знает ни ошибок, ни иллюзий». Ярым приверженцем культа силы был другой представитель эпохи буржуазии, «железный» канцлер Бисмарк, который считал, что в каждом государстве-партнере необходимо отыскать уязвимое место и при удобном случае нанести ему удар такой силы, чтобы диктовать ему свои условия.

Индия явила другой пример: государство, не обладавшее значительной военной мощью и провозгласившее своим принципом ненасилие, неожиданно для большинства политиков обрело огромный международный авторитет и стало оказывать существенное влияние на мировую политику. Следует отметить, что внешнеполитический курс Неру был более последовательным, чем его политика во внутренних делах, которая не была свободна от противоречий. Выбор внешнеполитического курса в историческом контексте послевоенной конфронтации был делом чрезвычайной ответственности перед своим народом и, в конечном счете, перед мировой историей. Перед Неру открылась дилемма: Запад или Россия? С Западом его объективно связывала классовая принадлежность, субъективно он тяготел к Англии, где получил образование, и на дружбе с которой настаивали многие его друзья из руководства партии, ссылаясь на старые традиции. Но у Джавахарлала была способность, свойственная только выдающимся политикам, — быстро и точно оценивать смену политической ситуации, находить новую исходную позицию.

Нужно напомнить, что речь Неру прозвучала в то время, когда уставший от войны мир был ошеломлен печально знаменитым выступлением Уинстона Черчилля в Соединенных Штатах в городе Фултоне. В этой речи, открывшей тяже-

лый для человечества период «холодной войны», бывший британский премьер призывал говорить с СССР с позиции силы, создавать военные блоки и пугал обывателей «коммунистической опасностью».

В ответ на выступление Черчилля в Москве возобладали конфронтационные настроения. Новую ситуацию, сложившуюся в результате этого в уставшем от войны мире, можно было бы охарактеризовать словами: «сила против силы». Ни одна ни другая сторона не предпринимали попыток перевести противоречия в русло политических переговоров. В Отчетном докладе ЦК ВКП(б) XIX съезду партии, с которым выступил секретарь ЦК Г. М. Маленков, в разделе «Международное положение Советского Союза», в частности, говорилось: «В области политической послевоенный период ознаменовался образованием двух лагерей — лагеря агрессивного, антидемократического во главе с США и лагеря миролюбивого, демократического». Докладчик подчеркнул, что главная агрессивная держава США подталкивает к войне против Советского Союза капиталистические страны Западной Европы, послушно следовавшие в фарватере ее политики. Оценивая роль США, докладчик был резок и категоричен: «Ныне американский империализм выступает уже не только как агрессор, но и как мировой жандарм, старающийся задушить свободу везде, где только возможно, и насадить фашизм».

Страны Западной Европы, по схеме, представленной в докладе, — сателлиты США, неспособные выработать самостоятельный внешнеполитический курс. Эту подчиненность Маленков объяснял традиционной «продажностью» европейской социал-демократии. «Прямую ответственность за эту антинациональную политику правящих кругов, — утверждал он, — несут и правые социал-демократы». К числу отступников Маленков отнес лейбористов Англии, социалистов Франции, социал-демократов Западной Германии, Швеции, Дании, Норвегии, Финляндии, Австрии и др. Вердикт докладчика был безапелляционен: «Современная пра-

вая социал-демократия, в дополнение к своей старой роли прислужников национальной буржуазии, превратилась в агентуру иностранного американского империализма и выполняет его самые грязные поручения в деле подготовки войны и в борьбе против своих народов».

В этой острой и опасной международной обстановке Неру отвергал противоборство сил, жесткую конфронтацию. Наряду с принципами ненасилия и неприсоединения он впервые выдвинул тезис о необходимости активности и единства действий азиатских стран. Как уже говорилось, одним из важнейших последствий второй мировой войны явился бурный рост национально-освободительного движения поработанных народов в колониальных и зависимых странах. Летом 1945 года от японских захватчиков была освобождена почти вся Бирма, 17 августа провозглашена независимая Республика Индонезия, 2 сентября создана Демократическая Республика Вьетнам, в октябре объявлено о независимости Лаоса. Восстановить разорванные колониализмом старые связи азиатских стран, добиться объединения молодых государств на основе мира и дружбы Неру считал важнейшей задачей. «Мы должны посвятить себя созданию этого тесного содружества свободных стран», — подчеркивал он.

Важно отметить, что после обретения независимости внешняя политика стала важнейшей и даже решающей сферой антиимпериалистической борьбы индийского народа. Традиционные формы, которые ранее брали на вооружение прогрессивные силы (забастовки, харталы, демонстрации и т. д.), после ухода колонизаторов отошли на второй план, уступив первенство внешнеполитическим акциям правительства, государства и его органов. Это не исключало объединения усилий дипломатического ведомства государства с народной дипломатией.

В конце марта — начале апреля 1947 года представители индийских общественных организаций созвали конференцию по содействию установлению отношений между

странами Азии. Нужно отметить, что для стиля работы премьер-министра Индии была характерна прочная и устойчивая связь с общественными движениями. Неру выступил на ее открытии с речью, в которой дал анализ новой международной ситуации на Востоке, характеризующейся кризисом колониальной системы империализма. «Сейчас положение меняется,— отметил он,— и Азия вновь обретает себя. Мы живем в эпоху грандиозных перемен, и уже близок следующий этап, когда Азия окончательно займет свое законное место среди других континентов». Джавахарлал Неру призывал к единству азиатских народов на антиколониальной, антиимпериалистической основе. Однако единство ни в коем случае не должно было, по его мнению, означать обособленности и самоизоляции народов древнего континента и утверждения воинствующего национализма. «Мы не стремимся к узкому национализму,— развивал Неру свою мысль.— У национализма есть свое место в каждой стране, его следует поддерживать, но нельзя допускать, чтобы он стал агрессивным, оказался помехой на пути международного развития. Азия протягивает дружескую руку не только нашим страждущим братьям в Африке, но также Европе и Америке».

Таким образом, еще до провозглашения независимости у Неру была сложившаяся внешнеполитическая доктрина, включившая в себя мир, антиколониализм, неприсоединение и афро-азиатскую солидарность. Историческая роль Джавахарлала Неру в истории международных отношений состоит в том, что он первым поднял знамя неприсоединения, уходящего своими корнями в антиколониальную борьбу азиатских народов. После завоевания независимости его правительству предстояло сделать принцип неприсоединения основой своей международной деятельности.

Известно, что внешняя политика — составная и неотъемлемая часть общей политики господствующих в стране классов. Рассматривать внешнюю политику вне связи с внутренней — занятие бесперспективное. В основе внеш-

неполитического курса индийского правительства лежало стремление правящих классов обеспечить такую международную обстановку, которая способствовала бы ускоренному развитию экономического потенциала страны и быстрой ликвидации колониальной отсталости. Обеспечение мира и взаимовыгодного сотрудничества со всеми странами было объективной необходимостью суверенного развития Индии. Выступая в парламенте, Джавахарлал Неру говорил: «Обсуждая вопрос внешней политики, парламент должен помнить, что она не является простым ходом на шахматной доске... В конце концов, внешняя политика — результат экономической политики, и до тех пор, пока Индия должным образом не определит своей экономической политики, ее внешняя политика будет довольно неопределенной, довольно примитивной, будет политикой на ощупь».

Однако выработка самостоятельного курса неприсоединения и мирного сотрудничества была делом сложным и трудным. С первых дней существования независимой Индии ее правительству пришлось выдержать сильный нажим многоопытной империалистической дипломатии, которая энергично и настойчиво стремилась вовлечь молодую страну в сколачиваемые в Азии военные блоки и противопоставить ее развернувшимся национально-освободительным движениям. Влиятельная и информированная «Нью-Йорк таймс» писала в августе 1949 года: «Все большее число дипломатов чувствует, что Индия с ее военным и экономическим потенциалом является ключом к успешной внешней политике Соединенных Штатов в Азии».

Кроме этого, на складывание внешнеполитического курса индийского правительства в то время влияли такие важные внутренние факторы, как наличие в нем и в правящей партии сильной, откровенно прозападной группировки, сохранение в индийской экономике позиций английской буржуазии, определенная инерция традиционных связей с Европой и, наконец, понимание того, что в то время страны

Запада с их значительным экономическим потенциалом могли бы оказать содействие в модернизации народного хозяйства Индии.

В речи, которую он произнес 22 марта 1949 года, Неру сказал: «Когда я говорю, что мы не хотели пристраиваться ни к какому блоку, это, очевидно, не означает, что в наших отношениях мы не хотели бы быть ближе с одними странами, чем с другими. В настоящее время, как известно, мы более близки с некоторыми государствами западного мира, чем с другими странами».

В октябре 1949 года Джавахарлал Неру выехал с официальным визитом в Вашингтон. Это была его первая поездка в Соединенные Штаты Америки. По пути в Америку премьер-министр Индии на два дня остановился в Лондоне, где имел беседы с Эттли и Криппсом. Премьер-министр Индии находился за океаном почти месяц: с 11 октября по 7 ноября.

Главной целью визита Неру было достижение экономического соглашения. Американская сторона рассчитывала пойти навстречу, но при обязательном условии участия Индии в военных блоках. Индии необходимо было получить около 1 миллиона тонн пшеницы для преодоления острого продовольственного кризиса, добиться технической помощи развивающейся индийской промышленности и, наконец, правительство Неру рассчитывало на определенные финансовые уступки со стороны США для проведения Индией экономических операций в долларовой зоне.

Во время визита Неру выступил с важной речью, которую он произнес на совместном заседании обеих палат американского Конгресса. В ней он, в частности, сказал: «Там, где свобода и справедливость находятся под угрозой, или там, где происходит агрессия, мы не можем быть и не будем нейтральными. То, что мы отстаиваем и пытаемся осуществить на практике собственным несовершенным путем,— это связывание воедино веры в мир и неистощимого стремления мысли и действия, чтобы обеспечить его...

Дружба и сотрудничество между нашими странами являются поэтому естественными. Я стою здесь, чтобы предложить и то и другое для достижения справедливости, свободы и мира». Неру нарочито неопределенно сформулировал тезис о свободе и справедливости, чтобы можно было рассчитывать на успех своей миссии в Соединенных Штатах и не вернуться домой с пустым портфелем. В течение долгих бесед с президентом Трумэнном и государственным секретарем Ачесоном премьер-министр Индии настойчиво пытался добиться понимания насущных нужд его страны, но руководители США были глухи и не хотели идти навстречу без далеко идущих политических уступок со стороны Индии. США хотели видеть Индию ориентированной в своей внешней политике исключительно на Запад. На такие условия не могла согласиться уважающая себя страна. Раздосадованный безуспешностью переговоров, 7 ноября Неру вылетел из Вашингтона. Результаты визита в США его разочаровали.

В Соединенных Штатах политикой руководили люди, не стремившиеся оценить происшедшие изменения в Индии, безусловно полагавшиеся на всемогущество военной силы и всеилие экономического потенциала, существенно возросшего за годы прошедшей войны. Они упорно смотрели в прошлое и не хотели видеть завтрашнего дня. Немного позднее, после визита Неру, 21 августа 1951 года, выражая мнение тогдашнего политического истеблишмента Америки, газета «Нью-Йорк дейли миррор» писала: «Возглавляемая Неру Индия — один из врагов нашей страны». И далее: «Джавахарлал Неру быстро превращается в одну из крупных неприятностей послевоенной эры».

В первые же годы формирования внешнеполитического курса Индии его основатели имели возможность убедиться в коварстве империалистической дипломатии. Позиция правительств США и Англии была для Неру неприятным открытием, и он с огорчением признал, что она «заставляет Индию усомниться в доброжелательности этих стран к Ин-

дии, и как это ни печально, но усилия многих лет, усилия по созданию духа доброй воли, который мы так высоко ценим, сводятся на нет...» С особенной настороженностью Неру относился к настойчивым попыткам Запада приковать Индию к боевой колеснице военных пактов и агрессивных блоков. В этом отношении, пришел к выводу Джавахарлал Неру, необходимо проявлять неусыпную бдительность и непоколебимую твердость. «Если мы отступим со своих главных позиций сегодня,— говорил он,— то нам придется отступать и завтра, и в будущем году, и во все времена». Неру понимал, что конфронтация с империализмом для Индии — не результат субъективных действий отдельных политиков, но долговременное и принципиальное противоречие, исходящее из самой природы империализма, который искал и будет искать себе союзников среди наиболее консервативных ретроградских слоев индийского общества. Неру писал: «Империализм, или колониализм, подавлял и продолжает подавлять прогрессивные общественные силы. Он неизбежно вступает в союз с привилегированными группами или классами, поскольку он заинтересован в сохранении статус-кво в общественной и экономической жизни».

Джавахарлал Неру был одним из первых политических деятелей Востока, который заметил, что попытки вовлечения в блоки и союзы, оговоренная политическими условиями помощь, неравноправные экономические соглашения и другие факторы соединяются и, дополняя друг друга, образуют новое политическое явление — неоколониализм. Политика неоколониализма возникла в тот исторический период, когда удержать в подчинении колониальные страны силой было уже невозможно, когда отряды национально-освободительного движения, поддерживаемые мировым социализмом, оказались могущественнее империализма, ослабленного войной, но внутренние возможности вновь образованных государств покончить с экономической отсталостью были еще ограничены. Первую скрипку в этой

новой политике империализма играли Соединенные Штаты Америки, экономически самая мощная империалистическая страна, сохранившая для многих лидеров Востока иллюзорный ореол защитницы демократии и свободы, менее чем другие страны Запада связанная с классическим колониализмом. Неру преодолел эти иллюзии. Он писал: «Учтя опыт и трудности других империалистических государств, США усовершенствовали старые методы. Они не считают нужным аннексировать какую-либо страну наподобие того, как Англия захватила Индию; их интересует только выгода, а потому они стараются прибрать к рукам богатства страны. Далее несложно подчинить ее население, да, собственно говоря, и всю страну. Так без особых хлопот и без столкновений с местным национализмом они устанавливают над ней контроль и получают свою долю ее богатств. Этот метод именуется экономическим империализмом. На карте он не отражен. Страна может показаться свободной, если судить о ней по учебнику географии или атласу. Но, заглянув поглубже, обнаружишь, что она находится в когтях крупного государства или, вернее, его банкиров и крупных предпринимателей. Вот такой невидимой империей владеют США».

Попытку Запада оказать экономическую помощь, с тем чтобы добиться политических выгод, Неру отвергал со всей возможной решительностью. Он считал такую помощь неприемлемой не только для Индии, но и для любой другой страны Азии, дорожащей своим суверенитетом. «...Следует помнить,— говорил он,— что ни одна страна Азии не примет подобной помощи, если она будет сопровождаться условиями, означающими какой-либо вид экономического господства другой страны. Мы предпочитаем, чтобы наше развитие, промышленное и всякое другое, замедлилось, лишь бы избежать подобного господства».

Середина 50-х годов в истории суверенного развития Индии ознаменовалась ее выходом на широкую международную арену как динамичной силы и активного борца за

мир и международную безопасность во всем мире. Заслуга формирования этого курса принадлежит Джавахарлалу Неру. Именно поэтому он вошел в историю международных отношений как последовательный и стойкий борец за мир. В эти годы Неру проявляет ряд смелых инициатив, направленных на локализацию и ликвидацию очагов войны и принимает деятельное участие в важнейших форумах и встречах. 15 июля 1950 года он обращается к руководителям ряда государств (в том числе к И. В. Сталину) с предложением принять экстренные меры по ликвидации корейского конфликта, 22 февраля 1954 года он предложил свой вариант прекращения войны во Вьетнаме.

В конце июня 1954 года Неру пригласил посетить Индию премьер-министра Китая Чжоу Эньлая. Он искренне хотел установить добрососедские отношения с северным соседом Индии, а также ближе познакомиться с опытом социалистического строительства и ликвидации полуколониальной отсталости народного Китая. В июне Чжоу Эньлай прибыл в Дели. Индийский народ оказал ему поистине братскую встречу, выразившую его симпатию к смелому социальному эксперименту китайского народа. Неру и Чжоу Эньлай выработали в ходе переговоров знаменитые пять принципов («панча шила») международных отношений. Эти принципы включали: 1) взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета 2) ненападение 3) невмешательство во внутренние дела друг друга 4) равенство и взаимная выгода 5) мирное сосуществование. Эти принципы получили широкое признание всех прогрессивных и миролюбивых сил и многих правительств мира. Пять принципов имели непреходящее историческое значение: они легли в основу новых принципов международных отношений и вошли как составная часть во многие важнейшие документы, регламентирующие отношения между государствами.

В октябре этого же года Неру выехал с ответным визитом в Китай. Его пребывание в стране длилось около двух

недель. Во время переговоров с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем Неру выступил с тезисом о необходимости создания в Азии зоны мира. Неру искренне желал разрядки напряженности в Азии и установления добрососедских отношений с Китаем.

В феврале 1955 года Неру получил приглашение принять участие в конференции премьер-министров стран Британского содружества наций, на которой должны были обсуждаться военные вопросы. Неру отказался от участия в этой конференции, и Индия на ней представлена не была. Позиция премьер-министра, влиятельного члена Содружества обеспокоила Лондон. В Дели прибыл министр иностранных дел Англии Иден. Его усилия добиться следования Индии в традиционном фарватере политики Лондона не привели к успеху.

Неру в это время готовился к международному форуму в Бандунге, где должны были впервые собраться вместе лидеры 29 государств Азии и Африки. Как правило, крупные конференции многих государств в истории дипломатии проходили после войн и имели целью послевоенное переустройство. Конференция в Бандунге была принципиально иной. В ее основе лежало противоборство войне. Идея созыва форума стран Азии и Африки родилась на конференции нескольких азиатских стран, состоявшейся в мае 1954 года в Коломбо. На совещании премьер-министров Индии, Индонезии, Пакистана и Цейлона¹ 28—29 декабря 1954 года в Богоре (Индонезия) Неру внес свои предварительные соображения о составе предстоящей конференции и общих принципах. Он был одним из основных вдохновителей и организаторов небывалого форума.

Решение афро-азиатских стран провести конференцию, чтобы обсудить вопросы борьбы за свою независимость и всеобщий мир, обеспокоило империалистические круги,

¹ Ныне — Демократическая Социалистическая Республика Шри-Ланка.

которые понимали, что они невольно окажутся на ней незримыми участниками, размещенными на скамье подсудимых. Видный американский публицист Уолтер Липпман писал, что это будет «самое грозное и честлюбивое выступление из тех, что были в нашем поколении, для осуществления принципа «Азия для азиатов». С целью сорвать конференцию ее враги организовали крикливую газетную кампанию и даже пошли на прямую диверсию: индийский самолет «Принцесса Кашмира», на котором находилась часть делегации КНР, 11 апреля 1955 года взорвался в воздухе, все его пассажиры погибли.

Но сорвать конференцию не удалось. Ее созыв был велением времени, она отражала новое соотношение сил на международной арене. Неру всемерно содействовал ее созыву. В феврале 1955 года он встретился в Египте с Гамаль Абдель Насером, в марте в Дели приехал глава Камбоджи принц Народом Сианук, в апреле Неру принимал заместителя премьер-министра и министра иностранных дел ДРВ Фам Ван Донга. Среди ряда вопросов, обсуждавшихся с этими государственными деятелями, был и вопрос об афро-азиатской конференции.

Несмотря на попытки разобщить молодые государства, внести в отношения между ними элементы отчуждения, Бандунгская конференция успешно завершила свою работу. Историческое значение Бандунгской конференции заключается в том, что она знаменовала выход к активному историческому творчеству молодых государств Азии и Африки, ранее находившихся на обочине развития человечества, превращение этих государств в субъекты всемирно-исторического процесса, возникновение движения афро-азиатской солидарности, превращение его в важный фактор межгосударственных отношений, в основе которых лежали антиколониализм и антиимпериализм. Провозглашенные на конференции принципы неприсоединения, утвердившиеся ранее как внешнеполитическая доктрина отдельных стран, стали интернациональным достоянием и

практикой международных отношений нескольких десятков стран этого региона. Сформулированная и провозглашенная Дж. Неру политика неприсоединения отразила специфическое международное положение государств «третьего мира», решивших покончить с империалистической зависимостью, колониализмом и явилась логической проекцией этой исторической реальности на сферу международных отношений. Создалась новая политическая атмосфера. Родилось и укрепилось то доброжелательство и взаимопонимание, которое получило название «дух Бандунга». Наконец, на конференции были установлены личные контакты ведущих государственных деятелей, способствующие уничтожению многочисленных предубеждений, выяснению позиций, завязыванию новых отношений, установлению взаимопонимания и дружбы.

Докладывая об итогах конференции Народной палате индийского парламента, Джавахарлал Неру сказал: «Бандунгская конференция была историческим событием. Даже тот факт, что она вообще состоялась, уже является огромным достижением, поскольку она знаменует рождение новой Азии и новой Африки, новых стран, которые неуклонно идут вперед по пути утверждения своей независимости и начинают сознавать значение своей роли в мире. Бандунг возвестил выход на политическую мировую арену стран, население которых составляет больше половины человечества».

Авторитет Неру среди лидеров Азии и Африки после Бандунгской конференции стал еще более высоким. Он зарекомендовал себя как один из наиболее ярких и выдающихся государственных деятелей послевоенного времени. Политика мира и неприсоединения к военным блокам, которую так энергично отстаивал и проводил Джавахарлал Неру, не имеет ничего общего с уклонением от ответственности за судьбы мира, когда в международных делах действуют по принципу «моя хата с краю». Премьер-министр Индии говорил, что мир в его представлении — это

не просто воздержание от войны, а активный и положительный переход к новым, гуманным международным отношениям. Такой подход предполагал активную наступательную борьбу за предотвращение угрозы войны, распространение демократических свобод во всем мире, требование независимости для колониальных стран и более широкое сотрудничество между всеми государствами. Мир, за который боролся Джавахарлал Неру и как он его понимал, это не просто мир, где война сдерживается благодаря поддержанию равновесия вооруженных сил. Нет, дело обстоит гораздо сложнее. Это такой мир, в котором устранены главные причины, вызывающие войны, и созданы сложные механизмы, способствующие мирному сотрудничеству как внутри каждой страны, так и между государствами. Путь к миру Дж. Неру видел в запрещении оружия массового уничтожения, прекращении гонки вооружений, а затем и полном разоружении всех государств.

Об ответственности за мир Неру говорил с подкупающей искренностью, необыкновенной взволнованностью, всегда находя точные, всем понятные слова. Он призывал дипломатов и государственных деятелей видеть за сухими пунктами и параграфами соглашений и договоров миллионы живых людей с их страданиями и нуждами, радостями и печалью, проявлять ответственность за будущее мира. «Что касается моего поколения,— убеждал он,— то многие из нас уже прожили большую часть своей жизни; нам остались считанные годы. Поэтому не так уж важно, какая судьба постигнет наше поколение. Но зато чрезвычайно важно то, что ожидает сотни миллионов других людей и весь мир».

Обращает на себя внимание тот факт, что в сфере внешней политики качества Джавахарлала Неру как выдающегося гуманиста современности выступают особенно впечатляюще. И еще одна особенность: на протяжении всех семнадцати лет пребывания Неру на посту главы государства именно он держал в руках штурвал управления меж-

дународными делами Индии. Можно утверждать, что Джавахарлал Неру постоянно вел поединок с многоопытной и неумной в претензиях на сохранение своего господства в Азии дипломатией Запада в лице наиболее способных ее представителей. И если подводить общие итоги этого соперничества, то Неру его выиграл.

Государственная мудрость Джавахарлала Неру и историческая новизна его действий заключалась в том, что он наиболее полно и четко очертил внешнеполитическую концепцию неприсоединения, отражающую закономерное специфическое положение тех афро-азиатских стран, которые, не входя в социалистический лагерь, установили с ним дружеские политические и тесные экономические отношения и, не порвав с лагерем капитализма, выступили с антиимпериалистическими, антиколониалистскими требованиями в сфере экономики и особенно политики. Политика неприсоединения настойчиво пробивала себе дорогу, демонстрировала свою жизненность, привлекательность для многих стран и стала примечательным интернациональным явлением современной международной жизни. Приверженность политике неприсоединения дала возможность странам, ее провозгласившим, проводить независимый внешнеполитический курс и на практике противостоять попыткам ведущих капиталистических держав подчинить их своему жесткому контролю. На прочном фундаменте политики неприсоединения образовалась непрерывно увеличивающаяся группа молодых государств, которые стали общепризнанными и активными участниками международной политики, демонстрируя зрелость и реализм в понимании и решении мировых проблем. Политика неприсоединения создала благоприятные условия для самостоятельного экономического развития молодых государств. Наконец, политика неприсоединения дала им объективную возможность направить усилия масс на демократическое и прогрессивное решение внутренних проблем и мобилизовать свои экономические, природные и людские ре-

сурсы, а также духовные силы нации на неотложные нужды своих народов. Политика неприсоединения, которую Дж. Ф. Даллес называл «аморальной», а некоторые деятели Запада рассматривали чуть ли не как экстравагантное чудачество, стала нормой международной жизни для многих государств. «Делийский фантазер», как саркастически называли Неру западные политики и экономисты, оказался политическим реалистом, а его критики, относившиеся к его действиям с плохо скрываемым раздражением, оказались негодными пророками.

Верность принципам неприсоединения, как их понимал Дж. Неру, отнюдь не означает беспринципность, пассивность внешнеполитического курса стран, их провозгласивших. Примером активности и решительности внешней политики правительства Индии может служить радикальная и смелая акция по освобождению португальских колониальных анклавов на индийской территории, осуществленная летом 1954 года. Гоа, Даман и Диу представляли собой последние бастионы колониализма на земле Индии. Правительство Неру неоднократно и настойчиво обращалось к правительству Португалии с предложением начать переговоры для совместных поисков справедливого решения вопроса о будущем португальских владений в интересах их населения. Однако премьер-министр Португалии, получив поддержку лидеров Североатлантического блока, ответил отказом. В итоге Джавахарлал Неру отдал приказ индийским войскам оказать помощь народам Гоа, Диу и Дамана в осуществлении их права на свободное самоопределение. Эта задача была выполнена, и последние колониальные анклавы на индийской территории были ликвидированы.

Одним из политических форумов, где афро-азиатские страны часто выступают совместно и наступательно, является Организация Объединенных Наций. Нужно подчеркнуть, что Индия была одним из первых азиатских государств, ставших ее членом, а премьер-министр Индии — в

числе тех, кто сразу понял, что ООН по своему месту в международных отношениях, влиянию на жизнь народов и способности отстоять мир качественно отличается от оказавшейся недееспособной Лиги наций (на заседании последней Неру присутствовал летом 1938 года, и ее бесплодная работа глубоко разочаровала его). В ноябре 1948 года Неру впервые принял участие в работе сессии Генеральной Ассамблеи ООН, состоявшейся в Париже, и именем народа Индии заверил Ассамблею, что его правительство целиком и полностью поддерживает принципы и цели ООН и будет всеми силами стремиться содействовать их осуществлению. Неру неоднократно выступал в ООН с рядом деловых предложений. Однажды он сказал: «Сегодня я отваживаюсь утверждать, что Азия играет определенную роль в мировых делах. Завтра роль ее будет гораздо значительнее». Нужно представить себе, что в те годы в зале Ассамблеи сидели главным образом представители Европы и Америки, и Неру, шокируя дипломатов Запада, привыкших к послушанию своих верноподданных из колоний, смело бросал в притихший зал: «Великие страны, подобные Индии, покончившие с колониальной стадией развития, считают недопустимым, чтобы другие страны оставались под колониальным ярмом».

Неру был твердо убежден, что ООН выполнит свою высокую миссию только при условии широкого представительства в ней всех стран, признающих и выполняющих на деле ее программу и устав. Когда в апреле 1950 года Дж. Ф. Даллес заявил, что «Устав, а также состав членов Организации Объединенных Наций устарели», а бывший президент США Герберт Гувер призывал «реорганизовать Организацию Объединенных Наций без коммунистических стран», Неру решительно возразил против таких попыток, назвав их «неразумными и вредными». Более того, в ряде принципиальных вопросов международной жизни Индия выступала совместно с социалистическими странами.

Империалистические державы не скрывали своего раздражения в связи с внешнеполитическим курсом Неру. Его миролюбивая политика подвергалась с их стороны жесткой критике и непрерывным атакам. Не отставали от них и правые силы внутри страны. «Сватантра», «Джан сангх» и другие консервативные партии активно стремились дискредитировать отвечающую общенациональным интересам деятельность Джавахарлала Неру в сфере международных отношений. Правое крыло Национального конгресса также присоединилось к этим усилиям, нередко беря на себя политическую инициативу. Среди наиболее активных оппонентов «курса Неру» во внешней политике выделялись М. Десаи, Редди, Кришнамачари и некоторые другие руководители партии.

Таким образом, «курс Неру» рождался в острой борьбе между прогрессивными силами и консерваторами как в своей стране, так и на мировой арене.

Личная печать
Джавахарлала Неру
(с его письменного стола
в «Тин мурти», Нью-Дели)

● ДЖАВАХАРЛАЛ НЕРУ И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ●

Советские люди всегда относились с пониманием и сочувствием к справедливой борьбе индийского народа. Как только появилась возможность, 13 апреля 1947 года, еще за четыре месяца до провозглашения независимости, Индия установила дипломатические отношения с СССР. В письме к Советскому правительству Джавахарлал Неру писал: «Мы искренне желаем развивать дружественные отношения с СССР и обмениваться с вашей страной дипломатическими и другими представителями. Мы надеемся, что сотрудничество между Индией и Россией будет благотворным для обеих стран и содействовать делу мира и прогресса во всем мире». Установлению прочных дружеских отношений с Советским Союзом с перспективой их широкого дальнейшего развития Неру придавал первостепенное значение.

После провозглашения независимости Индии Неру такими словами напутствовал своего представителя, командированного в Москву для открытия там индийского посольства:

«Вы отправляетесь в дружественную страну, от которой нас отгораживали иноземные властители. Надо наверстать упущенное и укрепить наши связи с Советским Союзом, ибо мы с ним соседи и у нас есть много общего. Между нами нет и никогда не должно быть противоречивых интересов». Примечательно, что первым послом Индии в СССР была сестра Неру Виджая Лакшми Пандит. Ее сменили позднее на этом важном посту крупный общественный и государственный деятель, будущий президент Индии С. Радхакришнан, а затем — близкий сподвижник Неру К. П. Ш. Менон. В апреле 1952 года С. Радхакришнан, а в феврале 1953 года Кришна Менон были приняты Председателем Совета Министров СССР И. В. Сталиным и имели с ним продолжительные беседы. Последовательная борьба СССР за мирное урегулирование спорных международных вопросов, его поддержка национально-освободительных движений и осуждение всех форм колониализма и расизма получали в Индии все большее признание и рассеивали туман предубежденности, распространявшейся буржуазной пропагандой.

Опыт показал, что как партнера Советский Союз характеризуют доброжелательность, деловитость, реалистичность и бескорыстие. Летом 1950 года на Индию обрушилась страшная засуха. Скудные поля крестьян были высушены беспощадным солнцем и не дали зерна. Правительство Неру обратилось за помощью к США. Вашингтон обусловил свою помощь принятием Индией на себя политических обязательств. Тогда индийское правительство обратилось с подобной же просьбой о помощи к руководителям Советского Союза. Правительство СССР, несмотря на то что сельское хозяйство страны еще не оправилось от ущерба, нанесенного ей войной, приняло решение оказать Индии помощь. «Россия, не ожидая окончания переговоров об условиях помощи, уже начала отправку в Индию пшеницы», — с чувством признательности и удовлетворения говорил Неру.

Советский Союз в отличие от стран Запада с полным

пониманием и безусловной поддержкой отнесся к провозглашенной правительством Индии политике неприсоединения. Создались объективные и субъективные условия качественного улучшения отношений между двумя странами.

Новый этап советско-индийских отношений начался в середине пятидесятых годов, когда Неру выдвинул идею строительства в Индии «общества социалистического образца». Расширение и упрочение экономических, политических и культурных связей Индии со странами социалистического содружества стало велением времени и объективной необходимостью. В начале 1955 года между представителями Индии и СССР состоялись переговоры о строительстве в Индии крупного металлургического завода. 2 февраля было подписано соглашение, которое предусматривало использование индийской промышленности для производства части оборудования, материалов для строительства завода, а также подготовку в Советском Союзе индийских специалистов и рабочих высокой квалификации. Вторым важным шагом был визит в СССР премьер-министра Индии Дж. Неру. Примерно через месяц после окончания Бандунгской конференции Джавахарлал Неру, его дочь Индира Ганди и сопровождающие их лица выехали в Москву. Перед поездкой Неру встретился с журналистами и объяснил им цель своего визита. Его настроение было оптимистичным: «С большим нетерпением ожидаю я встречи с советскими людьми. Мне хочется услышать о том, что они сделали, увидеть все собственными глазами».

7 июня 1955 года в шесть часов пополудни воздушный лайнер с премьер-министром Индии и сопровождающими его лицами приземлился на аэродроме в Москве. Двадцать восемь лет тому назад он, молодой борец за независимость Индии, прибыл в Москву в первый раз. Длинный путь его лежал тогда через Европу. Теперь путь от Дели до Москвы стал неизмеримо короче.

Неру рассчитывал на теплый прием москвичей, но то, что происходило на московских улицах, превзошло все

его ожидания. Десятки, сотни тысяч людей с флажками Индии и СССР, с самодельными лозунгами плотными рядами стояли на всем пути следования кортежа машин. Их лица выражали неподдельную радость. Когда машина, в которой находился Неру, проезжала по Ленинградскому проспекту и улице Горького, на нее падал настоящий дождь живых цветов. Джавахарлалу Неру было приятно узнать, что в канун его приезда в книжных магазинах Советского Союза появилась и моментально разошлась среди читателей переведенная на русский язык его книга «Открытие Индии». Позднее он с удовлетворением написал: «Я был счастлив узнать, что моя книга встретила в Советском Союзе хороший прием и что у нее нашлось много читателей. Как автор я, естественно, горжусь этим. Помимо этого, я надеялся, что моя книга поможет русскому народу лучше узнать мою страну».

Премьер-министр Индии провел много часов в плодотворных и доверительных беседах с советскими руководителями, во время которых обсуждался широкий круг международных проблем, а также вопросы развития дружественных отношений между двумя странами. Объем и характер сотрудничества устанавливался на основе полного взаимопонимания и доверия. Кроме официальных встреч с советскими руководителями и должностными лицами Джавахарлал Неру и члены индийской делегации знакомились с жизнью советских людей, с успехами социалистического строительства в Советском Союзе. Программа их пребывания в СССР была предельно насыщенной. Кроме Москвы они побывали в Ленинграде, Волгограде, Крыму, Тбилиси, Рустави, Ашхабаде, Ташкенте, Самарканде, Алма-Ате, Рубцовске, Магнитогорске и Свердловске. Неру посещал заводы, фабрики, стройки, совхозы, научные учреждения, школы, был в театрах, проезжал линиями метро, беседовал с министрами и директорами, рабочими и земледельцами. Всюду, где бы ни был высокий гость из Индии, его встречали огромные массы людей. Это была яркая

и убедительная демонстрация растущей и крепнущей дружбы между народами СССР и Индии. Выступая 22 июня 1955 года на митинге на столичном стадионе «Динамо», Джавахарлал Неру отметил, что за время визита делегация проделала 13 тысяч километров и видела много интересного. «Но самым замечательным... — сказал он, — был прием, который нам оказывали повсюду, где бы мы ни были, и те горячие чувства, которые были широко проявлены к нам». Далее Неру подчеркнул: «Мы приехали к вам не в качестве неосведомленных чужестранцев, многие из нас уже давно с глубоким интересом следили за великими переменами и свершениями в вашей стране. Почти одновременно с вашей Октябрьской революцией, которую возглавил великий Ленин, мы в Индии вступили в новый этап нашей борьбы за свободу. Наш народ был поглощен этой борьбой много лет, мужественно и стойко перенося жестокие репрессии. Хотя в своей борьбе под руководством Махатмы Ганди мы шли иным путем, нежели вы, мы восхищались Лениным, и его пример оказал на нас большое влияние».

Визит Джавахарлала Неру в Москву завершился подписанием Совместного заявления Председателя Совета Министров СССР и премьер-министра Индии. В этом документе было указано, что отношения между Советским Союзом и Индией счастливо покоятся на прочной основе дружбы и взаимопонимания, что переговоры проходили в атмосфере дружбы, сердечности и полного взаимопонимания. В заявлении было выражено намерение обеих стран руководствоваться в своих отношениях пятью принципами мирного сосуществования. Главы правительств приветствовали результаты Бандунгской конференции стран Азии и Африки и выразили удовлетворение появлением признаков общего улучшения международного положения. На состоявшемся после подписания Заявления приеме представители Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова вручили Дж. Неру диплом почетного доктора юридических наук МГУ.

Возвратившись из поездки по Советскому Союзу, Неру выступил на пресс-конференции. Он рассказал о своих впечатлениях и ответил на многочисленные вопросы журналистов. Один из них спросил, выяснилось ли в результате его переговоров в Москве отношение Советского Союза к планам национального развития Индии? Неру ответил, что Советское правительство твердо заявило о своей готовности оказать Индии техническую помощь и предоставить оборудование для осуществления планов развития страны. Представитель индийской газеты «Стейтсмен» пожелал выяснить, сопровождается ли советская помощь Индии какими-либо условиями. Последовал немедленный и решительный ответ, что никаких политических обязательств от правительства Индии никто не требовал. Неру сообщил собравшимся, что он пригласил советских руководителей посетить Индию с ответным визитом и что это приглашение с благодарностью принято. Нужно отметить, что Неру умел говорить с представителями прессы. Оживленный, блистающий огромной эрудицией и тонким юмором, он держался просто и искренне. Перед журналистами он, как правило, выступал без предварительно подготовленных референтов текстов, экспромтом. В его манере не было игры в значительность собственной персоны, поэтому выглядел он всегда естественно.

Дальнейшим развитием советско-индийских отношений был ответный визит в Индию в 1955 году Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева и Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина. Советские руководители встретили необыкновенно радушный прием. В своем выступлении Джавахарлал Неру подчеркнул, что между народами наших великих стран существует глубокая дружба и взаимопонимание, а это важнее любых формальных проявлений гостеприимства. Это взаимопонимание и дружба непрерывно росли, хотя пути, которыми шли наши страны, не были схожи. Становление и укрепление дружественных отношений между СССР и Индией показали огромные возмож-

ности и исторические перспективы мирного сосуществования между странами с различным общественным строем.

Проведение внешнеполитического курса дружбы с социалистическим Советским Союзом требовало от Неру не только государственной мудрости, но и незаурядной политической смелости. Он знал, что, делая шаги в этом направлении, он неизбежно вызовет ответную реакцию западных держав, которые используют все доступные средства, чтобы накинуть узду на «строптивую» Индию. Важно подчеркнуть, что с первого дня независимого развития Индии все усилия дипломатов Запада были направлены на ее изоляцию от Советского Союза. Развитие событий в середине пятидесятых годов показало, что все их попытки оказались напрасными.

Но Неру понимал, что у индийско-советской дружбы есть и в самой Индии целая когорта влиятельных оппонентов, которые начнут тщательно подготовленную атаку на его курс и, вполне возможно, потребуют его отставки в парламенте. Это его не испугало. Неру был убежден в правильности выбранной линии дружбы с СССР, верил в поддержку широких масс народа и рассчитывал, что преимущества деловых отношений с социалистическим государством проявятся быстро и убедительно. Нажим на Неру со стороны реакционеров как вне Индии, так и внутри страны, не заставил себя ждать. 15 декабря 1955 года «Нью-Йорк таймс» раздраженно писала, что обмен визитами и установившиеся дружеские отношения присоединили его (Неру.—*Авт.*) столь тесно к советской политике, что поставили большой вопросительный знак на провозглашенном им нейтралитете. Многие политические обозреватели западных газет назойливо советовали Неру «одуматься» и не предпринимать «опрометчивых шагов». Индию пугали и жупелом «красной опасности», и тем, что экономические отношения с СССР бесперспективны и пагубны, поскольку по ряду научно-технических показателей он отстает от стран Запада. Правые силы в Конгрессе и коммуналистско-общинные

партии дружно подхватили и начали раздувать антисоветскую кампанию. Однако практика реального развития индийской экономики показала, что Неру был прав.

Одновременно со строительством металлургического завода в Бхилаи, осуществляемого с помощью Советского Союза, началось строительство схожего завода в Руркеле, где работали специалисты из ФРГ, и в Дургапуре, где работами руководили англичане. Огненный исполин в Бхилаи был построен по последнему слову техники и в кратчайший срок. Рядом с ним вырос благоустроенный поселок для рабочих и инженерно-технического персонала, со школами и детскими учреждениями. Советские специалисты своим демократизмом, готовностью делиться знаниями и опытом прочно расположили к себе индийцев. Успехи строительства в Руркеле и Дургапуре были значительно скромнее. И по технической оснащенности, и по мощности, и по срокам ввода в строй они отставали от Бхилаи. Один швейцарский обозреватель дотошно сравнил строительство в Руркеле и Бхилаи и составил подробный отчет. В нем он, в частности, подчеркнул и разный моральный климат на стройках. Он отметил: «Немцы кричат. Они проявляют свое презрение. Они не учат, а предпочитают делать все важные работы сами. Русские... придерживаются своей роли советчиков. Индийские инженеры и рабочие выполняют большую часть работ и, следовательно, получают намного больше знаний и опыта. И русские никогда не кричат на них. Немцы имеют свои клубы, больницы, плавательные бассейны, в которые обычно не пускают индийцев. Фактически они живут примерно так, как жили англичане до них. Ничего подобного не увидишь у русских».

Индийское правительство обратилось к специалистам из стран Запада с просьбой помочь Индии разведать запасы нефти. Их долгие и дорогостоящие попытки оказались безуспешными. После этого по приглашению индийской стороны прибыли советские геологи и нефтяники. Вскоре в Камбее (тогдашний штат Бомбей) были обнаружены

большие запасы нефти. «Мы безмерно счастливы,— заявил по этому поводу министр естественных ресурсов и научных исследований К. Д. Малавия,— что обнаружена нефть на незначительной глубине в неизвестном и неисследованном районе в течение короткого отрезка времени при незначительных затратах». Когда в Камбее ударил фонтан нефти, Неру немедленно вылетел туда. Возвращаясь позднее в Дели, он, с гордостью показывая бурые пятна нефти на своей белой одежде, говорил: «Я пойду в этом кителе на заседание парламента».

Индийская общественность на опыте убеждалась в плодотворности сотрудничества с СССР, но далеко не все могли предугадать, как это сотрудничество повлияет на изменение экономических отношений со странами Запада. Известно, что страны Запада, пользуясь своим монопольным положением кредиторов, диктовали свою волю развивающимся странам. И тут появилась возможность получать кредиты и помощь у социалистических государств. Кредиты на абсолютно равноправной и взаимовыгодной основе. В ноябре 1957 года правительство Индии подписало соглашение с СССР о помощи в строительстве заводов тяжелого машиностроения, горношахтного оборудования, антибиотиков и других предприятий и о предоставлении необходимых и соответствующих расходам кредитов. Было очевидно, что советская помощь направлена на развитие важнейших стратегических отраслей индийской экономики, определяющих основу ее независимости. США, Англия и другие страны Запада вынуждены были пересмотреть свою политику в отношении кредитов Индии. Как справедливо отмечала в то время газета «Хиндустан таймс», советские кредиты «заставили Соединенные Штаты увеличить их усилия по предоставлению помощи Индии, что имеет особое значение в условиях существующих затруднений с иностранной валютой. Таким образом, Советский Союз решил нашу валютную проблему, независимо от размеров оказанной им помощи...».

В мае 1964 года Советское правительство предложило Индии помощь в строительстве еще одного крупного металлургического завода. Это предложение было принято, и в Бокарро началось строительство второго после Бхилаи гиганта сталелитейной промышленности. Менее чем через месяц в Москве состоялись переговоры, имевшие целью достичь соглашения об оказании помощи Советского Союза в укреплении оборонного потенциала Индии. Эти переговоры прошли успешно. Переговоры нанесли удар по планам консервативных сил, кредо которых было недвусмысленно выражено в статье редактора все той же «Хиндустан таймс». Он обращался к США со следующим призывом: «Не спешите с оружием: пусть Неру станет перед вами на колени». С помощью СССР была создана современная боеспособная армия. Этот факт в настоящее время общепризнан в Индии.

История советско-индийских отношений — это история их наполнения новым содержанием. От установления дипломатических отношений к дружественным связям, от них — к длительному и устойчивому взаимовыгодному партнерству, сотрудничеству в интересах мира и прогресса в Азии и во всем мире. У истоков такого сотрудничества стоял Джавахарлал Неру.

Часы Неру
(«Ананд Бхаван»,
Аллахабад)

● ДРУЗЬЯ И ВРАГИ НЕРУ ●

Чем крупнее политический деятель, чем радикальнее и масштабнее преобразования, которые происходят под его непосредственным руководством, тем больше у него друзей и врагов. Безликие вызывают равнодушие или презрение, личности рожают любовь либо ненависть.

У Джавахарлала Неру было много друзей-единомышленников, но хватало и врагов, противников его курса. В начале 60-х годов враги Неру вновь перешли в наступление.

9—10 августа 1963 года состоялось заседание Всеиндийского Комитета Конгресса. На заседании был заслушан доклад главного министра штата Мадрас, видного деятеля партии К. Камараджа. В докладе был выдвинут план упрочения положения правительства, укрепления партийного руководства и упорядочения партийных рядов. По плану Камараджа премьер-министр, все министры правительства и главные министры штатов должны были подать в отставку. Этот план был принят с существенной поправкой: Комитет не принял отставку Неру, а уполномочил его принять решение об отставке минист-

ров. Через три дня после заседания Всеиндийского Комитета 13 августа состоялась очередная сессия индийского парламента. Правые партии и консервативные элементы в Конгрессе образовали блок и вновь вынесли на обсуждение вотум недоверия правительству Неру, считая, что курс неприсоединения во внешней политике, развитие государственного сектора в промышленности и аграрные реформы в сельском хозяйстве не оправдали возложенных на них надежд. Это предложение внесли представители «Сватантры» и «Джан сангх». Дебаты длились три дня и показали несостоятельность обвинений оппозиции. Их проект резолюции был отклонен 346 голосами против 61. Это была важная победа Неру, и, развивая ее, через несколько дней он сообщил Рабочему комитету Конгресса, что согласен принять отставку шести министров центрального правительства и шести главных министров штатов. Министрами правительства, о которых шла речь, были представители правого крыла партии М. Десаи, С. К. Патиль, Б. Г. Редди и другие. Эта решительная акция, хотя и не ликвидировала полностью правой оппозиции Неру в правительстве, укрепила его позиции. Дебаты в парламенте убедительно показали, что авторитет Неру заслуженно высок, и он получил возможность проведения своего политического курса.

Как вспоминал бывший австралийский посол в Индии У. Крокер, «благодаря удачно сочетавшимся в нем таким качествам, как хорошо развитое чувство времени, политическая смелость и живость ума, Неру руководил парламентом даже тогда, когда, как это было в последние годы его жизни, среди парламентского большинства возобладали чувства разочарования и активной враждебности. Далее, он был невероятно гибок и приспособляем. Вновь и вновь я видел его столь усталым и опустошенным, что, казалось, его конец уже близок; однако лишь спустя несколько дней я вновь видел его источающим жизненную энергию».

Наступление правых сил провалилось. Неру видел, что нерешительность в социально-экономических мероприя-

тиях, уступки правому крылу Конгресса и реакционным партиям сдерживают реализацию его планов. Оценивая состояние экономики Индии, Неру признавал: «Индия в настоящее время не является социалистической страной... Мы далеки от социализма». Он считал, что для создания основ социализма (напомним, что речь идет об «обществе социалистического образца») требуется национализировать решающие отрасли — банки, страховые компании и горнодобывающую промышленность. Анализируя экономический и социально-политический характер пятилетних планов в их развитии, Джавахарлал Неру отмечал: «В сущности это еще не социализм, но научное планирование, предпринятое, чтобы заложить основу прогресса в будущем... В широком смысле нашей целью является создание государства благоденствия и общества социалистического образца, в котором нет больших различий в доходах и предоставляемых равные возможности для всех».

Среди широких масс все явственнее и громче раздавались голоса, выражающие недовольство расхождением между широковещательными декларациями и обещаниями, которые щедро раздавало правительство Национального конгресса, и практической деятельностью партии. Часто бывает в истории, когда политический лидер искренне стремится к радикальным преобразованиям, но сопротивление бюрократического аппарата, в руках которого сосредоточены главные рычаги исполнительной и административной власти, и инертность масс, сочувственно наблюдающих, но не действующих, приводят к разочаровывающему топтанию на месте. Это видели и многие левые деятели Конгресса. Министр труда и планирования Г. Л. Нанда, например, считал: «Люди видят, что сейчас имущественное неравенство еще очень велико и что создается ситуация, чреватая социальным взрывом... Партию, положившую в основу своей политики идею построения общества социалистического образца, не может удовлетворить статус-кво. Она должна сделать шаги для изменения существующих со-

циальных отношений». «Нужен реальный план действия для построения социализма», — призывал Нанда. Такой план реальных действий должна была выработать сессия Национального конгресса в городе Бхубанешваре (штат Орисса). Съезд партии состоялся 7—9 января 1964 года. Прошло свыше пятидесяти лет с тех пор, как Джавахарлал Неру, молодой и любознательный адвокат, впервые пришел на сессию Конгресса в Банкпуре и увидел уважаемых европейзированных джентльменов, принадлежавших к узкой интеллектуальной элите колониального общества. Теперь перед ним была многомиллионная партия, прошедшая серьезную школу практической борьбы, успехов и неудач, партия, ставшая правящей в одном из самых больших государств мира. Многие из тех, кто начинал вместе с ним борьбу за свободу, не увидели даже ее зари. Но тогда в январе 1964 года, он еще не знал, что это и его последний съезд. Неру чувствовал себя плохо. У него была страшная слабость кружилась голова, его мучил непрекращавшийся озноб. Но он считал себя обязанным присутствовать на съезде из-за важности обсуждавшихся на нем вопросов. Делегатам съезда была предложена следующая повестка дня:

1. Обсуждение проекта политической резолюции под названием «Демократия и социализм».
2. Резолюция по внешнеполитическим вопросам.
3. Поправки и дополнения к уставу партии.

Проект резолюции «Демократия и социализм» былработан сторонниками Неру и обсужден на заседании Рабочего комитета. Он был предложен К. Д. Малавией и содержал радикальные предложения антимонополистического характера. Проект предусматривал, в частности, национализацию ключевых секторов промышленности, введение государственной торговли зерном, а также последовательное проведение аграрных реформ и др. Проект вызвал острые дебаты и яростные атаки консерваторов, возглавляемых М. Десаи, С. К. Патилом и М. Шахом. Дискуссия еще раз подтвердила наличие в партии различных представлений

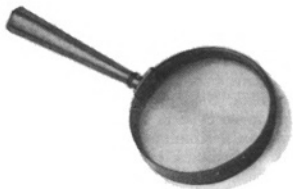
о путях дальнейшего развития Индии. Курс Неру и его сторонников не принимался многими влиятельными лицами, которые норовили расширить и укрепить частный сектор, предоставить льготные условия иностранным вложениям в экономику страны, заморозить проведение аграрных реформ.

Неру не принял участия в дискуссии. Он почувствовал себя настолько скверно, что в разгар дискуссии вынужден был оставить съезд и уехать домой под наблюдение врачей. Нужно сказать, что Джавахарлал Неру был не просто терпим к критике, но считал, что если обсуждающийся вопрос не вызывает дебатов, значит он или неинтересен, или незначителен. Кришна Менон писал о нем: «Я считаю, что Неру более внимательно относится к оппозиции, чем любой другой из премьер-министров в мире, которых я знал».

Наступление консерваторов было столь яростным, что стало очевидно: речь идет не о критике недостатков и ошибок руководства, а о сознательном курсе, направленном на раскол партии. Благодаря нажиму правых проект Малавии был снят. Сессия приняла другой проект под таким же названием, внесенный группой влиятельных конгрессистов во главе с Г. Л. Нандой. Этот проект подтверждал, что целью Национального конгресса является построение в Индии «общества социалистического образца», основанного на парламентской демократии. Эту цель, как указывалось в резолюции, партия предполагала достичь мирным путем и демократическими средствами. Это была резолюция, хотя и менее радикальная, чем проект Малавии, но также не отражавшая надежд правых. Резолюцию о внешней политике внес Кришна Менон.

На Бхубанешварской сессии были проведены выборы одной трети Рабочего комитета. Выборы вызвали острую борьбу, в которой левое крыло не сумело обеспечить сплоченности своих рядов. Малавия и Кришна Менон не были избраны в его состав. Неру с огорчением узнал о поражении своих соратников. Противоречия в Конгрессе имели объек-

тивный и субъективный характер, они были неизбежны. Главное то, что партия была в социальном отношении чрезвычайно разнородной, радикализация целей борьбы вызывала появление в ней различных групп. Конгресс, являясь общеиндийской партией, объединяет представителей всех наций и народов страны, но так или иначе в нем идет борьба за преобладание в руководящих органах представителей различных штатов. Патель, например, представлял интересы штата Махараштра, Камарадж — Тамилнада. Большим влиянием пользовалась группировка из штата Уттар-Прадеш. Отсюда были отец и сын Неру, Л. Б. Шастри, М. Малавия и некоторые другие. Между этими группировками не утихала борьба за влияние в партии и правительстве. Несмотря на секуляристский характер Национального конгресса, в нем продолжали иметь значение принадлежность к религиозной общине и к определенной касте. Все эти противоречия сдерживались благодаря огромному авторитету Джавахарлала Неру. Его болезнь поставила эти вопросы с новой остротой.

Лупа
(из рабочего
кабинета Неру)

● СМЕРТЬ ДЖАВАХАРЛАЛА
НЕРУ ●

Трудная, непрестанная борьба с многочисленными политическими противниками, постоянное напряжение ума и нервов подорвали здоровье Неру. В этот период он встретился с одним из наиболее именитых историков Запада А. Дж. Тойнби. Ученый, восхищавшийся огромной жизненной энергией премьер-министра Индии, был удивлен, встретив на этот раз уставшего, опустошенного человека. Он писал об этой встрече: «Глубоко человеческая вещь — восставать против всего того, что ограничивает нашу человеческую природу — против смерти, против невзгод, против уныния и потому глубоко человеческая вещь — радоваться при виде человека, казалось бы, побеждающего Судьбу. Это не только личная его победа, это общая победа всего человечества. Но, увы, дорого покупается эта радость: мы расплачиваемся за нее трагическим зрелищем в конечном счете торжествующей Судьбы... Каждый из людей рано или поздно падает, сраженный этим противником. Последний раз встретившись с господи-

ном Неру, я обнаружил, как меркнет его бывшая жизнерадостность. И ему оказалось не под силу отразить Судьбу, победы его оказались иллюзорными, противник лишь попросту оттягивал время для последнего удара. Но когда в конце концов Судьба повергает людей неординарного склада, она дает нам урок, призывая к восхождению духа».

В особенно трудные для Неру дни к нему приходили мрачные мысли и сомнения. Что сделал он для своего народа? Как вспомнить о нем потомки? 21 июня 1954 года он написал завещание: «Я получил так много знаков любви и привязанности народа Индии, что не в состоянии оплатить хотя бы крупицу этой любви, ибо не существует платы за такую бесценную вещь, как любовь народа. Многие становились предметом восхищения, некоторые — даже поклонения, но привязанность широких масс народа Индии ко мне так велика, что буквально переполняет меня. Я могу только выразить надежду, что и впредь, пока я жив, буду делать все, чтобы быть достойным моего народа и его любви.

Моим бесчисленным товарищам и соратникам я обязан глубоким чувством благодарности. Мы трудились вместе во всех великих начинаниях, разделяя их радости и горести — неизбежные спутники любого дела.

Я заявляю со всей искренностью, что не хочу, чтобы после моей смерти над моими останками совершались религиозные обряды. Я не верю в такие обряды и считаю, что выполнять их, хотя бы даже формально, — значит лицемерить и вводить в заблуждение себя и других.

Мне хотелось бы, чтобы, когда я умру, мое тело было кремировано. Если я умру за рубежом, останки мои следует кремировать там, а пепел мой доставить в Аллахабад. Горсть моего пепла я прошу бросить в воды Ганга, а с большей его частью поступить так, как указано ниже. Не нужно сохранять или сберегать этот пепел.

Мое желание, чтобы горсть пепла была брошена в Ганг у Аллахабада, не имеет для меня никакого религиозного значения. Дело здесь не в религиозных чувствах. С детства

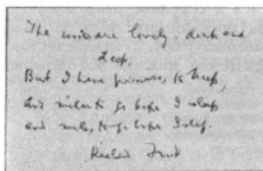
я питал привязанность к Гангу и Джамне, протекающим у Аллахабада. С годами, когда я становился старше, эта привязанность выросла и окрепла. Я наблюдал, как меняется их настроение в разные времена года, и часто думал об истории и преданиях, о традициях и песнях, о сказаниях, связанных с этими реками на протяжении долгих веков и как бы ставших частью их струящихся вод...

С большей частью моего пепла я прошу поступить иначе. Я хочу, чтобы его подняли на самолете в небо и оттуда, с высоты, развеяли над полями, где трудятся крестьяне Индии. Пусть мой прах смешается с землей Индии и станет ее неотъемлемой частью».

Здоровье Джавахарлала Неру ухудшалось с каждым днем. 27 мая 1964 года Джавахарлала Неру не стало... 8 июня, когда первые лучи солнца окрасили дома и храмы Аллахабада в бледнорозовый цвет, к городскому перрону подошел траурный поезд, который доставил урну с прахом Джавахарлала Неру. В этом же поезде прибыли Индира Ганди с сыновьями Радживом и Санджаем, сестры Неру и соратники по борьбе. Огромные толпы охваченного скорбью и горечью народа собрались на улицах города, чтобы проводить в последний путь своего вождя. От вокзала процессия направилась к «Ананд Бхавану», затем продолжила свой путь к древней крепости, расположенной на широком мысу Сангам, где сходятся священные воды Ганга и Джамны. Здесь уже стоял белый, украшенный цветами катер. Все берега были усеяны людьми. Многие стояли в воде. Катер отчалил от берега и устремился к середине реки. Раджив и Санджай, два внука Неру, предали его прах вечным водам. Поступили так, как завещал Неру, с одной частью пепла. Другая часть была развеяна над землей Индии:

«Развейте меня, рассыпьте
Над индийской землей.
Ниспадая в мареве знойном
Покрывалом полупрозрачным,
Льну я к земному лону,
Шепча:

— «Мать, ты слышишь?
 Был я пламенем, стал я пеплом,
 Но всегда и в жизни, и в смерти
 Все тебе отдавал я».
 К груди меня прижимая,
 Индия отвечает:
 — «Джавахарлал, сын мой!
 Не могу я тебе позволить
 Отплыть к берегам смерти!
 Цветенья земного жаждет
 Легкий твой пепел,
 Лотос жизни вовеки
 В саду моем не увянет».

Отрывок
 из стихотворения
 Роберта Фроста,
 переписанный рукой
 Джавахарлала Неру
 (найден
 в спальне Неру
 после его смерти)

● НАСЛЕДИЕ ДЖАВАХАРЛАЛА НЕРУ И СОВРЕМЕННОСТЬ ●

Один из наиболее маститых индийских журналистов, некогда член «Римского клуба», Ромеш Тхапар, как-то заметил: «Люди, пришедшие к власти после независимости, были лидерами борьбы за свободу. Эти мужчины и женщины были выдающимися представителями нашего общества — уважаемыми юристами и учеными, мыслителями и деятелями. Несмотря на фантастические беды и разрушения, причиненные разделом (Индостана — Авт.), они с утроенной энергией принялись за консолидацию наших внешних границ, за объединение княжеств... с остальной Индией, за создание штатов на национально-языковой основе; благодаря их усилиям была создана система планируемого экономического и социального развития и, прежде всего, начата индустриализация, ставшая впоследствии основой экономической самостоятельности и устойчивого экономического роста. У них было мало опыта, но они были людьми, до конца преданными идеалам народного блага.

Действительно, даже проникнутый духом враждебности климат международных отношений они пытались изменить, ведя страну независимым политическим курсом и мобилизуя настроения в пользу неприсоединения среди освободившихся стран».

Мысль индийского журналиста ясна, разве что утверждение о неопытности лидеров национального движения вызывает сомнение. Ведь еще в колониальный период само национальное движение и его авангард — партия Индийский национальный конгресс проходили серьезную школу политической борьбы и государственно-административного управления. Вспомним хотя бы А. К. Азада и Б. Г. Тилака, Ч. Раджагопалачарию и Б. П. Пала, Р. Прасада и Г. К. Гокхале, Б. Р. Амбедкара и С. Банерджи, В. Пателя и С. Ч. Боса. Этот список можно продолжить. Все они, несмотря на различия в мировоззрении, в подходе к таким основополагающим проблемам, как экономика, политика, идеология, внесли свой вклад в построение здания суверенного индийского государства, в развитие индийской демократии, в практику национального согласия (консенсуса) относительно таких фундаментальных для современного индийца ценностей, как самостоятельность государственного курса, необходимость регулярно избирать своих руководителей самим народом путем всеобщего, прямого и тайного голосования, светский характер государства, национальный и культурный плюрализм индийского общества, часто определяемый самими индийцами понятием «единство в многообразии».

Исключительная роль в национальном движении Индии, в этой, пожалуй, одной из самых массовых, мирных и успешных антиколониальных революций XX века, принадлежала двум титанам — Мохандасу Карамчанду Ганди и Джавахарлалу Неру. Значение индийского опыта заключается в преемственности идей и практики внутри национального движения: если Ганди дал обществу ясное понимание, какими средствами можно добиться нацио-

нального освобождения, то Неру как бы очертил перед Индией контуры грядущего, определил для народа цели превращения молодого государства в равноправного члена мирового сообщества народов, успешно решающего свои задачи в условиях быстроменяющегося мира.

Актуальность наследия Дж. Неру состоит также и в том, что он был одним из первых государственных деятелей, кто не только осознал взаимозависимость современного мира, но и сделал из этого практические выводы. Индира Ганди вспоминала: «Еще в 1955 году мой отец говорил о взаимозависимости континентов, о нашем желании быть друзьями и сотрудничать наряду с другими с Европой и Америкой. Дружба бессмысленна без равенства». Без преувеличения можно сказать, что это были первые ростки нового восприятия политических реалий современного мира.

Сознвая, что во взаимозависимом и быстроменяющемся мире прогресс наций и народов, в том числе и освободившихся от колониальной зависимости, невозможен без широкого и многостороннего сотрудничества, Дж. Неру считал, что необходимо найти новые основы для такого сотрудничества. «Мы хотим быть друзьями с Западом и друзьями с Востоком, друзьями со всеми,— писал он.— Единственный подход к уму и духу Азии — это подход, основанный на терпимости, дружбе и сотрудничестве, а не на агрессивности». Вместе с тем Дж. Неру ясно и недвусмысленно давал понять, что дружелюбие и готовность к компромиссу не есть признак слабости Индии и других освободившихся государств. Он подчеркивал: «Слишком долго мы в Азии были просителями при западных дворах и канцеляриях. Это должно уйти в прошлое. Мы не намерены быть игрушками в чужих руках».

Под руководством Дж. Неру Индия упорно искала свой путь и свое место в современном мире. Молодые государства завоевали независимость в трудное время, когда мир был разделен на два блока и «холодная война» была в

разгаре. Дж. Неру определил три основных цели, за достижение которых должны были вести борьбу освободившиеся страны. Это — борьба с колониализмом, ослабление конфронтации в мире и экономическое развитие. Для Дж. Неру не существовала дилемма: капитализм или коммунизм, Вашингтон или Москва; он не хотел, чтобы его страна становилась участником соперничества «Восток — Запад». Такой подход, однако, не означал нейтральность в оценках событий на международной арене. Смысл внешнеполитической концепции «курса Неру» состоял в том, что нужно рассматривать каждую проблему по ее значимости и принимать решение в соответствии с национальными интересами страны.

Одним из краеугольных оснований внешней политики Дж. Неру было всемерное развитие индийско-советских отношений, превращение их в важный фактор укрепления мира не только в Азии, но и во всем мире. Ныне советско-индийские отношения характеризуются широким многообразием форм и сфер сотрудничества — от взаимодействия по глобальным проблемам современности до программы сближения наших народов, блестящим воплощением которой стали Фестиваль Индии в Советском Союзе и Фестиваль СССР в Индии. Три десятилетия СССР и Индия активно и успешно работают над укреплением двусторонних отношений, насыщением их новым содержанием и логически продолжая курс, основы которого заложил первый премьер-министр независимой Индии Джавахарлал Неру. Важным событием в развитии советско-индийских отношений было заключение 9 августа 1971 года Договора о мире, дружбе и сотрудничестве между двумя странами. Этот договор подтвердил общность взглядов в оценке мировых проблем, приверженность основным принципам мирного сосуществования и сотрудничества, стремление предотвратить угрозу войны и сохранить мир.

Высокий уровень советско-индийских отношений нашел отражение в Делийской декларации о принципах

свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира, подписанной в ноябре 1986 года. Делийская декларация, ставшая ярким проявлением доброй воли и нового политического мышления, указывает путь в будущее, свободное от войн и несправедливости и наполненное историческим оптимизмом и радостью бытия.

Дж. Неру был политическим реалистом. Он прекрасно понимал, что укрепление международных позиций его страны просто невозможно без создания мощной независимой экономики, без научно-технического прогресса. Человек широкого кругозора и острого видения современных общественных процессов, Неру понимал, что Индия вступила на путь независимого развития в условиях, когда развитие мира во все возрастающей степени начинало определяться такими категориями, как научно-технический прогресс. Он ясно видел, что обеспечить экономический рост и социальный прогресс невозможно лишь с помощью средств и методов, которыми пользовались развитые капиталистические страны на более ранних этапах своего развития. Как мыслитель и государственный деятель он понимал, что в новых условиях именно государство должно стать главной силой, которая через соответствующую социально-экономическую политику и хозяйственные мероприятия может обеспечить необходимые предпосылки стабильного независимого развития. По его мнению, основными элементами стратегии социального и экономического развития страны должны были стать индустриализация и планирование. В этом проявилась проницательность великого лидера, его умение использовать опыт других стран для решения задач, поставленных самой историей перед его страной.

Мысли Дж. Неру не были отвлеченными мечтаниями утописта. Напротив, первый премьер-министр Индии опирался на ясно выраженную политическую волю руководства страны, бывшего единодушным относительно необходимости превратить Индию в быстро развивающуюся,

процветающую державу. Он был уверен, что все слои и классы индийского народа поддержат его в этом благородном деле, наконец, он надеялся на высокую компетентность, профессионализм и преданность делу возрождения страны управленческих кадров — государственно-административного аппарата.

Не менее важным, чем провозглашение своих намерений, было определение средств, с помощью которых предполагалось достигнуть необходимых целей, и здесь Дж. Неру пришлось решать весьма непростые задачи, в частности главный вопрос: как в условиях политической демократии (при наличии широких демократических прав и свобод) обеспечить *реальное* приобщение широких слоев населения, все еще опутанных всевозможными предрассудками и предубеждениями, к политике, как в условиях политической свободы создать возможности для достойной жизни тех, чьими усилиями совершалась национально-освободительная революция?

Дж. Неру нередко употреблял понятие «социализм», ряд принципов которого собирался положить в основу индийской государственности, экономической и социальной политики. Совершенно очевидно, что для него «общество социалистического образца» представляло некий синтез наиболее конструктивных черт идеологии как левой европейской социал-демократии, так и заимствованных из практики социалистических стран понятий, прежде всего понятия «социальная справедливость». Однако Неру возглавлял партию, в которой были представлены различные, по большей части буржуазные группы населения, и основной целью которой сначала было (на этапе борьбы за независимость) не изменение социальных отношений в обществе и форм собственности, а достижение суверенитета, а впоследствии — независимое капиталистическое развитие. В тот период в стране влияние левых сил было явно недостаточно для более или менее существенного изменения государственного курса. Кроме того, будучи не

«кабинетным ученым», а реальным политиком, Дж. Неру был более всего озабочен реальным *мирным, эволюционным* переустройством индийского общества. Его подход к социальным проблемам был весьма осторожным и потому, что сама его партия, будучи буржуазной по своей классовой природе, едва ли была готова принять в той или иной форме революционную программу действий. Неру понимал, что единственным результатом принятия подобной программы будет раскол Национального конгресса.

Стремясь решить проблему социальной справедливости, Дж. Неру предпочел методы убеждения методам классовой борьбы и классовой диктатуры. Он искренне верил в принципы общенационального согласия и солидарности, в то, что возможно ликвидировать бедность и достичь необходимого минимума жизненных средств без насильственного ниспровержения существующей системы власти. Неру, как и М. К. Ганди, считал, что принципы классовой борьбы губительны для индийского общества, что они способны разрушить все естественные связи между людьми, заменить отношения дружбы и солидарности отношениями вражды и мести. Не отрицая наличия противоречий в современном ему индийском обществе, он, тем не менее, полагал, что все конфликты должны разрешаться мирным путем — путем диалога и компромисса.

Надо сказать, что для Дж. Неру демократия была живым, постоянно развивающимся понятием. Если на более раннем этапе борьбы за суверенитет демократия была для него синонимом самоуправления (свараджа) или «ответственного правительства», то уже в преддверии независимости его взгляды на демократию становились все более конкретными и на них все большее влияние оказывали социалистические идеи, как их понимал Дж. Неру. После завоевания суверенитета он стал обращать все большее внимание на социальные аспекты демократии, прежде всего на необходимость обеспечения равенства возможностей для всех людей в экономической деятельности и поли-

тике и на свободу каждого человека к беспрепятственному и ничем не ограниченному развитию.

Дж. Неру свято верил в свободу человека, данную ему от природы. Он был убежден в том, что дух творчества и новаторства у человека может развиваться только в обществе, где правят закон, права и свободы. Дж. Неру считал, что гуманистические ценности формируются как самим человеком, так и обществом. Объясняя свою приверженность демократии, он, в частности, писал: «Для нас недостаточно только создавать материальные ценности. Да, мы хотим иметь высокий уровень жизни, но только не за счет творческого духа личности, ее созидательной энергии и жажды открытий, т. е. всех тех добродетелей, которые облагораживали человека на протяжении веков. Демократия — это не только выборы и избирательные кампании». Общее здоровье общества, считал Дж. Неру, во многом зависит от того, пользуются ли его граждане благами свободы.

Отдадим должное великому человеку. В его мировоззрении политические, экономические и социальные аспекты демократии неразделимы. Ясно сознавая, что главная угроза демократии и демократическим институтам исходит из экономической структуры общества, Дж. Неру считал, что демократия может развиваться и процветать только в обществе равноправных людей. По его мнению, серьезная слабость «западных демократий» в том, что там политическая власть сосредоточена в руках экономически доминирующих классов, а демократический механизм нередко используется ими для увековечения своих интересов и привилегий.

Свободные дискуссии и пытливый, ничем не стесняемый поиск правды, немыслимые в авторитарном обществе, — вот в чем видел Дж. Неру основной нравственный закон жизни. Он твердо верил в неограниченные возможности человека, в силу его убеждений и в способность к выживанию. Только свободные, независимо мыслящие люди, объединив усилия, могут создать общество равных возмож-

ностей для всех. Именно общество, организованное на принципах свободы личности, ответственного перед народом правительства и «социальной самодисциплины», было политическим и нравственным идеалом, «обществом социалистического образца», провозглашенным в Авади в 1955 году.

Рассуждая о демократии, Дж. Неру нередко обращался к гандистскому пониманию целей и средств борьбы. Он явно находился под влиянием М. К. Ганди, когда подчеркивал необходимость «социальной самодисциплины» для всех граждан общества. Он считал, что политических и социальных целей можно добиваться только ненасильственными методами и что свобода и ответственность — основные и взаимодополняющие принципы демократии.

Особое место в наследии Дж. Неру занимали проблемы научно-технического прогресса. На протяжении многих веков человеческой истории, писал он, наука революционизировала условия жизни человека в гораздо большей степени, чем что-либо иное, поскольку именно наука высвобождала человека из-под гнета тяжелых жизненных обстоятельств. Однако наука должна не только быть средством познания истины и приращения знания — она призвана врачевать болезни и пороки общества. В такой стране, как Индия, писал Дж. Неру, «долг науки — мыслить категориями страждущих миллионов». Только наука, по его мысли, «может разрешить такие проблемы, как голод и нищета, антисанитария и неграмотность, суеверия и мертвящая инерция привычек и традиций, бессмысленная растрата ресурсов в богатой стране, населенной голодающими людьми». Неру считал, что наука должна определять основные направления развития Индии, она призвана стать тем фундаментом, на котором будет построена новая, устремленная в будущее Индия: «Мы должны построить такую Индию, где наука будет определять развитие промышленности, изменит феодальный характер ее земельной системы и выведет сельское хозяйство на уровень современных

методов; и все это для того, чтобы создать такую социальную политику (мы бы сказали: социальную демократию.— Авт.), которая в стране полностью отсутствует».

Дж. Неру понимал, что в такой стране, как Индия, для социальной и политической стабильности необходимы сильная секуляристская политика и секуляристская государственность, гармония и консенсус между различными религиозными группами. Именно секуляристское государство, полагал Неру, в основе деятельности которого — сознательное разделение религии и политики, может наилучшим образом служить интересам общества, разделенного на всевозможные религиозные группы. Усилия Дж. Неру и его соратников способствовали укреплению в широких демократических слоях индийского общества рационального, секулярного отношения к традиционному наследию индийской цивилизации и духовному раскрепощению, освобождению от пут косности и обскурантизма. В области создания секуляристской государственности и политической культуры заслуги Дж. Неру неоспоримы, и это вынуждены признать даже его критики.

Как историк и политический мыслитель Дж. Неру понимал, что в современном быстро меняющемся и постепенно складывающемся в некую глобальную целостность мире изоляция в «национальных квартирах» нежелательна и даже невозможна. У Дж. Неру было свое, тонкое понимание всемирной истории. Главный урок, который он извлек из истории, это стремление людей к единению, сотрудничеству и совместной деятельности на благо всех народов. Одной из сильных черт его таланта политического деятеля была редко встречающаяся способность анализировать проблемы своей страны в более широком, международном контексте. Он постоянно напоминал своим сторонникам и противникам, что государство в своей политике должно поддерживать разумный баланс между принципами национализма (патриотизма) и интернационализма. Каждое государство, считал Дж. Неру, обязано

стремиться к пониманию интересов других государств с целью добиться международного сотрудничества и гармонии международных отношений.

Дж. Неру был многогранной личностью. Как политический лидер он стремился привить индийцам понимание значимости общемировых процессов, их влияния на ход событий в своей стране. Как мыслитель он обладал способностью заглядывать за горизонты современной ему мировой политики, и его идеи оказывали мощное влияние на прогрессивные силы внутри Индии и за рубежом. Как гуманист он решительно отстаивал идеи экономического развития ради социального прогресса, ради создания такой Индии, в которой демократические слои общества будут чувствовать, что это их страна и что они самостоятельно могут участвовать в ее созидании.

Современность прочными узами связана с предыдущим опытом жизни общества. Влияние идей Дж. Неру мы ощущаем сегодня в Индии везде — в экономике, политике, идеологии, культуре. И это закономерно. Ведь наследие великого индийца — это не просто канувшее в Лету прошлое. Наследие Неру — это некий опыт, итог и одновременно исток для пути в будущее. Оно значимо и поучительно для современного индийского общества, да и не только для него. Один из крупнейших индийских экономистов профессор С. Чакраварти так оценивает историческое значение «курса Неру» для независимой Индии: «Я считаю, что первоначальный выбор стратегии развития был не только оправданным, но и в каком-то смысле «естественным»; несмотря на недостатки в замысле и осуществлении, эта стратегия представляла собой главное направление в фундаментальной перестройке индийской экономики и всего общества». Преодоление экономических и иных трудностей, завершает свою мысль С. Чакраварти, возможно не путем отказа от «курса Неру», а за счет его активного совершенствования, придания ему нового облика, соответствующего требованиям нашего времени.

Дж. Неру, как и М. К. Ганди, полагал, что существует некий «национальный дух Индии», пронесенный ею сквозь века и тысячелетия, который и есть единственный действенный способ решения и внутренних, и внешнеполитических проблем. Так это или нет, покажет будущее. Бесспорно, однако, другое: Дж. Неру признан политиком мирового масштаба, признан такими титанами мысли, как Бертран Рассел, Арнольд Джозеф Тойнби, Мартин Лютер Кинг. Прислушаемся к их голосу. Выдающийся борец за гражданские права М. Л. Кинг писал в середине 60-х годов: «Пусть он уже не с нами, но его духовное влияние сохраняет свою живительную силу. Великие державы (СССР и США.— *Авт.*) пока не достигли гармоничных отношений, однако с помощью неприсоединившихся стран они научились руководствоваться во взаимоотношениях принципом мудрой сдержанности. Именно в этой сдержанности основа для длительной разрядки». М. Л. Кинг также подчеркивал, что негритянское движение за гражданские права в США черпало опыт и вдохновение в кампаниях несотрудничества, столь блистательно проводившихся М. К. Ганди и Дж. Неру во время борьбы за суверенитет.

Бертрана Рассела, столь глубоко чтимого Дж. Неру, поражало отсутствие у Неру в годы независимости «малейшего намека на враждебность по отношению к нации, которая подчинила его страну и отправляла самого Неру в тюрьму». А историк и философ Арнольд Тойнби отмечал, что сразу подпал под обаяние личности Дж. Неру и что первое впечатление впоследствии не покидало его. Он был из тех, кто мог завоевать сердце, завоевать сразу и навсегда. Вновь обратимся к Тойнби: «Неру был начисто лишен таких черт, как напыщенность, самомнение, застенчивость. Он сохранил непосредственность и веселую энергию юности после долгих лет тяжкого бремени государственной деятельности». Тойнби удачно подметил, что в личности Неру органично и счастливо соединились «высокий идеализм и практический гений». С годами, писал он,

личность Неру укрупняется, становится все масштабнее; так происходит потому, что для Неру политическая деятельность никогда не была самоцелью. «Для него политика была средством служения людям, прежде всего гражданам его страны — Индии, но не только им, потому что его чувства к своим согражданам распространялись на все человечество». Человечество отвечает Джавахарлалу Неру доброй памятью и глубоким уважением.

Дневник Неру
(«Ананд Бхаван»,
Аллахабад)

● СЛОВАРЬ ИМЕН И ТЕРМИНОВ ●

Авеста — священная книга последователей Заратуштры (Зороастра), созданная в VI—IV вв. до нашей эры.

Азад, Абул Калам (1888—1958) — деятель национально-освободительного движения Индии. В 1912 г. вступил в партию Индийский национальный конгресс. Позднее стал одним из сподвижников Ганди в организации кампании гражданского неповиновения (1919—1922 и 1930 гг.). В 1923 и 1939—1946 гг. — председатель Индийского национального конгресса. После завоевания независимости возглавлял министерство просвещения в правительстве Дж. Неру.

Акбар (1542—1605) — падишах Индии (1556—1605), один из наиболее выдающихся государей из династии Великих Моголов. В годы его правления границы империи Великих Моголов значительно расширились. На период правления Акбара приходится расцвет империи Великих Моголов.

Ашрам (букв. обитель). Ганди и его последователи называли ашрамами основанные ими трудовые общины, члены которых придерживались принципов и методов гандизма.

Банерджи, Сурендранатх (1848—1926) — один из основателей и первых руководителей Индийского национального конгресса. После организации Конгресса стал во главе его умеренного крыла.

Безант, Анни (1837—1933) — общественная деятельница, вначале член фабианского общества. В 1893 г. приехала в Индию и поселилась в Бенаресе; в 1916 г. основала «Индийскую лигу гомрула (самоуправления)».

Бирла — династия крупнейших индийских промышленников и финансистов. Основатель концерна — Шивнараян Бирла. У выхода из особняка его внука Гханьяма Датта Бирлы был убит в 1948 г. М. К. Ганди.

Бос, Субхас Чандра (1897—1945) — деятель национально-освободительного движения в Индии, один из руководителей левой фракции Индийского национального крыла. После начала второй мировой войны покинул Индию, создал в 1941 г. при содействии оккупировавших Бирму японцев «Правительство Свободной Индии» и в 1942 г. «Индийскую национальную армию» (ИНА), поставив целью свержение английского господства в Индии с помощью японских войск.

Брахманы — члены касты жрецов и священнослужителей, занимающей у индусов высшее положение в сословно-кастовой иерархии.

Вивекананда, Свами (настоящее имя — Датт Нарендранатх) (1863—1902) — индийский философ-гуманист и общественный деятель, один из идеологов национально-освободительного движения. В 1897 г. основал религиозно-реформаторское общество «Миссия Рамакришны». Мировоззрение Свами Вивекананды и его аскетический образ жизни оказывали большое влияние на современников.

Виктория (1819—1901) — королева Англии (1837—1901). В 1876 г. была провозглашена императрицей Индии.

Гокхале, Гопал Кришна (1866—1915) — преподаватель кафедры истории и политической экономики в Пуне, член Законодательного совета Бомбея, член Исполнительного совета при вице-короле Индии, один из основателей и первых руководителей Индийского национального конгресса. Председательствовал на сессии Конгресса в Бенаресе в 1905 г. Будучи лидером умеренных, пытался путем сотрудничества с английской колониальной администрацией добиться экономических и политических уступок для имущих классов Индии.

Гомрул — от английских слов «home rule» — самоуправление. Этим термином первоначально обозначалось национальное движение в Ирландии за самостоятельный парламент и ответственное перед ним правительство. В годы первой мировой войны движение гомрула (за самоуправление) развернулось в Индии.

Дас, Читта Ранджан (1870—1925) — деятель национально-освободительного движения в Индии, один из руководителей Индийского национального конгресса, в 1921—1922 гг. — его председатель. В 1923 г. вместе с Мотилалом Неру создал партию свараджистов.

Дешбандху (букв. «друг страны») — персональный титул, данный Конгрессом Ч. Р. Дасу.

Джинна, Мухаммед Али (1876—1948) — политический деятель Индии и Пакистана. До 1921 г. один из лидеров Индийского национального конгресса. Затем отошел от этой партии и возглавил партию Мусульманская лига. Был фактическим лидером движения за создание государства на религиозной (конфессиональной) основе — Пакистана. После раздела Индии в 1947 г. стал генерал-губернатором Пакистана.

Дистрикт — административная единица Индии с населением примерно 1—2 млн человек.

Дхарма — закон, религия, предписание. Один из основных догматов брахманизма и индуизма, рассматривающий определенные жизненные обязанности человека как его религиозный долг.

Дхоти — индийская мужская одежда; состоит из куска материи, опоясывающего бедра.

Закон об обороне Индии — принят в сентябре 1939 г. после того, как английское правительство без ведома Индии объявило ее воюющей стороной. Закон предусматривал создание специальных трибуналов для разбора дел, связанных с преступлениями «против обороны», а также предоставлял полиции право запрещать митинги, собрания, закрывать органы печати, распускать любые организации и арестовывать лиц, деятельность которых признавалась «опасной для обороны» Индии.

Индуизм — господствующая религиозная система в современной Индии; получила широкое распространение в VI—IV вв. до н. э. Индуизм отличает отсутствие канонизации и организованной церкви. В сферу индуизма входит большинство индийских культовых и религиозных систем, связанных с почитанием Брахмы, Вишну и Шивы.

Керзон, Джордж Натаниел (1859—1925) — лорд, британский государственный деятель и дипломат. Идеолог имперской политики Великобритании на Востоке. Вице-король Индии (1899—1905), министр иностранных дел Англии (1919—1924). В бытность вице-королем Индии Керзон провел в 1905 г. так называемый раздел Бенгалии (отменен в 1911 г.).

Коммунализм — политика, основанная на противопоставлении одной религиозной общины другой (например, индусов и мусульман).

Конгресс — социалистическая партия — реформистская партия, отколовшаяся от левого крыла Индийского национального конгресса. Первая конференция ее состоялась в октябре 1934 г. в Бомбее. Принятая программа предусматривала борьбу за предоставление Индии независимости, созыв Учредительного собрания и построение «социалистического общества». В уставе партии указывалось, что она работает в составе Национального конгресса, с тем чтобы вынудить его «принять социалистические принципы». Членами партии могли быть только члены Конгресса.

Кхади (кадар) — дмотканое хлопчатобумажное полотно. Пропаганда кхади рассматривалась сторонниками Ганди как важная часть стратегии борьбы против английского господства. Члены партии Индийский национальный конгресс были обязаны носить одежду из кхади.

Кшатрии (санскр. кшатрия, от кшатра — господство, власть) — одна из высших каст в Древней Индии, образовавшаяся из военноплеменной аристократии.

Ладжпат, Рай (Лала) (1865—1928) — общественный деятель Индии. В Индийском национальном конгрессе занимал ряд руководящих постов. Председательствовал на чрезвычайной сессии Конгресса в Калькутте в

1920 г., принявшей резолюцию о несотрудничестве с колониальными властями.

Локаманья (букв. «любимец народа») — почетный титул, присвоенный Б. Г. Тилаку его последователями.

«Лок севак сангх» (букв. «союз служителей народа») — так должна была, по мнению Ганди, называться партия Индийский национальный конгресс после завоевания Индией независимости. Это должна была быть неполитическая организация, члены которой посвящали бы себя бескорыстному служению народу. Руководство Конгресса не поддержало эту идею Ганди.

Маулана (букв. «мой господин») — почетный титул у мусульман.

«Махабхарата» — древнеиндийская эпическая поэма. Окончательный текст сложился в начале нашей эры. Помимо повествования о борьбе за власть двух царских родов (основная часть), «Махабхарата» содержит много сказаний, легенд, трактатов по вопросам права, морали, науки и т. п.

Махатма (букв. «великая душа») — почетный титул, присвоен Ганди его последователями. Впервые его употребил Рабиндранат Тагор вскоре после возвращения Ганди из Южной Африки.

Моулави — почетный титул мусульманского богослова.

Мусульманская лига — политическая партия, организована в 1906 г. имущей верхушкой мусульманской общины при активном содействии британской колониальной администрации. Первоначальной целью Лиги было достижение привилегий для мусульманской верхушки и расширение представительства мусульман в совещательных органах при вице-короле Индии. К началу первой мировой войны Мусульманская лига сблизилась с Национальным конгрессом на базе требования о предоставлении Индии статуса доминиона. С начала второй мировой войны Лига повела активную агитацию за раздел Индии на два государства: мусульманское (Пакистан) и индуское (Бхарат).

Наороджи, Дадабхай (1825—1917) — индийский политический деятель и ученый, автор ряда работ по экономике Индии. Один из основателей и первых руководителей Индийского национального конгресса. Выступал против «крайностей» английского господства, требовал самоуправления Индии в рамках Британской империи. Был избран в английский парламент (1892), а также избирался председателем Национального конгресса.

Неприкасаемые (хариджаны) — общее название низших групп каст индийского общества, находящихся вне традиционного деления индусов на четыре варны (так называемые кастовые индусы). Наиболее социально ущемленная, бесправная, эксплуатируемая часть насе-

ния. Согласно неписаным канонам, соприкосновение с неприкасаемыми (совместное принятие пищи, посещение храмов, школ, пользование источниками воды и т. д.) запрещено лицам других каст. В городах и деревнях для неприкасаемых отводились специально предназначенные места для расселения. Социальный состав неприкасаемых — безземельные крестьяне, сельскохозяйственные рабочие, издольщики, мусорщики, мясники, кожевники, прачки и т. п. Конституцией Республики Индии неприкасаемость отменена.

Нетаджи (бука. «великий вождь») — почетный титул, присвоенный С. Ч. Босу его последователями.

Низам — титул правителя крупнейшего в Индии княжества Хайдарабад.

Пандит — почетный титул, присваиваемый индусам, как правило, получившим богословское образование.

Парсы — последователи парсизма, современной формы зороастризма. Выселены в раннем средневековье из Ирана. Живут главным образом в Бомбее и в штате Гуджарат. Занимаются в основном торгово-промышленной и ростовщической деятельностью.

Патель, Валлабхай (1875—1950) — ахмадабадский адвокат, выходец из семьи мелких землевладельцев, активно участвовал в «сатьяграхе». Позднее один из руководителей Индийского национального конгресса. После завоевания Индией независимости — заместитель премьер-министра Индии и министр внутренних дел.

Прасад, Раджендра (1884—1963) — деятель национально-освободительного движения Индии. В 1911—1920 гг. — адвокат Верховного суда Калькутты и Патны. Один из лидеров Индийского национального конгресса. После достижения Индией суверенитета — президент Республики Индии (1950—1962).

Раджагопалачария, Чакраварти (1879—1972) — деятель Индийского национального конгресса, активный участник «сатьяграхи» в Индии. В 1921—1922 гг. — генеральный секретарь Национального конгресса. После достижения Индией независимости занимал ряд высоких партийных и административных постов. Вышел из Конгресса в 1958 г. Основатель и идеолог правоконсервативной политической партии «Сватантра».

Раджпуты — группа каст воинов (кшатриев) в Северной, Западной и Центральной Индии. Термин «раджпут» появился в раннем средневековье и означал «сын раджи».

«**Рамаяна**», или «Море подвигов Рамы» — древняя эпическая поэма на санскрите, по мотивам которой классик индийской литературы Тулсидас создал поэму на хинди. В «Рамаяне» описываются подвиги мифического героя Рамы, преданность и любовь его супруги Ситы.

Сардар (букв. начальник, командир) — широко распространенный титул знатных индийцев.

«Сатьяграха» (букв. «упорство в истине») — термин, введенный Ганди для обозначения используемых им ненасильственных методов политической борьбы. «Сатьяграхами» назывались проводимые Ганди кампании несотрудничества с английскими властями.

Сахиб (букв. «господин») — часто входит в состав имен. В Индии обращение к знатым особам, а также к европейцам.

«Свадеши» (букв. «отечественный») — движение за бойкот иностранных товаров, за развитие национальной промышленности. Возникло во время революционного подъема в Индии в 1905—1910 гг. Участники его носили национальную одежду домашнего производства.

«Сварадж» (букв. «свое правление») — термин, выдвинутый в качестве лозунга в борьбе за независимость Индии на калькуттской сессии Индийского национального конгресса в 1906 г. В программном требовании Конгресса говорилось о предоставлении Индии самоуправления — «такого же, как в Англии и в самоуправляющихся странах Британской империи».

Свараджисты — партия, основанная в 1923 г. Ч. Р. Дасом и Мотилалом Неру в составе Национального конгресса. Основной пункт программы партии гласил: через участие в законодательных органах добиться удовлетворения национальных требований, в частности статуса доминиона. Впоследствии свараджисты вновь вошли в состав Конгресса.

Секуляризм — политика, предполагающая отделение религии от государства и политики.

Тагор, Рабиндранат (1861—1941) — индийский писатель и общественный деятель. Лауреат Нобелевской премии по литературе. В 1930 г. посетил Советский Союз, после чего опубликовал «Письма из России».

Теократия (теократический) — форма правления, при которой духовенство осуществляет функции светской власти, а религиозные догматы определяют направление власти.

Тилак, Бал Гангадхар (1856—1920) — деятель индийского национально-освободительного движения. Возглавлял радикальное крыло («крайние») Национального конгресса. За свою антиимпериалистическую деятельность дважды подвергался тюремному заключению.

«Умеренные» — название консервативного крыла Национального конгресса. Их лидеры — Г. К. Гокхале и С. Банерджи. Стремясь добиться частичных уступок, проводил политику сотрудничества с английским правительством и колониальной администрацией. В 1907 г. на сессии Конгресса в Сурате произошел открытый разрыв «умеренных» с Конгрессом, однако на сессии в Лакхнау (1916 г.) они вновь объединились.

Хариджаны (букв. «божьи люди») — так Ганди назвал представителей каст «неприкасаемых». Индийский лидер боролся за предоставление хариджанам равных с остальными индийцами прав. Длительное время он издавал газету «Хариджан».

Хартал (букв. «заккрытие лавок») — форма всеобщего забастовочного движения. Харталы сопровождался прекращением торговли в магазинах и работы на фабриках, заводах, железных дорогах, бойкотом учебных заведений со стороны учащихся и преподавателей, бойкотом учреждений и т. д.

«Хинду махасабха» («Великий союз индусов») — религиозно-общинная партия крайне фундаменталистского толка, создана в 1906 г. После злодейского убийства Ганди в 1948 г. партия была официально распущена.

Чаддар — накидка, покрывало.

Чаркха — ручная прялка для изготовления нити, из которой производится домашняя ткань кхади. Пропаганда чаркхи и ношение одежды из кхади были обязательными для членов Национального конгресса и рассматривались ими как форма антиколониальной борьбы.

«Экстремисты» — название левого крыла партии Индийский национальный конгресс. Крайние выступали за достижение независимости Индии любыми доступными средствами, включая насильственные методы. Антиимпериалистическая деятельность крайних особенно активизировалась в 1905—1908 гг. В 20-х гг. XX в. название «крайние», «экстремисты» стало выходить из употребления и было заменено термином «левые».

Юм, Аллен Октавиан (1829—1912) — английский чиновник в Индии. Выйдя в отставку в 1882 г., занялся общественной деятельностью и был одним из инициаторов создания Индийского национального конгресса.

● ОГЛАВЛЕНИЕ ●

Предисловие	3
Глава I. Звездный час	8
Глава II. Детство	14
Глава III. Обучение в Англии. Возвращение в Индию и начало политической деятельности	23
Глава IV. «Пламя, которое невозможно потушить»	45
Глава V. М. К. Ганди. Новые веяния в Национальном конгрессе	56
Глава VI. Победы и поражения. Раскол Конгресса	75
Глава VII. В Европе. Брюссельский конгресс угнетенных народов. Визит в Москву	90
Глава VIII. Во главе левого крыла Национального конгресса . . .	110
Глава IX. «Соляной поход». Смерть отца. Сессия Конгресса в Карачи	133
Глава X. Еще одна кампания ненасильственного сопротивления. Смерть жены	154
Глава XI. Сессия конгресса в Лакхнау. Канун второй мировой войны	175
Глава XII. В годы второй мировой войны. «Вон из Индии!»	189
Глава XIII. Индия обретает свободу	213
Глава XIV. Тяжелое наследство. Убийство Ганди	239
Глава XV. Провозглашение республики. Первые шаги по пути независимости	256
Глава XVI. «Общество социалистического образца»	273
Глава XVII. «Курс Неру» во внешней политике Индии	291
Глава XVIII. Джавахарлал Неру и Советский Союз	311
Глава XIX. Друзья и враги Неру	321
Глава XX. Смерть Джавахарлала Неру	327
Глава XXI. Наследие Джавахарлала Неру и современность	331
Словарь имен и терминов	344

А. Володин
П. Шаститко

**«Пусть
не обманет
надежда!..»**

**Жизнь и борьба
Джавахарлала
Неру**

**В оформлении книги
использованы фотографии из календаря,
изданного в Индии
в связи с столетием со дня рождения
Дж. Неру, а также
из юбилейного номера журнала
«Индия»**

*Заведующий редакцией А. В. Никольский
Редактор О. В. Петрова
Младший редактор Т. В. Гуничева
Художник Г. Д. Расторгуев
Художественный редактор Е. А. Андрусенко
Технический редактор Е. Ю. Куликова*

ИБ № 7773

Сдано в набор 28.09.89. Подписано в печать 28.03.90.
А00053. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная
офсетная. Гарнитура «Тип Таймс». Печать офсетная. Усл.
печ. л. 16,19. Усл. кр.-отт. 19,38. Уч.-изд. л. 17,37. Тираж
50 тыс. экз. Заказ № 293. Цена 1 р. 30 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

